

K1445287

ec

СЛОВО О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

С Л О В О

О Р О Д Н О Й Д Е Р Е В Н Е

**Вологда
2011**

УДК 398
ББК 82.3(2Рос)=Рус
С 48

Автор-составитель – Л.Г. Яцкевич (Калачёва)

С 48 Слово о родной деревне / Автор-составитель – Л.Г. Яцкевич (Калачёва). Вологда, 2011. – 272 с.

Книга посвящена описанию жизни и народной культуры деревни Квасюнино (Шекснинского района Вологодской области) в переломный период конца XIX – первой половины XX вв. В ней содержатся воспоминания о жителях деревни, более 700 местных частушек, словарь местных слов, стихи деревенского поэта Владимира Калачёва.

Автор книги – Людмила Григорьевна Яцкевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Она предназначает свою книгу землякам, а также краоведам и всем любителям живого русского слова.

УДК 398
ББК 82.3(2Рос)=Рус

© Л.Г. Яцкевич, 2011

Книга посвящается светлой памяти моей бабушки Надежды Феофановны Калачёвой, в девичестве Вальковой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге содержатся очерки о жизни и народной культуре деревни Квасюнино, родины моей матери, моих бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек.

В книге представлен только небольшой период из истории Квасюнина: конец XIX – первая половина XX вв. Это были переломные годы в жизни деревни.

Квасюнино – деревня Шекснинского района Вологодской области, расположенная на месте слияния двух рек – Игайки и Шексны (координаты 59°19' северной широты 38°32' восточной долготы). Когда-то до революции здесь на Шексне стояла большая торговая пристань, через которую проходили товары для всех окрестных сёл и деревень. Жители деревни никогда не были крепостными. Это были крестьяне среднего достатка. Очень бедных и очень богатых среди них не было, за редкими исключениями. Сеяли рожь, овёс, лён, держали коров, овец. Занимались кустарными ремёслами. Все были православными.

Книга написана на основе достоверных источников как устных, так и письменных. Материал для книги я собирала долгие годы. Так, частушки слышала от старых жителей в 60-е годы XX века, местные слова и воспоминания записывала, начиная с 60-х годов и до последнего времени. Большую помощь оказали письменные источники, опубликованные в последние годы. Они подтверждали факты, рассказанные автору жителями деревни.

Л.Г. Яцкевич (Калачёва)

Преподобный Антоний Черноезерский
17 января (ст.ст.) 30 января (нов. ст.)

Яко избранник Божий, Антоние, прославися на езере Черном, не иский славы от человек, и Бог прослави тя в чудесех Своих.

(Из канона Собору новгородских святых)

«Стена необоримая и прибежище спасительное буди... прибегающим и просящим твоего заступления в годину бед и напастей. Буди стена крепкая и покров надежный, ограждая нас от всяких злоключений и козней... Радуйся, воине Царя Небесного, пошли нам победу противу плоти, мира и диавола» (икос 11).

(Из Акафиста преподобному Антонию Черноезерскому)

«КРАЙ СТУДЁНОЙ, СМЕРЕННОЙ ДОЛИ ...»

До революции деревня Квасюнино была приписана к Чуровско-Черноезерскому приходу. Церковь, прихожанами которой были жители деревни, находилась за рекой Шексной и называлась Богородице-рождественской Черноезерской. Она находилась в урочище Чёрные Озерки юго-западнее деревни Анисимово. В церкви под спудом покоились мощи *преподобного Антония Черноезерского*, пришедшего спастись в глухие леса в XVI веке. В рукописных святцах отнесен он к Вологодским подвижникам и наименован «пустынником за лесом». Память его чтится 17-го января по старому стилю (30 января по новому стилю). Преподобный основал Черноезерскую в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужскую пустынь (монастырь). Пустынь дважды разоряли поляки (в 1585 и 1610 гг.), она была сожжена, а потом восстановлена. Затем в конце XVIII века монастырь был упразднён. Сохранилась лишь деревянная монастырская церковь, заново построенная в 1875 году, которая стала приходской [1; 3; 7].

Фрагмент листа 92 из 2-го тома
«Церковно-исторического атласа Вологодской области».
Шифр 11-26 – Антониева пустынь.

С этой церковью была связана вся жизнь квасюнинских жителей: в ней они крестились, причащались, венчались и отпевались. Вблизи церкви располагалось и родовое кладбище, на котором хоронили жителей Квасюнина и других окрестных деревень. Там покоятся мои предки: мой прадед Феофан Семёнович Вальков, прабабушка Еннафа Васильевна Валькова, прадед Митрофан Калачёв, прабабушка Мария Калачёва, сёстры моего дедушки Степана Митрофановича Калачёва – Ефросинья и Анна Калачёвы, его брат Андрей. Там похоронен и мой дядя, брат моей матери, Анатолий Степанович Калачёв, умерший восемнадцатилетним.

В 1940-50 годы, живя в Череповце, моя бабушка Надежда Феофановна часто с грустью вспоминала, как она и её родственники ходили в церковь в пустынь на Чёрном озере. Колокольный звон разносился по округе, перелетал через реку и звал крестьян на службу. Одевались почище, понаряднее и шли по дороге к реке. Девушки шли пёстрой весёлой гурьбой отдельно от взрослых. Переезжали через Шексну на небольшом пароме или лодках. В церкви девушки стояли вместе с женщинами по левую сторону, а парни с мужчинами – по правую.

Все в деревне знали церковные праздники и достойно отмечали их. На Рождество, на Пасху, на Троицу, а также в престольные праздники в деревню приезжал священник, проводил по домам молебны. Его всегда угощали и одаривали.

Престольным праздником в деревне Квасюнино был Спасов День (Преображение Господне, 6 августа по старому или 19-го по новому стилю). Пьянства и различного рода преступлений не было тогда. Они появилось уже позднее, после Отечественной войны, когда мужики, вернувшиеся с войны, сильно ослабели, а молодёжь уже отошла от религии, поскольку все церкви в округе были давно закрыты. А раньше мужики могли выпить немного в праздник, а женщины и девушки вообще не пили. Матом в семейном кругу никогда не ругались. Среди женщин и девушек были распространены ласкательные имена: Аннушка, Марьюшка, Галинушка, Евросиньюшка, Ульянушка и т.п. Так они называли друг друга и в старости даже, чему я свидетель.

Весело и красиво отмечали Троицу. Бабушка рассказывала мне, что вся деревня готовилась к этому празднику. Всё мыли и чистили дома, прибирали двор, даже улицу подметали. Двери и окна домов украшали берёзовыми ветками. После церковной службы устраивали праздничный стол, ходили друг к другу в гости. Родственников было много, поэтому и гостей много. Особенно весело гуляла по деревне молодёжь, причём совершенно трезвая. Пели песни, играли на гармошке, плясали с частушками, устраивали различные игры и забавы. Ходили гулять и к знаменитой могучей Репинской сосне, видимо, по древней традиции. Старинные частушки отличаются от современных, они были чище, красивее, лиричнее, нередко упоминалась церковь, Бог и церковные обряды. Вот некоторые из этих частушек:

Я к обеденке ходила,
Всё вставала наперёд.
Не моё ли, девки, золото
На крылосе поёт.
Завтра праздничек Господен,
Налитушек напекут.
Не помажут, не покажут
И *поисти* не дадут.
Изменил милаша клятвой.
Ему счастья Бог не даст.
Не даст ни счастья, ни ума –
Зачем обманывал меня.
Некрута по церкви ходят.
В два ряда свечи горят.
По несчастным по некрутикам
Сударушки ревят.
Как на Чуровском соборе
Золотые главушки.
Поживи моя милая
Хоть годок без славушки.
Как на Чуровском соборе
Высоко сияет крест.

У *меня* по чуровском милёночке
Не в меру сердце ест.
На беседушку пришла,
Богу помолилася:
«Слава тебе, Господи!
Любовь решилася». С милым Богом обнеслись,
А обвенчаться не пришлось.
Всю мы зимушку сидели –
К лету дело разошлось.
У товарочки в груди
Тонкая иголочка.
Побойся Бога и людей –
Не отбивай милёночка.

До революции детей в деревне рожали много, поэтому часто, особенно в холодное время года, крестить в церковь не ездили: священник сам приезжал в Квасюнино и крестил в одном из домов. Туда приносили всех новорожденных к этому дню.

После революции, когда все церкви в округе были закрыты, детей стали тайно крестить монахины, пришедшие из закрытых монастырей и жившие по окрестным деревням.

В деревне не было воровства, дома не закрывались на замок, а только снаружи приставлялась палка как знак того, что хозяев нет дома. Никто не припомнит, чтобы до революции кто-нибудь из квасюнинских жителей сидел в тюрьме.

О набожности населения деревни Квасюнино говорит, например, тот факт, что старые крестьяне любили ходить по святым местам, паломничали. Среди них был и житель деревни Василий Малков. По воспоминаниям его внучки Таисии Дмитриевны Роговой, он обошёл много монастырей в России и дошёл даже до Афона, откуда привёз памятный крест, сделанный из кристалла.

Моя прабабушка Еннафа была очень набожна и научила многим молитвам своего внука Шуру (Тихомирова). В том числе, и молитве «*Кирие элейсон*» – «*Господи помилуй*» на греческом языке. А другой её внук Ростислав виртуозно играл на балалайке церковные песно-

пения, подражая хору монахинь. Моя бабушка не раз вспоминала после войны своего погибшего племянника и с умилением говорила: «Стася-то так благолепно играл на балалайке: подражал монашкам, как они поют. Просто удивительно, до чего похоже было!» В доме Тихомировых, даже после всех несчастий, постигших эту семью в 30-40-е годы, было много замечательных икон. Когда меня маленькую привезли из Череповца к моей крёстной Раисе Ивановне, жене Ростислава Тихомирова, я впервые увидела так много икон в доме. Почему-то я очень радовалась этому, какое-то тепло от них исходило. Позже Раисе Ивановне достались по наследству от тётки – монахини Нимфодоры (Натальи Голубевой) большие церковные книги в толстом кожаном переплёте.

Жительница деревни Высоково монахиня Нимфодора (Наталья Голубева)

Общее религиозное настроение крестьян до революции создавало ту среду, из которой появлялись святые люди, юродивые Христа ради, монахи строгой аскетической жизни. Таким подвижником веры Христовой был **Иван Фёдорович Калинин**, о котором рассказано в статье Е.Р. Стрельниковой «Игумен Иннокентий (Калинин)» [2: 62-65]. Он родился в 1886 г. в крестьянской семье в деревне Селище Усть-Угольской волости Череповецкого уезда. Эта деревня находилась километрах в двадцати от Квасюнина. Закончив церковно-приходскую школу, Иван поступил на испытание в Нило-Сорскую пустынь, в 1908 году был определён послушником. Иоанн начинал иноческую жизнь под руководством подвижника и аскета схиигумена Нила (Судьбинского), келейником которого он был с 1903 по 1913 гг. Он прошёл хорошую школу высокой духовной жизни. В 1914 г. был пострижен в монашество с именем **Иннокентий**. После революции для монашества начались тяжёлые времена, гонения, лишения. Однако Иннокентий (Иоанн) не отступил от своего духовного подвига, в 1918 году он был рукоположен во иеромонаха. В Вознесенской церкви сельца Сорова игумен Иннокентий служил как приходской батюшка, вплоть до своего ареста. При храме жили несколько монахов из Нило-Сорской пустыни, а также монахини и сестра игумена Марфа. Здесь же с 1920 г. служил епископ Тихон Тихомиров (о нём речь пойдёт ниже).

После закрытия всех приходских церквей в Кирилловском уезде только одна Соровская Вознесенская церковь продолжала кормить народ. В эту единственную в округе церковь тайком пробирались верующие даже из дальних мест. Игумен Иннокентий знал, что будет репрессирован, так как уже многие монахи и монахини были или убиты, или сидели в тюрьме. Но он до конца исполнил свой пастырский долг и монашеским обетам не изменил. 18 мая игумена Иннокентия арестовали и заключили в Белозерскую тюрьму, где он и умер 14 апреля 1939 г. Местный житель В.В. Тихонов впоследствии вспоминал о нём: «...Лицо у него было прекрасное, доброе такое, милое лицо» [2: 80].

* * *

Преподобного Антония Черноезерского, основателя церкви Рождества Пресвятой Богородицы, крестьяне деревни Квасюнино почитали, но по-своему. Прошло много лет после революции, храм уже давно закрыли, а местные женщины всё ещё передавали друг другу легенды о святом Антонии, считая его своим заступником и молитвенником перед Господом. «Уже в древности началось почитание преподобного Антония как местночтимого святого. О нём до сих пор рассказывают предания. Одно из них гласит, что преподобный прошёл Чёрное озеро по воде и оставил дорожку. И поныне, даже во время сильного ветра, когда вода покрывается рябью, отчётливо видна ровная «дорожка Антония». Богомольцы всегда стремились омыться в водах Чёрного озера с молитвой преподобному Антонию» [3: 6-7].

В 50-60 гг. я сама слышала эти чудесные истории, когда к моей бабушке приходили в гости её деревенские родственники. Так, **Анна, жена Стафия**, двоюродного брата моего деда, рассказывала при мне: «Иду я между могил и плачу-плачу. Кругом ни души. Вдруг мне навстречу старичок идёт, такой седой, и говорит мне: «Не плачь, милая! В Царствии Небесном твой сынок». Я так и обмерла вся. Ведь это преподобный Антоний был. Постоял он немного, перекрестил меня и исчез. На душе так посветлело!».

А другая родственница **Еликанида**, жившая на хуторе **Дёмкино**, расположенном недалеко от пύстыни, в ответ тоже рассказала подобную историю. Собирала она ягоды в лесу, вблизи кладбища, и увидела благообразного старичка, который её перекрестил и исчез.

И таких легенд о преподобном Антонии ходило много. Народ его помнил и почитал.

* * *

В начале XX века, во времена молодости моей бабушки Надежды Феофановны, началось возрождение Черноезерской пустыни по инициативе **архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого)**. Организатором возобновления монастыря была **Таисия (Со-**

лопова), игуменя Леушинского монастыря, духовная дочь отца **Иоанна Кронштадтского**. Она выбрала из числа Леушинских монахинь 20 сестёр, которым предстояло начать нелёгкое дело. Первой настоятельницей пустыни стала монахиня Антонина (Назарова). В должности настоятеля храма Черноезерской пустыни был утверждён священник Сергей Яковлевич Ставровский, там же служил священник Алексей Иосифович Богоявленский [3: 11-12]. Летом 1911 г. для освящения закладки нового храма в Черноезерскую пустынь приезжали **архиепископ Арсений** и **архимандрит Варсонофий**. «Это была горячая пора сенокоса, но на торжества в Черноезере собралось множество крестьян» [3: 12]. Игуменя Таисия Леушинская писала позже: «Народ не только переполнял церковь, но и окружал её у окон, через которые слышалось пение. По окончании Литургии Владыка произнёс пространное слово, в котором выразил преимущественно ту мысль, что христиане должны жить согласно своему призванию» [4].

Уже после Отечественной войны Надежда Феофановна и её деревенские подруги при мне неоднократно вспоминали с благоговением Крестные ходы с иконами Богородицы, в которых они участвовали. Как я узнала недавно из книги «Антониево-Черноезерская пустынь», первая икона – «Скоропослушница» была написана по благословению игуменьи Таисии Леушинской на Святой Горе Афон. На станции Шексна, куда икона прибыла поездом, «Скоропослушницу» встречали три Крестных хода. «Перед приходом поезда в полунощной тиши с платформы вокзальной далеко раздавалось акафистное пение в честь Царицы Небесной «Скоропослушницы». В это время все священнослужители, монахини и весь народ в ожидании прибытия иконы Царицы Небесной стояли с зажжёнными свечами, – писал очевидец. – Лишь только закончилось пение Акафиста и монахини запели величание Божьей Матери «Достойно есть», поезд со святой иконой пошёл к платформе». Народ встречал образ со слезами умиления [3: 19].

На следующий день после Божественной Литургии икона отправилась Крестным ходом в Черноезерскую пустынь. Во время шествия из каждой деревни навстречу образу выходили крестные ходы с хоругвями и иконами. В каждой деревне служился молебен [3: 19]. Напротив деревни **Квасюнино** «на переправе у реки Шексны грандиозный Крестный ход встретили два других – из пустыни и погоста Веретья. Все крестные ходы соеди-

Игуменья Таисия Леушинская

нились и направились через деревню Анисимово в Черноезерский монастырь, куда прибыли в 7 часов вечера. Из-за большого стечения народа Всенощное бдение, которое совершали 9 священников, служили прямо в монастырском дворе на особом помосте» [3: 19-20].

Второй чтимой святыней Черноезерской обители стала икона Божией Матери «**Взыскание погибших**», пожертвованная в Черноезерскую обитель в начале Первой мировой войны [3: 20]. Эту икону также встречали торжественным Крестным ходом 31 мая 1915 г. Икона прибыла на станцию Шексна и на несколько дней была помещена в деревне **Квасюнино**» [3: 20]. «Первый Крестный ход отправился за иконой, а второй встречал образ на берегу реки Шексны с золотыми хоругвями. В ожидании прибытия был совершён водосвятный молебен. Тысячная толпа народа заполнила берег Шексны, а вскоре другая тысячная толпа пришла с образом, и два Крестных хода, соединившись, двинулись в обитель» [3: 21].

Перед этой иконой квасюнинские женщины молились об ушедших на войну мужьях, братьях, сыновьях. Молилась и Надежда Феофановна о благополучном возвращении своего мужа Степана Митрофановича.

* * *

Монахини и послушницы в Черноезерской пустыни были почти все из крестьян. Причём интересен тот факт, что все они пришли первоначально в Леушинский монастырь ещё девочками-подростками 14-15 лет [7], а затем уже взрослыми переведены игуменьей Таисией в Черноезерскую пустынь в 1911-1912 гг.

Церковный историк Н.М. Македонская пишет: «К 1917 году Черноезерская пустынь – процветающая обитель с 46-ю насельниками, большинство из которых молоды и трудоспособны. Старше 60 лет – всего две старухи: одна, 75-тилетняя, освобождена от послушания, вторая, помоложе, следила за чистотой в церкви. В 1920 году в монастыре уже не было гостиницы, рукодельной мастерской, сада и пасеки, конюшни. Каменная церковь, строительство которой начато в 1912 году, так и не была достроена. Хозяйство обители приходило в упадок, но число послушниц в монастыре не уменьшалось. В 1921 году в монастыре проживали 53 человека: игумения Марга-

рита, 7 монахинь, одна рясофорная послушница и 44 послушницы-белицы» [7].

После революции в 1920-е годы Антониево-Черноезерская Богородичная пустынь была закрыта, насельники репрессированы. В эти скорбные годы обитель посещал архиепископ Кирилловский **Тихон (Тихомиров)** [5]. По воспоминаниям людей, близко знавших владыку, он был молитвенником и аскетом [2; 5; 6] В 1920 г., незадолго до своего ареста, владыка написал свой первый **акафист преподобному Антонию Черноезерскому**. «Текст акафиста свидетельствует о том, что владыка бывал на Черном озере, служил в храме упраздненного в XVIII веке монастыря. В акафисте преподобному Антонию прославляется монашеский подвиг, подвиг великих отцов Северной Фиваиды. И через преподобного владыка молитвенно обращается ко всем преподобным отцам и подвижникам о помощи всем сохранившим верность Богу в лютое время гонений на Церковь и верующих. *«Стена неборимая и прибежище спасительное буди... прибегающим и просящим твоего заступления в годину бед и напастей. Буди стена крепкая и покров надежный, ограждая нас от всяких злоключений и козней... Радуйся, воине Царя Небесного, пошли нам победу противу плоти, мира и диавола»* (икос 11) [5; см. также 6].

Архиепископ Кирилловский Тихон
(Тихомиров)

В 1930-е годы насельники и духовенство Черноезерской пустыни были репрессированы. Среди них был священномученик **Валентин Черноезерский** (Валентин Иванович Томкевич) [3: 23].

Убили монастырь, пытались убить и душу народа. Но вера продолжала теплиться в сердцах верных Господу. Народ помнил и своего святого **Антония Черноезерского**.

Примечания

1. Хрусталёв М.Ю. Антониева Черноезерская в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужская пустынь // Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Т. II. М., 2001. – С. 593-594.

2. Рассказ о Евгении Васильевне Тихоновой (духовные истоки, жизнь, воспоминания её и о ней). Составитель А.Е. Фёдоров. – М., 2002.

3. Антониево-Черноезерская пустынь. Составитель прот. Геннадий Беловолов. Изд-во «Леушинское подворье», СПб, 2005.

4. Игуменья Таисия Леушинская. Торжество возстановления древней Антониево Черноезерской пустынной обители // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1911. № 26. Ч. неофиц. С. 861-863. Текст публикуется по книге: Антониево-Черноезерская пустынь. Составитель прот. Геннадий Беловолов. Изд-во «Леушинское подворье», СПб, 2005. С. 28-29.

5. Трофимов А. Епископ Тихон (Тихомиров). Жизнеописание святителя Тихона (Тихомирова), сына известного публициста, историка и общественного деятеля Льва Александровича Тихомирова.

6. Новомученики Россійскіе. Преосвященный Тихонъ епископъ Кирилловскій. Составитель священник Сергій Телицынъ // Русскій паломникъ. № 9, 1994. С.45-50.

7. Македонская Н. М. Антониева Черноезерская Богородицкая мужская пустынь.

* * *

Кирилл Иванович Вальков*

Я дарю тебе этот Край,
Край студёной, смиренной доли,
Ширь, открытую всем ветрам,
Зов разрушенных колоколен.

Я дарю тебе тихий свет
Этих нищих озёр белесых,
Синь лугов, узор перелесков,
Монастырских стен силуэт.

Эту сень одинокой кущи,
Над которой звоны гудели,
Тайну дней, куда-то бегущих,
Тишину заброшенных келий.

Я дарю тебе эту боль
Неисполненного завета,
Эту призрачность, эту голь.
Здесь мой путь начинался где-то.

Я дарю тебе этот миг
Грозных туч, пронёсшихся мимо;
Этот облик и этот лик
Красоты, для мира незримой.

1974 г.

* Стихотворение из книги: *К.И. Вальков. Как странен мир. – СПб. 2005.*

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕРЕВНИ КВАСЮНИНО

РЕПИНСКАЯ СОСНА И РЕКА ИГАЙКА

Деревня Квасюнино стоит на реке **Игайке**, которая впадает в реку **Шексну**. Игайка – название загадочное, однако с помощью деревенских легенд и частушек, а главное, с помощью этимологических словарей нам удалось найти возможную разгадку.

Название реки очень древнее, следовательно, нужно обратиться к тем давним временам и предположить, что было тогда характерно для той местности. Из рассказов моих старших родственников известно, что около Игайки, на противоположном берегу от деревни Квасюнино, в давние времена устраивались молодёжные гулянья, а в ещё более древние – купальские игрища. Было там и священное дерево – огромная сосна, был и священный камень. Моя бабушка Надежда Феофановна рассказывала мне об этой сосне, её невероятной толщине и высоте, что говорило о древности дерева. Недалеко от сосны стояло несколько домов – небольшая деревенька Репино. В молодости бабушка ходила с подругами на праздничные гулянья к этой сосне. Её так и звали – Репинская сосна. В XIX и начале XX веков особенно большие гулянья были там на христианские праздники Троицу и Десятое Воскресенье. До наших дней сосна не дожилась. Бабушка рассказывала: когда она была в гостях у родственников в деревне Репино в мае 1945 года, у неё на глазах священная сосна рухнула со страшным грохотом и проломила крышу соседнего дома.

Репинская сосна исчезла, но до наших дней в квасюнинских частушках сохранился её образ:

*Погуляю, покручу
Нонешнюю вёсну.
В самоходки приведу
Рѣпинску сосну.*

О священном камне, находящемся недалеко от Игайки, я также узнала от родственников. Деревенские дети его побаивались, но не-

редко, мнимые чудесным, приходили к нему играть. Недалеко от него закапывали свои клады. Моя мать Елена Степановна вспоминала, как её брат Владимир и двоюродный брат Юрий Вальков закопали там «клад», в котором было даже послание к потомкам.

Позже, в юности, Владимир посвятил Игайке стихотворение «Эхо», которое заканчивалось так:

*За холмы скатился вечер красный.
По тропинке по береговой,
Где огни купальские погасли,
Ходит эхо юности былой.*

Помню, когда я приезжала в деревню в детстве (в 50-60 гг. XX века), то ещё слышала неоднократно рассказы о том, что ночами за Игайкой «чудится», что там блуждают какие-то огни.

Все эти факты говорят о том, что река Игайка протекала по древним языческим священным местам, и это могло отразиться в её названии.

Обратившись к «Этимологическому словарю славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачёва, я нашла подтверждение этому предположению. Составители словаря, ссылаясь на работу нашего выдающегося лингвиста А.А. Потебни, отмечают, что слово *игра* в глубокой древности принадлежало к языческой сакральной сфере и образовано с помощью суффикса *-р-* от глагола, близкого к древнеиндийскому *UÁIATI*, что значит ‘*чтить божество*’ (греческое *AGIOS* значит «священный») [ЭССЯ, вып. 8, стр. 208-209]. Таким образом, можно предположить, что в праславянском языке был глагол **IEGATI* или **IGATI* – современные *егати* или *игати*. В севернорусских говорах действительно сохранились глаголы: *егать* ‘сильно пылать (об огне)’, ‘злиться, сердиться’, ‘бегать, горячася; суетиться’ (СРНГ, вып. 8, с. 317), *еготать* ‘кричать, орать’, *егошить* ‘вертеться, суетиться’ (СРНГ, вып. 8, с. 318). Все эти действия могли быть ритуальными во время языческих игриш.

Отметим, что название *Игайка* близко к названию современной деревни *Игая*, расположенной в верховьях этой реки. Видимо, первоначальное название реки – *Игая*. Предположительная цепочка слов такова: *Игайка* < *Игая* < **игати* ‘*чтить божество*’.

Таким образом, *Игая* значит буквально – *священная река*. А *Игайкой* она стала, когда название утратило первоначальный священный для язычников смысл.

Река Шексна

КВАСЮНИНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Публикуемые частушки пели в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области в конце XIX – первой половине XX века. Они были записаны мной у жительниц этой деревни **Калачёвой Надежды Феофановны** (1887-1963) и **Вальковой Ульяны Ивановны** (1883-1971) в 1963 году (№ 1-562), у **Раисы Ивановны Тихомировой** (1916-1994) в 1964 году (№ 563-638), у **Галины Евстафьевны Калачёвой** (1925-2001) в 1995 году (№ 639-718).

Ценность квасюнинских частушек заключается в том, что, с одной стороны, в них талантливо воплотились традиционные поэтические образы данного фольклорного жанра, а с другой стороны, они обладают ярким местным колоритом, как в своих сюжетах, так и в языке. Говор этой деревни совмещает черты Вологодских и Белозерско-Бежецких говоров северного наречия. В конце публикации текстов частушек прилагается словарь употребляемых в них лексических и словообразовательных диалектизмов и фольклориз-

мов (в тексте они выделены жирным шрифтом). В публикуемых текстах встречается также большое количество морфологических и синтаксических диалектизмов. Ударение и диалектное произношение слов, обозначенное курсивом, передаётся только в том случае, если это необходимо для сохранения ритмико-интонационного строения частушки.

Частушки хронологически делятся на три периода, расположенные в алфавитном порядке по первому слову и пронумерованы.

1. КВАСЮНИНСКИЕ ЧАСТУШКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

**Записаны у Калачёвой Надежды Феофановны
и Вальковой Ульяны Ивановны в 1963 году**

1. Бабы судят, бабы судят,
Что гуляем по ночам.
Не судите бабы, дуры, –
Отольётся дочерям.	5. Буду пить холодну воду
Изо всех текучих рек.
Буду лить текучи слёзы
По тебе, милаша, век.
2. Балалайка семиструнная
Пылится от песку.
Балалаечник девчоночку
Наводит на тоску.	6. Была осень – было восемь.
Дожила до одного.
Дофорсила, добахвалила –
Не стало никого.
3. Будет, будет – поскрипели
От морозу сапоги.
Ты не то что на колени –
Из кута не выходи.	7. Были с осени загонены
Коровы в хлевушке.
Парню нечего гоняться,
Коль не надо девушке.
4. Будет, будет – походил.
Да будет – пообманывал.
Карамели поносил,
Колечек повыманивал.	8. Было легче бы сердечушку
Взволноваться на ноже,
Чем мне видеть супостаточку
С милашкой при себе.

9. Вдоль деревенки иду,
Иду не запинаяся.
Я милёночка люблю,
Люблю – не запираюся.	16. В людях-то не домушка.
Разбудят-то до солнышка.
На работу я пойду –
Вспомню матушку роднѹ.
10. Вересовые кусточки
Изломаю в ломики.
Во своей деревне милой,
Да не рядом домики.	17. В нашем поле грай вороний
На подсушенной сосне.
Сероглазенький мальчишечка
Часто видится во сне.
11. Вересовы те кустечки –
Мои свидетели.
Не сами с миленьким
расстались –
Развели родители.	18. Воротил бы это времечко,
Которое прошло.
Посидел бы с этим миленьким,
С которым дело шло.
12. Веретенечко напряла
И другое начала.
Девки-матушки сидите.
Я пошла на чучела.	19. Во саду берёзка выросла
Без летнего дождя.
Я дала словечко милому –
С другим гулять нельзя.
13. Веселись, я пострадаю,
Мой неверненький дружок.
Из-за тебя я погибаю –
Ты любовью сердце сжѣг.	20. Во своей деревне милый.
Вижу ненарядного.
За него ругают дома.
Жалко ненаглядного.
14. Веселитесь, подруженьки,
А я пойду домой.
Сами знаете, подруженьки,
Не к маменьке родной.	21. Во своей деревне милый,
Во своём родном краю.
Часто вижу ненаглядного,
Да редко говорю.
15. Ветер дует по карманам –
Кошелёк пустой лежит.
У милого завтра праздник –
Рысиком домой бежит.	22. Во соборике забрякали –
Поехали к венцу.
Дай-ка, мама, сонных капель –
На минуточку усну.

23. Вот оттуда-то, дороженька,
Пожалуй, зарастай.
Зарастёт так зарастай –
Не спомилаша ноне стал.
24. В поле алые цветочки –
Не рассадишь по грядам.
Любовь не пальмовая свечечка -
Не сожжешь по вечерам.
25. В полюшке на камешке^е
Совесьть вызнала в дружке –
Совесьть-то неражая –
Уважать не лажу я.
26. Всё бы, всё бы песни пела,
Всё бы веселилася,
Кабы старая любовь
Обратно воротилася.
27. Всё играют да не пód ногу,
Не как надо мене.
Износила свою молодость
На левой стороне!
28. Всё сижу да думу думаю:
За милым не бывать.
Без судьбы моя головушка
Не будет пропадать.
29. Всё сижу да думу думаю.
Всё дума: ой да ой.
Как на эту-то на думушку
Пришел бы милый мой.
30. Все сказали про меня,
Что семерых зарезал я.
Я не рёзал – не реzáл,
Только ножик показал.
31. Все сказали про милого,
Что худой да маленький.
На беседушку пришёл,
Как цветочек аленький.
32. Все урядники знакомы,
Да старшина – божатко мой,
Старшина – божатко мой,
Становой – дядя родной.
33. Всех коров передоила,
Под быка уселася.
Белохрёбтая корова
Со смеху надселася.
34. Всё ходил да обнимал
В поле пень берёзовый.
Думал – милая моя
В платье бело-розовом.
35. Всё четыре, всё четыре,
А когда же будет пять.
Всё учиться, всё учиться,
А когда же нам гулять.
36. Все я глазки проглядела,
Его ожидаючи.
Своей товарке надоела,
Его вспоминаючи.

37. Всё я думала-гадала,
Чем головушку кормить.
А я на то расположила –
Лучше в девушках пожить.
38. Всё я думала – гадала,
Как самой себя вести.
Я на то расположилась –
Лучше в девках принести.
(Иронически поётся о другой)
38. Всё я думала – утешила
Ретивое своё.
Ещё боле растревожила –
Увидела его.
39. Все я песни перепела,
Все я перебаяла.
Одну песенку не спела,
Кого мама хаяла.
40. Все я песни перепела.
Одну песенку нельзя.
Эта песенка про милого –
Пою, когда одна.
41. Все я реки и озёра
Принаполнила слезам.
Надоело мне девушке
Шататься по людям.
42. Вспомни, милый, как сидели,
Было что говорено.
С твоих первых разговоров
Сердце замерло моё.
43. Вспомни, вспомни, милый мой,
Как сидели мы с тобой.
Говорили кое-что,
Да расставаться непошто.
44. Вспомяни меня, милёночек,
Один в неделю раз.
Я, молоденькая девушка, -
Тебя кажинный час.
45. Вся ведь молодость моя
В печали -горести прошла.
Нету мне весельица
Окромe воскресеньица.
46. В тёмном лесике была
Да чуть не заблудилася.
Миленький, поверь, поверь,
Как в тебя влюбилася.
47. В том краю милого бьют –
В этом отдаётся.
Пуще, пуще дорогого –
Пусть не зазнаётся.
48. Вы зачем же запрягали,
Пусто коней маяли.
Вы зачем меня любили,
Когда люди хаяли.
49. Вы катитесь, мои слёзы,
По песочку вдоль реки.
Принимай, моя головушка
Неправду-пустяки.

50. Вы не ешьте, девки, груши,
Не приманивайте Ванюши.
У Ванюши серый глаз –
Посидит, обманет вас.
51. Вы, родители-губители,
Зарезники мои.
Вы без ножика зарезали –
С милым поразвели.
52. Вы родители-губители,
Сгубили девушку –
Я без памяти лежала
Целую неделюшку.
53. Вы прощайте, сенокосы,
Все луга зелёные.
Прощай, Квасюнино-деревня,
Девушки весёлые.
54. Высоко пташка летает –
Низко опускается.
Я за то его любила –
Хорошо прощается.
55. Выходи плясать, подруга.
Выходи и выходи!
Гармониста не задерживай,
Меня не подводи.
56. Вышивала носовой
Ради памяти *твоей*.
Изорвёшь ли потеряешь,
Не считай меня *своей*.
57. Где кукушечка кукует,
Тут соловушко поёт.
Милый, бедная головушка,
В солдатушки идёт.
58. Глазки чёрны не любила,
Серых ненавидела.
У товарочки отбила –
Бедную обидела.
59. Говорил король червонный:
«Жалко дамочки бубей».
Ни за что любовь не брошу,
Хоть родимая убей.
60. Говорила брату я:
«Не работница твоя!
Я тому работница,
С кем гулять охотница».
61. Говорила я милóму:
«Небогатого я дому».
– «Ты, сударушка моя,
Не выбираю дому я!»
62. Говорят про нас с тобой,
Что у нас один любой.
Что же делать нам *обим*,
Как полюбился он один.
63. Говорят, что мне измена.
Встану я на кирпичи.
Хороший парень не изменит.
Изменяют трепачи.

64. Говорят, что некрасива.
Некрасива да бела.
Некрасивая красивого
На думу навела.
65. Говорят, что я горда.
Неуважительная –да!
Я за дrolечкой ухаживать
Не буду никогда.
66. Говорят, что я надеялась
На дrolю наперёд.
Товарка, можно ли надеяться
Весной на тонкий лёд?!
67. Голосок у *меня* не громок,
Два словечка хороши:
Много шаверу гоняется,
Не всякий у души.
68. Голубая кисея
Вся изорвалася.
Посиди, милёночек,
Насилу дождалася.
69. Голубое одеяло
Всю постелю голубит.
Из-за ревности товарочка
Со мной не говорит.
70. Голубые глазки – злые,
Серые – лукавые.
У милого глазки чёрные –
Какие славные.
71. Горюшко, ты, горюшко,
Горюшко кукушкино.
От меня милой отстал,
Так счастьеце подружкино.
72. Давай, миленький, по-старому
Опять поговорим.
По согласицу расстанемся,
Без думушки *обим*.
73. Давай, миленький простимся,
Ни к чему наша любовь.
Теперь нас ты не обманешь –
Не семнадцати годов.
74. Давай, милый рассчитаемся,
Расчётный лист возьмём.
Ни ты ко мне, ни я к тебе –
Не вспоминай меня нигде.
75. Давай, милый, посидим
Вечерочек не один.
Пускай девушки подумают,
Чего мы говорим.
76. Дай бы, Господи, забрили,
Угонили на войну.
Я одно бы стала думать –
Не достался никому.
77. Дай бы, Господи, забрили –
Не достался никому.
Ни подружке, ни *мене* –
Чужой бы дальней стороне.

78. Два колечка золотые,
Оба в озере на дне.
Два любые, оба модные.
Тошнёхонько *мене*.
79. Два платочка носовые
На косочки связаны.
Два любые – потайные
Никому не сказаны.
80. Две кукушки куковали
На одном на прутике.
Две девчонки тосковали
Об одном некрутике.
81. Две кукушки куковали
На одной на ивущке.
Не мог в тальяночку сыграть –
Стосковал по милушке.
82. Девки в замуж, девки в замуж.
Я из замужа домой.
Со свекровкой жить не буду,
Лучше с матушкой родной.
83. Девки выньте моё сердце,
Посмотрите, что на нём.
Не белее сердце сажу –
Всё я думаю о нём.
84. Девки-матушки, крепитесь,
Как в реке весенний лёд.
Наше подлое гулянье
До добра не доведёт.
85. Девки-матушки, крепитесь,
Как водица в решете.
Мы с товарочкой крепились,
Как осенний лёд в реке.
86. Девушки вы, матушки,
В горе не вдавайтесь.
По любому наживайте,
Крепко не влюбляйтесь.
87. Девушки вы, матушки,
Пташки поднебесные.
Высоко летаете,
Да много горя знаете.
88. Девушки-матушки,
И Бог попуте.
Кого любила да жалела,
И тот в забытье.
89. Девушки после изменушки
Теряют аппетит.
У меня после изменушки –
Нежёвано летит.
90. Догуляла я до дела –
Полюбила маслодела,
Руки белые его.
Ругают дома за него.
91. Дождик лей на молоду,
В этот домик не пойду.
Караванится милёночек –
Вперёд не забегу.

92. Дома корочку бы ела,
На работе песни пела.
В людях чаю напилась –
Слезам горячим улилась.
93. Дорогая моя Шура,
Шура из-под Вологды.
Давай, Шура, погуляем,
Пока оба молоды.
94. Дорогой да дорогая –
Дорогие оба.
Дорогая дорогого
Довела до гроба.
95. Дорогой ты мой беседничек,
Повыйди из кута.
Отодвинется товарочка –
Пожалуйте сюда.
96. Дорогой ты мой товарищ,
Ты *мене* не поперечь.
Уведу твою сударушку –
Тебе не устеречь.
97. До чего в него влюбилась,
До чего и врзалась.
Как бы ножик поострей –
Девушка зарезалась.
98. До чего милый хорош,
На благородного похож.
Неоценимая краса,
Люблю за серые глаза.
99. Дремлется, зевается.
Никто не догадается.
Догадайся, милый мой,
Проводи меня домой.
100. Думала головушка,
Что не нажить золовушки.
Вышла замуж – стало две.
Норовить – одной *мене*.
101. Думала, что не расстаться
И любого не забыть
Помаленечку расстались –
Веселее стало жить.
102. Думала, что не расстаться!
Как легко расстались –
Проводила в чисто поле –
Чуть жива осталась.
103. Думала, что слёз не будет
Из моих весёлых глаз.
А с отчаянным связалась -
Я ревела много раз.
104. Жала рожь да ела рыбу,
Накидала в рожь костей.
Пропaday, моё колечко
На три года без вестей.
105. Жала рожь зелёную,
Глядела в одну сторону.
Не сократит родителям
Отчаянную голову.

106. Жалко с милым расставаться,
Жалко людям наделить.
Лучше легче бы сердечушку
Живого схоронить.
107. Женится-венчается
Мой-то ягодиночка.
Всё равно не расцветёт –
Завянет, как травиночка.
108. Забывать-то вздумал,
 миленький, –
Навеки забывай.
Хоть какое придёт горюшко –
Меня не вспоминай.
109. Забываю, забываю –
Нет, не забывается:
Рубаха бела, чуб налево
Часто вспоминаются.
110. Завлекательная я.
Ходит милый для меня.
Лицемерю я ему –
Он верит сердцу моему.
111. Завтра праздничек Господен,
Налитушек напекут.
Не помажут, не покажут
И *поисти* не дадут.
112. Задушевная товарка,
Ты неладно сделала.
Я одной тебе сказала –
Ты на всех поведала.
113. Задушевная товарочка,
Совет мой дорогой –
Из-за Вани, из-за Сани
Погибаем мы с тобой.
114. Заиграла беломехая
Во нашем полюшке.
Вспоминаю дролю старого
Во всяком горюшке.
115. За измену дорогому –
Две котомки сухарей,
Три жены, четыре сына
И пятнадцать дочерей.
116. Закатилось красно солнышко
За речку за Неву.
Скажите самому любимому –
Без него жить не могу.
117. Закатилось красно солнышко –
Не будет больше греть.
Отвалилось право крылышко –
Тебя милый жалеть.
118. Закурил милой сигарочку
И сел возле меня.
Уронил на сердце искру,
И теперь горит она.
119. Запросватили меня
Идти за нелюбого.
Сиротой оставила
На веки дорогого.

<p>120. Золотое-то колечушко
Горит, как огонёк.
Успокой моё сердечушко –
Приди на вечерок.</p>	<p>127. Изменил милаша клятвой.
Ему счастья Бог не даст.
Не даст ни счастья, ни ума –
Зачем обманывал меня.</p>
<p>121. Золотое-то колечко
С нутряною пробою.
Поздравляю, милый, вас
С новою зазнобою.</p>	<p>128. Из приёмной вышел я –
Вся обрита голова.
Здравствуй, милая-хорошая,
Узнала ли меня.</p>
<p>122. Золотое-то колечко
Только ночью не горит.
Спознавлено сердечко –
Когда сплю, так не болит.</p>	<p>129. Из солдат milой придёт –
На нём шинель военная.
Здравствуй, милая моя!
Какая в слове верная.</p>
<p>123. Золотые кольца тускнут
На чужой сторонushке.
Только знает он да я –
Расстались по неволюшке.</p>	<p>130. Из солдат-то милый пишет,
Пишет, удивляется:
«Сероглазая моя
Ни с кем не занимается».</p>
<p>124. Из Квасюнина ребят идёт
гужом:
Федю Рогова – в телегу запряжём,
А Стафия – повозничать,
А Беляева – модничат,
А Гореву – кнутом погонять,
А Жубрику – сзади бежать.</p>	<p>131. Иссошил меня milой,
<i>Сушae</i> травки полевой.
Я иссушила miлого,
<i>Сушae</i> куста ивова.</p>
<p>125. Из крутых из бережков
Волны выливались.
Какой печальный вечер был –
Навеки расставались.</p>	<p>132. Кабы были крылышка,
Так улетела б девушка
На приёмное крыльцо –
Стоит забрито золотцо.</p>
<p>126. Изменил мене залётка –
Я стою да хохочу.
Разменяй подруга рублик –
За измену заплачу.</p>	<p>133. Кабы дома не следили
За работой за <i>моёй</i>,
Я давно бы тебе вышла
Платочек носовой.</p>

134. Кабы знала – написала
Моему милому *вись*.
На почтовой на бумаге,
Какова в разлуке *жись*.
135. Кабы знала, так не стала
Безольготного любить.
Каково четыре годика
Без милого прожить.
136. Кабы я была цыганочка,
Умела воровать.
Не дала бы дорогому
В Красной Армии служить.
137. Кабы я не исхудала,
Не была бы тоненька.
Позабыла, с кем гуляла.
Не с тобой ли Коленька?
138. Как Квасюнинские девушки
Малы да удалы.
За любого – так и замуж.
Ничего, что молоды.
139. Как милому не форсить,
Да как ему не славиться –
На дворе корова есть,
Так по ноге достанется.
140. Как на Чуровском соборе
Золотые главушки.
Поживи моя милая
Хоть годок без славушки.
141. Как на Чуровском соборе
Высоко сияет крест.
У *меня* по чуровском милёночке
Не в меру сердце ест.
142. Канарейка в поле пела,
Я её перенимал.
По одной красивой девушке
Три года тосковал.
143. Катаники серые,
Волосьё кудреватое.
Три копейки прогулял –
Дело не *богатое*.
144. Кашемировая юбочка,
Широкие мысы.
Посижу подоле в девушках –
Не купят ли часы.
145. Кашемировый платок
Закатаю во каток.
Приманила на неделю –
Привязался на годок.
146. К быстрой речке подошла,
Пала на коленочка.
Посмотри, родимая,
Тону из-за милёночка.
147. Квасюнински ребятушки
Идут по бережку.
Идут да опасаются,
Берут по камешку.

148. Квасюнята-ёжики,
Да во карманах ножики,
Большая гиря на весу,
Писталет на поясу.
149. Клялся миленький, божился,
Он сидел под образам.
Сделал девушке изменушку –
Замаялся глазам.
150. Когда я в могилу лягу,
Пусть во мне остынет кровь.
Тогда, девушка, забуду
Всю проклятую любовь.
151. Колечушко с повивочкой,
Цепочка с переивочкой.
Оставляет дорогой
Навеки сиротиночкой.
152. Косила да косила,
Под кустик косу бросила.
Лопаточку – под ёлочку.
Сама пошла к милёночку.
153. Кудри вьются, кудри вьются,
Кудри вьются, как дуга.
Девки пьяные напьются –
Не годятся никуда.
154. Купил миленький шарьварью -
Не может и носить.
Купил чуварью с верёварью
Шарьюварью возить.
155. Купил миленький тальяночку
Не может и носить.
Купил саночки с верёвочкой
Тальяночку возить.
156. Лакированы сапожки
Знаю, знаю у кого.
Лакированы сапожки
– У дроли моего.
157. Лакированы сапожки,
Ко мне миленький ходил.
От родителей украдкой
Меня девушку любил.
158. Лето к осени подходит,
От росы желтеет лист.
Меня миленький оставил
На всю молодость, кажись.
159. Лиходеечка моя
Завары нахлебалася.
Вся деревня хохотала,
Как она каталася.
160. Любила розовы цветочки
По канавам собирать.
Любила серенькие глазки,
Да придётся забывать.
161. Мама, мама, вырой яму.
Зарой голову мою.
За гульбу, за волюшку
Зарой мою головушку.

162. Маменька – неродная,
Похлёбка вся холодная.
А кабы родная была,
Так шей горячих налила.
163. Маменька родимая,
Свеча неугасимая,
Дай поспать, понежиться
Да погулять, потешиться.
164. Маменька ругается –
Люто платки мараются.
Она не добирается,
Что милый вытирается.
165. Маслоделочки-проворы,
Все оплюханы подолы.
Перешьют-перекроют,
Да всех ребят переманят.
166. Машина свистнула, пошла.
Поехал мой кудрявенький.
Долго, долго раздувался мой
Платочек аленький.
167. *Мене* мама говорила:
«Не гуляй до волюшки.
Больно стала вертовата –
Не сносить головушки.
168. Меня едут свататься,
Куда *мене* соспрятаться.
В чуланчик за омборочку
За мамину квашоночку.
169. Меня мама берегла –
Каждый день блины пекла,
Варила рыбку-окуньки,
Чтобы любили пареньки.
170. Меня мама была прутом –
Не сиди вон с этим плутом.
Это, маменька, не плут.
Это настоящий друг.
171. Миленький из-за тебя
Ходила на беседушку.
Распроклятая любовь
Иссушила девушку.
172. Меня мама была – ой!
Об лежанку головой.
За одну кровиночку,
За Ваню-ягодиночку.
173. Меня мамонька будила
По утру до зорюшки.
Привыкай-ко, доченька,
Пока не у свекровушки.
174. Меня мамонька родима
Вроде камешка родила.
Опустила в морюшко
На самое на донушко.
175. Меня маменька ругала,
Я её боялася.
Хоть и жалко милого,
Да и то рассталася.

176. Меня миленький жалеет,
Родной братец бережёт:
«Погоди, сестра, годочек –
Отдадим на бережок».
177. Милаша пишет письмецо,
Не потеряла ли кольцо.
А я обратно отпишу –
На правой рученьке ношу.
178. Милая да милая,
Ты сердечко выняла.
Милая, хорошая,
Жалиньице положила.
179. Милая товарочка,
В чужое дело суешься.
Отбиваешь у меня –
Скоро накрусуешься.
180. Миленький Иванушко,
Подумай про старинушку,
Как сидели на лугу –
Кушали малинушку.
181. Миленький, из-за тебя
Я расстроила себя.
Сердце ноет и болит,
Тебя вовеки не забыть.
182. Миленькой мой,
Как тебе не стыдно.
Через твой горбатый нос
Ничего не видно.
183. Миленький – молоденький.
Его любить-то просто.
Милый скажет слова два,
А я-то девяносто.
184. Миленький, не спрашивай
Про моё про горюшко.
Самоходкой поведут
Через ваше полюшко.
185. Миленький отчаялся
Да не велел печалиться.
Велел форсистее ходить,
Ребят молоденьких любить.
186. Милка – серые глазки,
Вспомни все наши разки,
Все разки-минуточки
Просиживали суточки.
187. Милка, что ты?
Милка, что ты?
Я солдат девятой роты.
Я девятой, девятой –
Нету льготы никакой.
188. Милый в беленькой рубашечке
Стоит, как господин.
Я, молоденькая девушка,
Годок гуляла с ним.
189. Милый в городе живёт,
А я в деревне маюся.
И не знает дорогой,
Что я к нему собираюся.

190. Милый – в гору, я – в догоню.
Думала воротится.
У него другая есть –
Он туда торопится.
191. Милый в Питере живёт
Да на ученье ходит.
Все весёлые деньки
В горюшке проводит.
192. Милый в церковь – я за ним,
На подножье стану с ним.
Скажу: «Поп, венчай со мной –
Клялся небом и землёй».
193. Милый лошадь запрягает,
Разворонова коня.
Ты не свататься ли ехать –
Прокати перво меня.
194. Милый любит девок всех,
А меня девушку – на смех.
Не люби меня смехом –
Не считаю женихом.
195. Милый мой, моя отрада,
Вспоминаю я тебя.
Жизни я своей не рада,
Что влюбилась в тебя.
196. Милый парится-торопится,
Торопится домой.
Поскорее надо париться
У милашки рыба жарится.
197. Милый письма посылает.
От меня ответа нет.
Я сама-то не сумею –
А писарей нарошных нет.
198. Милый Саша, воля ваша:
Хоть ходи, хоть не ходи.
Наговаривают девушки –
На это не гляди.
199. Мимо милого окошечка
Печальная хожу.
Из-под белого платочка
На милого дом гляжу.
200. Митила да митила,
Да я не буду Митина.
Буду я Алёшина,
Паренька хорошего.
201. Мне сказали: «Милый умер».
Я и не поверила –
Неужели в гроб положат
Эдакого мерина.
202. Много звёздочек на небе,
Но одна светлее всех.
Много мальчиков на свете,
Но один милее всех.
203. Моего милёночка
Его сгубила водочка.
Пил бы сладкое вино –
Милые не было б его.

204. Моего милёночка
На рынке продавали.
Два зелёные гроша –
Боле не давали.
205. Моего милого били
В чистом поле во кустах.
Проломили буйну голову
В двенадцати местах.
206. Моего милого бьют –
Мне поплакать не дают.
Дайте мне волюшку –
Взревлю во всю головушку.
207. Моего-то ли милого
Назовут острожником.
По ретивому сердечку
Словно режут ножиком.
208. Моего-то ли милого
Будут люди провожать.
Я молоденькая девушка –
В постелюшке лежать.
209. Молоденьке дали волю,
Потом стали унимать.
Опустили волю в воду –
На воде худо имать.
210. Моя милка в белом платье,
На руках ребёночек.
Где увидит, там пеняет:
«От тебя, милёночек».
211. Моя милка платье мыла.
Я стоял да любовал.
Дорогая в речку пала –
Я пошёл загоревал.
212. Моя милка-староверка
Богомоленка была.
Шубу лисью промолила,
Полушалок пропила.
213. Моя русая коса
В грамоте записана.
Всем охота полюбить
Помощника у писаря.
214. Мы не спорим, что не стоим.
Да и вам не дорожим.
Нам не дорого и стоит –
Мы других приворожим.
215. Мы сидели с милушкой
Под зелёной ивушкой.
Расставались с душечкой
В поле под горушкой.
216. Мы с милашечкой вдвоём
Ходили за смородиной.
Испугались лягух –
Лежали под колодиной.
217. Мы с милашкой расставались –
Оба вместе плакали.
Дорогому на колени
Мои слёзы капали.

218. Мы с милашкой расставались
На Чурове реке.
Подарил четыре пряничка –
Растаяли в руке.
219. Мы с милашкой на прощанье
Самовар поставили.
Чай мы пили – слёзы лили.
Тут любовь оставили.
220. Мы с милашкой целовались
На полатах у квашни.
До чего дообнимались –
Все пряженники ушли.
221. Мы, солдатики, – не люди.
Нас и девушки не любят.
Прослужи годов так шесть –
Так назовут – собачья шерсть.
222. Мы с тобой, подружка, двое
Никому не досадим.
Ты Ванюшку, я – Павлушку
Никому не отдадим.
223. На беседу собирался,
Батька подал пятачок.
Подаёт да говорит:
«Не напейся, дурачок».
224. На беседушку пришёл
Ростопорчился.
Три копейки прогулял –
Не поморщился.
225. На беседушку пришла,
Богу помолилася:
«Слава тебе, Господи!
Любовь решилася».
226. Не заносися, миленький,
Ты не лучше любишь.
Ты свою головушку
Из-за неё погубишь.
227. На горе милого дом –
Вся усадьба видно.
С чужакам буду гулять -
Своим обидно.
228. На горушке, на горе
Ребята спорят обо мне.
Ребятюшки, не спорите –
Да вы меня не стойте.
229. Надоела в девках воля –
Пойду в замуж терпеть горе.
Передамся, бабы, к вам –
Не с весельем – со слезам.
230. На мою на гробовиночку
Натёсано досок.
Порядилась в маслоделочки –
Не знаю, когда срок.
231. На качулюшке качалась –
Не боялась высоты.
Милый выхватил гребёночку
Из русой из косы.

232. На Квасюнине ребята –
Словно серые котята.
Они хлопнули ушам –
Побежали за мышам.
233. На машинушку садился –
Он повесил голову:
«Ты вези меня, машина,
На чужую сторону».
234. На меня худая слава,
Словно иней на лесу.
Что хотите, говорите.
Все равно перенесу.
235. На Никольском озере
Колоши приморозила,
Зонтиком ударила -
Колоши приоттаяли.
236. На одной ноге сапог,
На другой опорок.
По этапу провели –
Ты мене не дорог. (*О зимогоре*)
237. Напоили меня пьяную,
Хотели сговорить.
Шадровитого, корявого
Хотели навалить.
238. Напоили меня пьяную,
Заставили плясать.
Я, молоденькая девушка,
Не знала, что сказать.
239. На сердечке у *меня* есть
Неизлечимая *болезнь*.
Докторам не вылечить,
И с милым нас не разлучить.
240. На тальянку на ремень
Да вышивала целый день.
Васеньке Иванову
На ленточку на алую.
241. Натащило много снегу
К огороду, глубоко.
Только с милым познакомилась
– Уехал далеко.
242. На широкой на полоске
Надо горсточка нажать.
Леган знает, чью старуху
Надо мамонькой назвать.
243. Наша речка не Онега,
Не нагонено судов.
У милого братьев много –
Не настроено домов.
244. Не дожидаться этих дён,
Когда управят этот лён.
Девки сделают куделю –
На беседушку пойдём.
245. Не *забрюют*, забракуют –
Сей зиму женюся я.
Сероглазая сударушка,
Пойдёшь ли за меня?

246. Не забуду тебя, милый,
Не забуду и любовь.
Не забуду, любить буду
Через двадцать пять годов.
247. Не забуду эти речи,
Не забуду и слова,
Чего с милым говорили
Остальные вечера.
248. Не за любого отдают.
Богу помолилися.
Мы, товарочка, с тобой
Обе *наревелися*.
249. Не за то его любила,
Что он ловок да богат.
А за то его любила,
Что красив да вожат.
250. Не знает мамонька моя,
Чего на сердце у меня.
На сердечке на моём
Вода холодная со льдом.
251. Некрута по церкви ходят.
В два ряда свечи горят.
По несчастным по некрутикам
Сударушки ревят.
252. Некрута, некрутики,
Скидывая тулупики.
Одевай шинелюшки.
До свиданья, девушки.
253. Не кукуй, кукушка, в *лисе*
На осине проклятой.
Сядь на белую берёзку -
Покукуй над сиротой.
254. Не кукуй, кукушка, в *лисе*,
Не расстраивай меня.
У меня печали много,
Тешить некому меня.
255. Не кукуй, кукушка, здесь.
У меня досада есть.
Без твоего без голоса
Напала на душу тоска.
256. Нелюбой приехал свататься.
Любой сидит у нас.
С мамы волю не снимаю -
За которого отдаст.
257. Не пиши, *милый*, письма.
Не ломай и пёрышка.
Всё равно не прочитать -
Неграмотная девушка.
258. Не пиши, *милый*, письма
До девятого числа.
За мной не тысяча приданого -
Всего четыре ста.
259. Не пора, не времечко
Ячменю колоситься.
Не *богатеет* меня -
Не стоит заноситься.

260. Не пора, не времечко
В окошечко просветило.
Кабы знала, что идёт,
Так среди поля встретила.
261. Не последнее ли лето
Гуляю с вами, девушки.
Лажу, лажу приотстать
От вашей от беседушки.
262. Не по то сюда мы ехали,
Чтоб горе горевать.
Мы затем сюда приехали –
Попить да погулять.
263. Не ругай, мама, за волю,
За весёлую гульбу.
Пройдут годы молодые –
Посылай, так не пойду.
264. Не ругай, родная мамонька,
Что много хлеба ем.
Сшей-ка белую котомочку,
Уйду – не надоем.
265. Не ругай, родная мама.
Без руганья отстаёт.
Последний раз пришёл
проститься.
Больше разу не придёт.
266. Не садись на эту ветку
Голосистый соловей.
Эта ветка для приметки
И гибели моей.
267. Не садись на эту лавочку –
На этой лавке пыль.
Про меня несётся славушка –
Не правда и не быть.
268. Не скажу, в какой деревенке
Понравился парнёк.
Где колодец под окошком –
Тута миленький живёт.
269. Не судите бабоньки –
Сами были малыньки.
Наносили детушек
И судите про девушек.
270. Не судьба ли *мене*, девушки,
Приснилася во сне:
Рубашка белая, грудь вышита,
Тальяночка в руке.
271. Нету, нету пистолету –
Нечем уточку убить.
У меня милашки нету –
Не с кем время проводить.
272. Неужели вам родители
Милёночка не жаль?
Посадили на машинushку,
Сказали: «Поезжай!»
273. Неужели, милый, ты
Нынче любишь у вдовы,
У вдовы, у вдовушки,
У *бедные* головушки.

274. Не умел ходить по лавинке – 281. Ночка тёмная, осенняя.
 Так плавай по воде. Фонарики горят.
 Не умел водиться с девушкой, Глазки серые, весёлые
 Так гуляй один себе. В Квасюнино манят.
275. Не форси, милёночек – 282. Ночки тёмные, осенние.
 Не богатый домичек. Частые дожди льют.
 Я была во домике – У милого глазки серые
 Одна вода на столике. Покоя не дают.
276. Не хватило свету белого - 283. Обещались с милым мы
 Ступила на листок. Сидеть до *нонешней* зимы.
 Неужели тебя, миленький, Колечушкам сменялися,
 Угонят на Восток. Крестам образовалися.
277. Не ходите, девки, замуж. 284. Одинаковое купим,
 Тамо жизнь проклятая. Одинаково сошьём,
 Каждая полосонька Одинаковых полюбим,
 Вся слезам укапана. На реку гулять пойдём.
278. Не ходи, товарка, замуж, 285. Ой, дролина мать!
 Как моя головушка. Полно попусту ругать.
 Лучше деверя четыре, Не пришлось бы, лиходейка,
 Чем одна золовушка. Тебя мамонькой назвать.
279. Ничего, что я мала – 286. Ой, дролина мать
 Сенокосить удаля. Хуже лихорадки.
 Сенокосные деньки *Шти* варила – пролила
 Косила – пела песенки. Дроле на запятки.
280. Носовой заволочу – 287. Ой, *капус*ка моя,
 Из ведёрка сокачу. Мелкорубленная.
 Супостатка невелика – Шантрапа не подходи –
 На бегу перескочу. Милка пудренная.

288. Ой, милый мой,
Спомилёнчик мой,
Пожила бы за тобой,
За весёлой головой.
289. Ой, рожь –по пяти,
Греча – по пятнадцати.
Меня милый целовал
Раз по девятнадцати.
290. Ой, спасибо за игру,
За игру отличную.
Сам ты парень неплохой,
Любишь симпатичную.
291. Ой, сударушка, я пьяный.
Проводи меня домой.
Положь на мягкую постелюшку,
Постой передо мной.
292. Ой, чайничек,
Рыло медное.
Целоваться не умею –
Дело бедное.
293. Ой, цветочки мои,
Белорозовые.
Были синие портки –
Девки *розорвали*.
294. Он пришёл да поздоровался:
«Живёшь-то каково?»
Я осмелилась –ответила:
«Не хуже твоего!»
295. Он пришёл да поздоровался –
Я руку подала.
Меня совесть одолила –
Кверху глаз не подняла.
296. Он уехал, удалился.
Не бывало письмаца.
Сколько я переписала –
Нету и известица.
297. Отвори, мама, окошко
В яровое полюшко.
Перенесёт моё сердечко
Хоть какое горюшко.
298. – Отвори, мама, окошечко –
Головушка болит.
Врёшь, обманываешь,
доченька,
– Милёночка манить.
299. Отворяй мамаша двери –
Сын с гуляночки идёт.
Отворяй да и пошире –
Самоходочку ведёт.
300. Отдала колечко, пояс.
Ещё просит носовик.
Молода да добираюсь –
Видно хочет *посидить*.
301. Отдала кольцо и пояс,
Отдала ему на совесть.
Пояс новый изорвал,
Колечко надвое сломал.

302. От Череповца до Рыбинска
И глаз не осушил.
По тебе, моя сударушка,
Всё плакал да тужил.
303. Папа с мамой ройте яму.
Я повинна голова.
С вашей жизнью с окаянной
Каждый день поплачу я.
304. Пароход пошёл на низ,
Да с пароходу кланялись.
И милашины поклончики
Мене понравились.
305. Пароходики идут –
Сердце замирает.
Милый в Питере живёт,
Письма не посылает.
306. Песенка – душа моя,
За песенку бранят меня.
Я не долго попою –
В сенокос замуж пойду.
307. Песенки да басенки,
Болят сердце по Васеньке.
Ретивое моё жжёт,
Оно не скоро заживёт.
308. Письмецо было написано,
Положено туда.
А на конверте напечатано –
Милому на суда.
309. Плохо Карюшке спускаться
Со крутой горы в реку.
Худо девушке гоняться,
Коль не надо парняку.
310. Плясать пойду,
Головой тряхну.
Потом чёрными глазами
Завлекать начну.
311. По базару я гуляла –
Моего милого нет.
Понавесила косыночку –
Невесело *гулеть.*
312. Повалилися кудеречки
С головушки на пол.
Не заметила сударушка –
В солдатушки попал.
313. Погасили огонёк,
Разбили керосиночку.
Без огня сбидели
Милашу – сиротиночку.
314. Погляди по старой памяти,
Милашка на меня.
Погляди да и подумай –
Раньше ты любил меня.
315. Погляжу по старой памяти,
Милашка, на тебя.
Растоскуется сердечушко
У девушки, у *меня.*

316. Погодите, не будите –
Дайте девушке поспать
Дайте думушку подумать,
Как от милого отстать.
317. Погуляла нонче лето,
Походила в один дом.
Не стыдилася родителей –
Садилася рядом.
318. Подарил милой конфеточку –
Меня приворожил.
На ретивое сердечушко
Печали наложил.
319. По деревенке пройдем –
Спите, спите, тетушки.
Сыновей ваших не тронем –
Спите без заботушки.
320. По деревенке пройду –
В тальяночку прогрохаю.
Моя милка крепко спит –
Я её всполохаю.
321. Поднебесная-то птичка
В поле камешки клюёт.
А разнесчастная девчонка
С горя песенки поёт.
322. Под окном берёза сохнет –
Поливай берёзу дождь.
У меня милого нету –
Веселись одна как хошь!
323. Под окошечком у нас
Цветики зелёные.
Четыре годика *мене*
Какие невесёлые.
324. Поедешь миленький венчаться –
Заезжай ко мне прощаться.
Возьми думушку мою,
Подложь под гривушку коню.
325. Пожила бы в этом доме,
Поносила бы воды.
Привела судьба несчастная –
Ношу да не *туды*.
326. Поиграй, милой, в тальяночку
На утренней заре.
Бог же с *вам*, мои родители,
Не верите *мене*.
327. Поиграй повеселее,
Милый, самый дорогой.
Говорил: «На век любая», -
Сам задумал о другой.
328. Пойдемте, девушки, домой,
Довольно *наседились*.
Моего милого нет –
На ваших *наглядились*.
329. Пойду в сад, сорву цветок.
Пусть завянет травушка.
Последний раз целую вас.
Прощай, моя сударушка.

330. Пойду выйду в чисто поле,
Погляжу в ночную даль.
Ветры буйные сказали:
«Не придёт – не ожидай!»
331. Пойду выйду на крыльцо
Да снегом вымою лицо.
Кто в тальяночку играет –
Не моё ли золотцо?
332. Поиграй, милой, в тальяночку –
Я сплю да пробужусь.
Меня на улицу не выпустят –
В окошко нагляжусь.
333. Пойду вымою косыночку,
Она будет бела.
Помоги, товарка, горяшку –
Расходятся дела.
334. Пойду выйду в чисто полюшко,
Поплачу у елей.
Не понежили родители –
Не нега у людей.
335. Пойду выйду в чисто полюшко,
О камень расколюсь.
Моё чувствует сердечушко –
На веки расстаюсь.
336. Пойду на реку,
Налому табаку.
Не сама буду курить –
Буду милому дарить.
337. Пойду на ручей на текучий,
На казённый стану мост.
Увижу милого в шинели –
Не убрать в платочек слёз.
338. Пойду плясать –
Половицы шатки.
Ничего, что молода.
Знаю все ухватки.
339. Положу я ум на меру,
Поумняе буду жить.
Я не дам сердечку волю
По мазурику тужить.
340. Пока не было ума,
Любила, миленький, тебя.
Как ум в головушку взяла –
Не надо с тысячам тебя.
341. Пока некрутом гулял,
Милашка заносилася.
Счастливый жеребий достался –
Уважать хватилася.
342. Пока оспицей лежал,
Милашка заносилася.
Исшадрило нелюто –
Уважать хватилася.
343. Покурил бы табаку –
Мятая бумажка.
Посидел бы на беседе –
Занята милашка.

344. Полно, милый, заноситься,
Полно и куражиться.
Много лучше и красивее
Рябята вяжутся.
345. Положу своё веселье
В полюшко под *камешок*.
Надену платице мамашеньки –
Широкий ремешок.
346. Полюбил годов семнадцати,
Любил до двадцати.
Казались годы за неделюшку,
Неделя за два *дни*.
347. Полюбила, девушки,
Такого ротозеюшку.
Рот разинул, глазки вырчил –
Глядит на девушку.
348. Полюбила милого –
Такого полоротого.
Чего буду говорить –
Рот откроет да глядит.
349. Полюбила – не одумалась
Тебя, мой дорогой.
Не видала кроме горюшка
Отрады ни одной.
350. Полюбила-то какого,
Сама знаю – не под стать.
Охватила да не в пору –
Теперь уж не отстать.
351. Помалёшеньку, Алёшенька,
По лавинке иди.
Не урони из рук тальяночку
И сам не упади.
352. Понавесила платок –
Не берёт и солнышко.
Поглядела на милого –
Не жалеет, *ровнышко*?
353. Попил пива-вина,
Погулял немножко.
В маслодельне ночевал –
Выскочил в окошко.
354. Поплясала бы в присядочку-
Боюсь упаду.
Полюбила бы солдатака-
Боюсь пропаду.
355. Попляши, моя милая,
На тесовом на полу.
Сам в тальяночку играю –
Тебе волюшку даю.
356. Попляшите-ка, сапожки.
Вам не долго поплясать.
Выйду замуж – буду плакать.
Вам на лавочке лежать.
357. Пораздвиньтесь-ко,
Пораздайтесь-ко.
Дайте ходу-то
Нашему народу-то.

358. Попоём, товарка, песен.
Попоём, удалая.
Ты люби большого брата,
А я буду малого.
359. Посажу берёзку в поле,
Посажу без корешка.
Слава Богу, привыкаю
Жить без милого дружка.
360. Посидела бы на том местечке,
Где миленький сидел.
Попела бы тех песенок,
Какие милый пел.
361. Посидела бы одна,
Думушку подумала,
Как я бедна сирота
Кажинный день обругана.
362. Посидел да и прости,
Весёлая беседушка.
Обернулся да сказал:
«Прощай любая девушка!»
363. Посидеть-то посиди,
А провожать-то не ходи.
Меня, молоденькую девушку,
В бесчестье не вводи.
364. Посмотрела бы теперь,
Чего милый делает.
Милый в беленькой рубашке
По казарме бегают.
365. Потеряла я колечушко
На улице в лому.
Нету старого родителя
У милого в дому.
366. Походили мои ноженьки
Оттуда да туда.
Поглядели мои глазоньки
На милого любя.
367. Походили ноженьки
По этой по дороженьке,
По зелёной по траве.
Ходили да надарове.
368. Походить рази по городу,
Покланяться судьям. —
Не наделят ли милёночка
Счастливым жеребьям.
369. Почаще, почаще,
Почаще играй.
Почаще взглядывай на девушку
Ходи не забывай.
370. Прибежал я на беседу —
Моя милка занята.
Засучил портки до пупа
И с беседы ла-та-та.
371. При печали чёрно платьице
Придётся надевать.
Поневоле дружка милого
Придётся забывать.

386. Раскатилась поленница –
Нерубленный костёр.
Как не стыдно подговаривать
Двоюродных сестёр.
387. Раскололся синий камень
На четыре части вдруг.
Не воротишь, окоротишь –
Отдала кольцо из рук.
388. Раскукуется кукушка
Рано утром на зоре.
Разволнуется сердечко
На чужой на стороне.
389. Рыба посуху не ходит.
Рыбе надо подушка.
Не люблю в своей деревне –
Не болит головушка.
390. Самоходочкой уйду –
Так маме дела нету.
Не любая гостенька.
Не надо – не приеду.
391. Светит месяц коль неясно –
Половиночка одна.
Теперь кого-то завлекает
Ягодиночка моя.
392. Светит месяц на восток.
Ведут в Череповец в острог.
За решётку медную
Ведут милашку бедную.
393. Свечка пальмова сгорела,
Ночка тёмная прошла.
С милым до дни просидела –
Интересу не нашла.
394. Свою милую косую
Запрягу её в косулю,
Из косули в борону,
Боронить поеду: «Ну!»
395. Сердце ныло семь *недиль* –
Милый всё не подходил.
На восьмую подошёл –
Отказала – прочь пошёл.
396. Среди деревни пруд
Омутили воду уточки.
Как прежний дроля мой
Не принимает шуточки.
397. Среди деревни липа
Не годится на бревно.
Ты люби, подружка, дролю –
Я товарища его.
398. Сероглазенький милёночек
Хотел пообмануть.
Пообманывай другую –
Не меня, кого-нибудь.
399. Сероглазая сударушка,
Пойдёшь ли за меня?
Я на карем жеребёночке
Приеду по тебя.

400. Сероглазого милашку,
Говорят, забыла я.
От народу позабыла,
На сердечке – никогда.
401. Сеял тятенька пшеницу,
Сделал в полюшке обсев.
Никуда не отпускают,
Ровно я бойчее всех.
402. Сидит кошка на окошке,
Белопаленький коток.
Прошла масляна неделя,
Настаёт великий пост.
403. Сидит милый под окошечком,
Головушкой трясёт.
Не выглядывай, милёночек –
Ворона унесёт.
404. Сидите, девушки, на лавочке
У новых косяков.
Любите Васеньку Иванова –
Не будет пустяков.
(*Про славутника*)
405. Сколько времени гуляла
И не знала, что глухой.
«Сколько времечка?» –
спросила.
Он сказал: «Не занятой!»
406. Слатёна сладкая, как мёд,
На Квасюнине живёт.
Не проехать, не пойти,
Чтобы к Слатёне не зайти.
(*Слатёна – прозвище*)
407. Слёзы капали у девушки
На белую на шаль.
Поглядела на милого –
По старинке стало жаль.
408. С милым Богом обнеслись,
А обвенчаться не пришлось.
Всю мы зимушку сидели –
К лету дело разошлось.
409. С милым Богом обнеслись.
Да только не пили вина.
Задумевшая товарочка
Свидетелем была.
410. С неба звёздочка упала
Не на наши корабли.
Мой милёночек уехал,
Неизвестно и куды.
411. Сороковочка вина
Сахаром настояна.
Все сказали про меня -
Милого не стою я.
412. Спомилашу посадили
На зелёный пароход.
Поневолюшке расстались –
Пошёл на полный ход.
413. Сроду водки не пивал –
Милашка приневолила.
Во солдатушки пошёл –
Десятку приготовила.

414. Стань-ко матушка пораньше,
Да послушай по *зоре*,
Как твоя-то дочка плачет
На чужой на стороне.
415. Старенького не забыла,
Новенького нажила.
Кабы старый насмеялся,
Поумнее бы была.
416. Супостатка некрасива.
Не красивее меня.
Только лишняя краса –
Одна русая коса.
417. Супостатка в лес не ходит,
Спелых ягод не берёт.
Ко мне миленький подходит –
Её горюшко берёт.
418. Супостатка сидит с краю,
Будто я её не знаю.
Полукавлю, подойду,
Про него поговорю.
419. Супостаточка моя
Высоко брови подняла.
Она бахвалит-то люто.
Её не любит-то никто.
420. Супостаточка, не модничай,
Кудрей много не вей.
У меня, у бойкой девушки,
Подумай да отбей.
421. Супостаточка моя
Носит по две юбки.
Не осердись, голубушка,
Люби мои облюбки.
422. Супостаточка моя
Сидит у переборочки.
Научу – так полетят
С головы гребёночки.
423. Супостаточка моя -
Злое поколение.
Отбивает милого
Всем на удивленье.
424. Сяду я на лавочку,
Которая покатее.
Полюблю, не ошибусь,
Который *побогатее*.
425. Твои глазки, мои брови
Довели нас до любви.
Твои серые глаза
Сердце режут без ножа.
426. Только стали заниматься –
Увидала матушка.
Из переднего окошечка
Меня и Санушка.
427. Топни-ко ножка,
Резинова колошка.
До чего парень хорош -
У Морева Алёшка.

428. Топчи землю –
Грибы будут.
Целуй ребят –
Любить будут.
429. Ты, германец-оборванец,
Тебе хватит воевать.
Отпусти ребят жениться,
Девочек некуда девать.
430. Ты женися, мой милёнок.
Я тебе советую.
У тебя семейка малая –
Работать некому.
431. Ты играй, тальяночка –
Играй *повеселея*.
Времечко скушливое
Катися *поскоряе*.
432. Ты играй, играй тальянка,
Выговаривай моя,
Выговаривай тальянка –
Отстаю любить тебя.
433. Ты люби, любимушка,
Пока цветёт рябиночка.
Опадёт с рябины цвет,
Так нелюбая будешь век.
434. Ты не ездил, милый, в Питер.
Там чужая сторона.
Ты полюбишь питеряночку –
Забудешь про меня.
435. Ты не плачь, чужая тётка,
Не кливи родную мать.
Прослужу четыре годика –
Приду домой опять.
436. Ты сердечушко не ной –
Не сужу, а будет мой.
А под венец
Пойдёт со мной.
437. Ты, сударушка моя,
Да поднимается война.
Нас в Японию угонят –
Ты останешься одна.
438. Ты, сударушка, сударушка,
Я –горюшко твоё.
Проводи меня, сударушка,
Хоть в полюшко своё.
439. Ты, цветочек аленький,
Лучше б умер маленький.
Я бы не родилась,
В тебя бы не влюбилась.
440. Ты подумай, милый, думушку,
Потом ко мне и сядь.
Ты спроси своих родителей,
Дадут ли замуж взять.
441. Ты, ретивое сердечушко,
Во мне больно не ной.
Жить без милого привыкла.
Очень весело одной.

442. Ты, товарочка моя,
Высоко косу завила.
Ты бахвалишь-то люто.
Тебя не любит-то никто.
443. Ты не ной, моё сердечушко,
Под *белыми* грудям.
Накажу милому весточку
С *хорошими* людям.
444. Ты подумай-ко, мой милый,
Как я лето прожила –
В речке волны так не бились,
Как сердечко у меня.
445. Ты тальяночка,
серебряночка.
Белый мех -
Под орех
У милёночка.
446. -Тятенька, отдай, отдай.
Сходи да понаваливай.
– Себе любого выбирай,
Мене не выговаривай.
447. Тятенька, отдай, отдай,
За которого велю.
Хорошо ли худо будет –
Не приду не заревлю.
448. Уважать не уважаю.
Досажая да и вот.
Не такое моё сердце,
Чтоб уважить наперёд.
449. Уж ты, милая моя,
Лесная карамелина.
Полюбила ты меня –
Эдакого мерина.
450. Уж ты, милая моя,
Лесная куропатка.
На работу не ловка,
А целоваться падка.
451. Уж ты, милая моя,
Побелее мойся.
Привораживать-то будешь –
Бога-то побойся.
452. -Уж ты, милая моя,
Рублёвый взглядик у тебя.
– Не рублёвый – сотенной.
Поразговаривай со мной.
453. Уж ты, милая моя,
Встреть во полюшке меня.
Встреть во поле у межи
Да все полоски укажи.
454. У квасюнинских ребят
Калоши новые *ревят*.
Они станут на порог –
А староста кричит: «Оброк!»
455. Улетело моё счастьеце,
На тройке не догнать.
На родимую на маменьку
Всегда буду пенять.

456. У меня-то горя много.
Горю некому помочь.
Я со этого со горюшка
Ревела день и ночь.
457. У меня милаша маленький,
И я не доросла.
Хорошо позанимались
С осени до *Рождества*.
458. У меня милаша есть –
Стыд по улице провесть.
Рот до самых до ушей –
Хоть завязочки пришей.
459. У меня подружка -
Пуховая подушка.
Покатаюсь, поревлю –
Она не скажет никому.
460. У меня подружка Машка
Рублей двести стоила.
Ноне стала супостатка –
Всю любовь расстроила.
461. У меня-то горя много,
Я и в горе хохочу.
После этакого яблочка
Кого любить хочу?!
462. У меня у девушки
Платье клетковатое.
Возле прялочки сидит
Чучело горбатое.
463. У меня у девушки
Да сарафан с оборкой.
И не я ли, девушка,
Плясала с приговоркой.
464. У меня у пояса
Голубые кисти.
Дочего доцеловались –
Захотелось *исти*.
465. У милого глазки чёрны,
Чёрны, как у ворона.
Дожидаюся с милёночком
Свиданья скорого.
466. У милого дом высок,
Под окошком всё песок.
Милый ходит по песку,
Передаёт мне тоску.
467. У милого моего,
Часы, калоши, вяточка.
Как играет хорошо,
Послушай, супостаточка.
468. У милого моего
Совесь-то неверная.
Я не знала – полюбила,
Погибаю бедная.
469. У милого моего
Глазки виду серого.
Ой, как я его люблю –
Не вижу света белого.

470. У *меня* милой хитер-хитер –
На машину да и в Питер.
Я его ещё хитрей –
На машину – да скорей.
471. У *меня* катаники серые
Пристали – в самый раз.
В остальную, милка, зимушку
Пришёл двенадцать раз.
472. У подружки колец много.
Пусть она его дарит.
Хороша – над ней смеётся.
Я худа – со мной сидит.
473. У милого у дружка
Да любопытна матушка.
Она спросит у людей:
«Своя ли кофточка на ней?»
474. У молоденькой у девушки
Умок – как ветерок.
Понесут худую славушку
В родительский домик.
475. У родимой-то у матушки,
Как алый цвет, цвела.
У лихие у свекровушки
Завяла, как трава.
476. У солдата-усана,
Куда ум девался?
На горушке вокруг ёлушки
Ум-от обвивался.
477. Хорошо слюбляться,
Да худо расставаться
Солнышку с туманушком,
А девушке с Иванушком.
478. Хорошо товарищ пляшешь,
А дrobiшь-то как овца.
Не тебя ли завернули
Со парадного крыльца.
479. Худо по лесу ходить,
Худо и по палкам.
Худо этаких любить –
Хвастают подаркам.
480. Чай пила, баранки ела,
Всё с учителем сидела.
Посидела бы *еишо*,
Да убежал в *училишио*.
481. Чай пила
Да ела булочки.
Да растрепалась,
Хуже дурочки.
482. Частый дождик поливает –
Меня милый вспоминает:
«Мочит милую мою
На сенокосе бедную».
483. Чего милый говорил,
То и будет верно.
Никого любить не буду,
Буду жить степенно.

484. Чей-то грустный голосок
По лесу раздался:
«Поторопился, миленький,
Рано насмеялся».
485. Через речку мост настелем,
К мосту камень привалим.
Со своим гулять не будем,
Через поле приманим.
486. Через серебряное кольцо
В реке воду пила.
Через хитрую товарочку
С любым любовь вела.
(*т.е. с любимым*)
487. Что вы, девки, не любили,
Пока был я молодой.
А теперь моя рожа
Обрастает бородой.
488. Что-то часики не ходят,
Заведённые стоят.
Что-то миленький не ходит —
Ему дома не велят.
489. Что, милашка, не печальна,
Платья чёрного не шьёшь?
Повезут меня в солдаты —
Провожать-то в чём пойдёшь?
490. Что ты, милая, заносишься —
Не хуже я тебя.
Ты и вся-то с рукавицу.
Я и то люблю тебя.
491. Что ты, белая берёзонька,
Стоишь да не шумишь,
Что, ретивое сердечушко,
Болишь, не говоришь?
492. Что ты, белая берёзка,
Низко наклонилась?
Я, несчастная девчонка,
В подлеца влюбилась.
493. Что ты, мама, делаешь —
На *пече* обедаешь?
Шти хлебаешь, редьки нет.
Это что и за обед.
494. Что ты, милый, косишься?
Чем же ты заносишься?
Я хоть не красавица,
А ты дурак и пьяница.
495. Чужаки-то к нам приходят,
А своим-то дела нет.
Мы своим придосадили,
Чужих в обиду не дадим.
496. Шла я верхом, шла я низом.
У милого дом с карнизом.
Посмотрела на замок —
В пятистенке огонёк.
497. Эка Волга, эка долга!
На ней тоненький ледок.
Целовал милашку в губы.
Губки сладки, как медок.

498. Эки люди, эки злы,
Куда поставили козлы.
Подставили под ёлочку –
Нельзя ходить к милёночку.

499. Эта Чурова-река
Да утопила парнёка.
Парнёка Алёшеньку
Топила помалёшеньку.

500. Я из Питера приехал,
Десять фунтов вшей привёз.
Взял да вывалил на лавку –
Матка думала овёс.

501. Я из Питера приехал
На кобыле вороной.
Не узнали зимогора –
Не пускают и домой.

502. Я залётку дорогого
Доведу дак доведу.
Честно слово, не узнает,
Сколько месяцев в году.

503. Я иду, иду по бережку –
Оглядываюся.
Не отбили бы милёночка –
Побаиваюся.

504. У милого matka злая,
Лиходеечкой зову.
Не такая я худая –
Не даёт сидеть в дому.

505. Я жалею тебя, миленький,
Жалеть буду всегда,
Пока в морюшке не высохнет
До донушка вода.

506. Я к обеденке ходила,
Всё вставала наперёд.
Не моё ли, девки, золото
На *крылосе* поёт.

507. Я к обеденке ходила,
Богомольничала.
Прямо милого стояла –
Всё промодничала.

508. Я любила верного
Солдатика военного.
Его жалела всей душой,
Пока в солдаты не ушёл.

509. Я любила сердце тешить –
За овины выбегать.
Одни *кустечки* зеленеют,
Дорогого не видать.

510. Я любила *фершала* –
Своё сердце тешила.
Как полюбила *дохтура* –
Только мама охнула.

511. Я, молоденькая девочка,
Почто родилася!
Зародилась бы бутылочкой –
Давно разбилася.

512. Я, молоденькая девушка,
С умом не собралась.
Меня люди насчитали –
Я на то положились.
513. Я на быструю на реченьку
Накидывала дров.
Это всё из-за родителей
Кончается любовь.
514. Я надену фартук белый,
Завяжу концы назад.
Лажу, девушка, осмелиться
На разик отказать.
515. Я надену платье бело,
Чтобы сердце не болело,
Полушалок голубой –
Не полюбит ли другой.
516. Я на миленьком рубашечку
Бурдовую люблю.
За него дома ругают –
Я расстаться не могу.
517. Я писала, сердце ныло,
Отправляла – так и мрёт.
Вспомни, миленький в
разлуке,
Как сударушка живёт.
518. Я на печке спала –
Стало боку жарко.
На полати перешла –
Стало дролю жалко.
519. Я на свадьбе гуляла
Да присвистывала.
Потеряла сарафан –
Не разыскивала.
520. Я насилу дождалась,
Насилу нагладелася.
Для любого парнека
Зашла – пересиделася.
521. Я не думала-не чаяла,
Что он головушка отчаянна.
Ветер дует – все листочки
шевелит.
Сам не ходит и ребятам не
велит.
522. Я не пела да не пела,
Вдруг запела хорошо.
Девки думают с веселья –
Ко мне горюшко пришло.
523. Я никем никого
Да здесь не боюсь.
Я не с тем так с другим
Всё повеселюся.
524. Я опять завлекла
Молодого паренька.
Ничего его не держит –
Ни погода, ни река.
525. Я, отчаянный, гуляю,
Ничему не дорожу.
Если голову отрежут,
Я корчагу привяжу.

526. Я плясать пойду
И ногою топну.
Семерых люблю,
А об одном сохну.
527. Я плясать пойду –
Рукава спущу.
Хорошо больно играет –
Ночевать пущу.
528. Я плясать пошла
По соломушке.
Пораздайтесь, народ,
По сторонущке.
529. Я плясать пошла
Вдоль по горнице.
Пусть, пусть говорят,
Что мы модницы.
530. Я пляшу да худо стучают
Подшитые мои.
Я гуляю – дома охают
Родители мои.
531. Я по берегу иду –
Берег осыпается.
Самоходочкой уйду –
Мама заругается.
532. Я подумаю про милого –
Сердечко заболит.
Задушевная подруженька
Меня разговорит.
533. Я пойду да помолюся
У рябинушки густой.
Не последнюю ли зимушку
Гуляет холостой?
534. Я пойду да попляшу –
Что *мене* печалиться.
По пяти годов сидят –
И то разлучаются.
535. Я пойду и погляжу,
Не буду и стеснительна.
Здесь меня никто не знает,
И я не подозрительна.
536. Я пойду во чисто полюшко,
О камень расколуюсь.
Моё чувствует сердечушко –
На веки расстаюсь.
537. Я пойду плясать –
Руки белые назад.
Жалко дролю сероглазого,
По совести сказать.
538. Я поставила ведёрко
На тонюсенький ледок.
Подговаривал любиться –
Посидим давай годок.
539. Я поставлю свечку в речку,
Кто поедет, тот зажжёт.
Через клятву милый женится –
Немного наживёт.

540. Я поставлю свечку в речку,
Дорогую в воду-то.
Пока сама не осмеюсь –
Не осмеять народу-то.
541. Я пошла бы ноне замуж –
Женихов по мысли нет.
Кой не ровня, кой занят,
Который на осень солдат.
542. Я рябинушку ломала,
Под рябину пала кисть.
Носовым платком махала –
Приходи рябину *исть*.
543. Я сама гулять не буду
И подруге не велю.
Все ребята финтель-минтель
На резиновом ходу.
544. Я сегодня в горюшке,
Как *корань* на морюшке.
Миленький, уехать *хошь* –
Кому ты на руки сдаёшь?
545. Я сегодня в пьяном виде
Позабыла горюшко.
Завязала в носовой –
Послала через полюшко.
546. Я сегодня умывалась
Дорогой печаточкой.
После милого осталась
Молодой солдаточкой.
547. Я сегодняшней денёк
В поле дёргала ленок.
Заиграл в тальянку он -
Перестала дёргать лён.
548. Я сидела да и думала,
Что будет, милый мой.
А прочитала оглашенице –
Едва пришла домой.
549. Я сидела у окошка
У стекла разбитого.
Дожидалась из Чуровских
Дружка забритого.
550. Я сижу да думу думаю:
За милым не бывать.
Без судьбы моя головушка
Не будет пропадать.
551. Я сижу да радуюсь.
Придёт милой – нажалуюсь.
Нажалуюсь милёночку
На бойкую девчоночку.
552. Я сижу последний вечер,
Говорю последний час.
Наглядитесь мои глазоньки
На милого в запас.
553. Я тогда тебя забуду,
Дроля ростом маленький,
Когда вырастет на камешке
Цветочек аленький.

554. Я тогда тебя забуду,
Сероглазый дроля мой,
Когда вырастет на камешке
Цветочек голубой.
555. Я тогда тебя забуду,
Ягодиночка моя,
Когда вырастет на камушке
Зелёная трава.
556. Я у мамоньки одна –
Речку смерила до дна.
Никто мазурика не любит.
Я осмелилась одна.
557. Я ходила да смотрела,
Чтобы лес на ниве рос.
Я любить тебя не буду –
Зачем славушку пронёс.
558. Я ходила по полю,
Искала травку тополию.
Где бы тополию набрать
Да привораживать ребят.
559. Я цыганочку свою
Работать не заставлю.
Сам я печку затоплю,
Самовар поставлю.
560. Я на речке платье мыла,
На берёзку вешала.
Я любить-то не любила –
Разговорам тешила.
561. Я умру – не хороните.
Гроб поставьте в уголок.
Пуся миленький поплачет
У моих холодных ног.
562. Я ходила по воду –
Вёдра потопила.
Супостаточка милого
За яблоки купила.
563. Погуляю, покручу
Нонешнюю вёсну.
В самоходки приведу
Рипинску сосну.
564. Плясовая
Вы молодчики молоденькие,
Пиджачки на вас коротенькие.
Вы всё мимо проезжаете
Всё в ОкоLINE гуляете.
- Вы всё мимо проезжаете,
Всё в ОкоLINE гуляете.
Всё славных там выручаете.
- Извините-ко, молодцы, нас –
Не навешено золото на нас.
Мы девчонки небогатые,
Но зато все тароватые.
- Продай, тятенька, рожь и овёс –
Не поеду на гулянье без калош.
Продай, тятенька, бычка-годовичка –
Мне охота на Николу казачка.

<...>

2. КВАСЮНИНСКИЕ ЧАСТУШКИ 30-50 ГОДОВ XX ВЕКА
Записаны у Раисы Ивановны Тихомировой в 1964 году

565. Батька в роднике утонет,
Матку леший уведёт.
У меня у хулигана
Жизнь весёлая пойдёт
572. Говорят, жалею дролю.
В самом деле, надо быть,
Потому что начинала
Его первого любить.
566. Вдоль Квасюнина идём,
Идём да поворотимся.
На краю милашкин дом –
Ночевать попросимся.
573. Говорят, что я люблю,
Говорят, что бегаю.
Я такого ухажора
Из бумаги сделаю.
567. В колхоз пошла
Юбка новая.
Из колхоза пошла –
Жопа голая.
574. Давай, товарочка, попляшем –
Не с веселья – горюшка.
Наша радость утонула
Посредине морюшка.
568. Говорили люди, баяли,
Опутали кругом.
Куда девушке деваться
Со молоденьким умом.
575. Дайте, дайте револьвера
Девятизарядного.
Расстреляю супостатку,
Жалко ненаглядного.
569. Говорите, что хотите –
Этим не прославите.
Мои серые глаза
Плакать не заставите.
576. Дорогие вы родители,
Поверьте по себе.
Когда тятя был молоденький,
Ходил, мама, к тебе.
570. Говорят все – Ленинград,
Ну а надо – Петроград.
Его Первый Пётр построил,
А не ты, плешивый гад.
577. Дорогой дорог-то много
И тропинка не одна.
Ты женись – бери другую.
Сиротой не буду я.
571. Говорят, жалею дролю
Ой, какая жалость-то!
Я давно ему сказала:
«Не ходи, пожалуйста!»
578. До свиданья, сероглазый,
Я на операцию.
Будут сердце моё резать
За любовь горячую.

579. До свиданья, сероглазый,
Я по бережку пошла.
Ты ищи себе другую –
Я давно себе нашла.
580. Задюшевная товарочка,
Анюта милая,
За милёночка ругает
Матушка родимая.
581. Задюшевная товарочка
И милая моя,
Заединщину имеем –
Не гуляй не ты, не я.
582. За меня тебя ругают,
И меня не милуют.
А дроля вашему имению
Наши не завидуют.
583. За милёночка ругают –
Я из дома убегу.
Всё равно свиданье будет
На реке, на берегу.
584. Записались в колхозы,
Посадили на пайки.
Накормили головицей
С жопы съехали портки.
585. Из переднего окошечка
Квасюнино видать.
Я помру из-за милёночка –
Никто не будет знать.
586. Из солдат милаша пишет:
«Жди, любая девушка».
Я обратно отписала:
«Ждать-то не неделюшка!»
587. Из солдат милаша пишет:
«Тише, милая, гуляй.
Ты никак худые славы
На себя не наживай».
588. И Квасюнино деревню
Можно городом называть.
Обойди кругом деревню –
На серёдку наплевать.
589. Интересно было слушать
У милёнка под окном:
Матка сыну говорила,
Что меня не надо в дом.
590. Как в Квасюнинскую гору,
Гору выбегу бегом.
Хоть какая ночка тёмная –
Увижу дролин дом.
591. Квасюнино деревенку
Не хаю, не хвалю.
Сероглазого строеньице
На самом на краю.
592. Кладовщик пеки оладьи –
МТС подмазывай.
Председатель пей вино –
Счетовод не сказывай.

593. Лиходеечка моя
Принадула губки.
Не сердись, голубушка,
Люби мои облюбки.
594. Лиходеечку косую
Посажу под образа.
Ты сиди, сиди, косая,
Выворачивай глаза.
595. Мой милёнок недалёко –
Только поле перейти.
Натше сей зимы придётся
Самоходочкой уйти.
596. Мы с милашкой записались
В радиолюбители.
Через год у нас родились
Громкоговорители.
597. Мы с милашкой расставались.
Врозь пошли по сторонам.
Он запел, а я заплакала –
Легко ли было нам.
598. Мы с товарочкой дружили,
С нею вместе спали-то.
До чего мы подружили –
Своиками стали-то.
599. Мы с товарочкой дружили,
Пили чай из решета,
В полюшке на камешке
Картошку жарили в мешке.
600. Мы с тобой, товарочка,
Шалями уивались.
Тебе брат, мене – любой.
Сестрами назывались.
601. Мы с тобой, товарочка,
Умные головушки.
Попадай-ко мне во снохи,
Я к тебе – в золовушки.
602. На высокую на гору
Выходила, маялась.
Дроле сделала измену
А теперь раскаялась.
603. Нам ништо высокий дом
И клеёнки на столах.
Лишь бы дроля по характеру
И верный на словах.
604. Наше поле каменисто,
Осерёдке ёлочка.
Дали твёрдое заданье –
Забыть милёночка.
605. Не ходи, милаша, полем,
Где невыжатая рожь.
Не считай меня сударушкой.
Люби, какую хошь.
606. Ой, Квасюнино-деревенка
Стояла на горе.
Эта милая деревенка
Глядела отдале.

621. Силой милушку женили,
Поневоле дурака.
Привезли ему снаряду
И всего полсундука.
622. Силой милого женили,
По большой неволюшке.
Стало некому работать
Во широком полюшке.
623. Ты женился да и плачешь.
Поглядика-ко на меня –
Я гуляю, как цветок,
А ты вянешь, как трава.
624. Ты скажи, милаша, матке,
Скажи матушке родной:
Не была снохой – не буду –
Нечего ругаться ей.
625. У милашки в пятистенке
Везде огни горят.
Все родные собираются –
Его женить хотят.
626. У милашки матка-бес –
Выбирает всё невест.
Погляди на сына милого,
Какой он у *тя* есть.
627. У милашки матушка
Хуже лихорадки.
Шти варила – пролила
Дроле на запятки.
628. У милого моего
Матка чёрнопятая.
Ты скажи, милашка, матке,
Чтобы пятки спрятала.
629. У милашки глазки чёрны,
Чёрны, черноватые.
Он завлѣк, а я влюбилась-
Оба виноватые.
630. У товарочки в груди
Тонкая иголочка.
Побойся Бога и людей –
Не отбивай милѣночка.
631. У меня милаша есть,
Только, девушки, не здесь.
На дворе корова красная
Стоит да сено ест.
632. У меня милаша маленький.
И маленький хорош.
И в простое воскресеньице
Не выйдет без калош.
633. У меня милаша маленький,
И я не доросла.
Мы недолго занимались –
С осени до *Рождества*.
634. У *мня* тятенька не дома,
А и мама на Дону.
Меня, бедную головушку,
Оставили одну.

635. Чашку чая закрывала
Листиком лавровеньким.
Погляди, милаша старый,
Как гуляю с новеньким.

638. Я иду, а трактор пашет
Чёрную земелюшку.
Подошла я и сказала:
«Запаши изменушку!»

636. Чёрный ворон воду выпил,
Берег с берегом сошлись.
Мы нечаянно с милёночком
Навеки разошлись.

639. Я на печке лежу –
Похохатываю.
Каждый день трудодень
Зарабатываю.

637. Чёрный ворон, чёрный ворон,
Чёрный воронёночек,
Не рассказывай любви
Обо мне милёночек.

640. Я сидела на диване –
Вышивала простыню.
Дайте, дайте револьвера –
Дорогого застрелю.

3. КВАСЮНИНСКИЕ ЧАСТУШКИ 40-50 ГОДОВ XX ВЕКА

Записаны у Галины Евстафьевны Калачёвой в 1995 г.

641. Атаман, играй под драку –
Веселее драться нам.
Всю весёлую гуляночку
Разгоним по домам.

644. В город Вологду приеду
На горбатый мост взойду.
Деревенского забуду –
С городским гулять пойду.

642. Белая берёзонька –
Всем ветрам покорная.
Без милёночка одной
Какая жизнь спокойная.

645. Ветерочки дуйте, дуйте
С четырёх сторон в одну.
Дуйте, дуйте раздувайте
Жизнь печальную мою.

643. Брови чёрные не смоешь
И платочком не сотрёшь.
Я люблю – меня не скроешь
И со мной не пропадёшь.

646. Ветерочки подувают
С севера холодные.
Задушевная, попляшем,
Даром, что голодные.

647. Все цветочки-василёчки
В сентябре завянете.
Скоро в армию забреют –
Девушки вспомянете.
648. Гармониста полюбила,
Заругала меня мать.
Не ругай меня, мамаша, –
Развесёлый будет зять.
649. Гармониста я любила,
Гармониста тешила.
Гармонисту на плечо
Сама тальянку вешала.
650. Говорят, платок – к разлуке.
Я нарочно два отдам.
Не платочек разлучает –
Супостатка между нам.
651. Говорят, платок к разлуке.
Я не верю никогда.
Не платочек разлучает,
А чужая сторона.
652. Говорят, рябина сладка.
А я ела – горькая.
Я нездешняя девчонка –
Карачунка бойкая.
653. Дорогой, дорог-то много.
Ты идёшь и я иду.
Дорогой, людей-то много,
Ты нашёл и я найду.
654. Дролю взяли в армию,
Сказали – на неделюшку.
Его забрили на три года.
Обманули девушку.
655. Дроля, дроля дорогой,
Не корили бы тобой.
Тобой корят, а ты не ходишь –
Сердце колет, как иглой.
656. Дролька, рви, рви, рви,
Рви платочек носовой.
Изорви его на ленточки
И брось передо мной.
657. Заболело ретивое,
Заболело, стало ныть.
Так и надо ретивому –
Надо знать, кого любить.
658. Задушевная подруга,
Супостатка лешая,
На свою большую голову
Кудрей навешала.
659. Задушевная, с тобой
Ругались и мирились.
Ой, какие дуры были –
В одного влюбилися.
660. Запевай, подруга, песню.
Я люблю, как ты поёшь.
Через поле во другое
Голосочек подаёшь.

661. За реку ходить не будем –
Голенища коротки.
Иссушили меня девушки –
Не сходятся портки.

668. Много лесу, много лесу,
Много вересу в лесу.
Что хотите –говорите.
Молода – перенесу.

662. Из Карачева приехали –
Седёлка на боку.
Всю вселённую разгоним
За осьмушку табаку.

669. Мой милёнок, как телёнок.
Только разница одна.
Пьёт телёнок из корыта,
А милёнок из ведра.

663. Изменённую девчоночку
Узнаешь по глазам.
Изменённая девчоночка
Глядит по сторонам.

670. Миленький мой,
Ты бы умер годовой.
Я бы не родилася,
В тебя бы не влюбилася.

664. Изменил мене залётка,
Брови чёрные нашёл.
Она хитрая, зараза,
Подвела карандашом.

671. Мы с милёночком сидели,
Нас считали – брат с сестрой.
Оба белые на личико,
Однакие красой.

665. Керосину в лампе нету –
Почему хороший свет?
Каждый вечер дроля ходит,
Почему сегодня нет?

672. Мы с милёночком сидели
На крылечке вечерком.
Наши тайные словечки
Относило ветерком.

666. Ленинград – красивый город,
Пододвинуся ближе к нам.
У меня и у товарочки
По дроле есё там.

673. Мы с подружкой лили олово
У речки на мосту.
Выливалась Красна Армия
И дроля на посту.

667. Мене милый изменил –
Я упала перед ним.
Ой, зачем я падаю
Перед такою гадою.

674. Мы с тобой, подруга, сёстры,
Наши дроли – братовья.
Мы не будем, задушевная,
Ругаться никогда.

675. Наши матери-отцы
Какому Богу молятся?
Кудреватые, красивые
Девчонки родятся.
676. Не смеяться вам-то, вам-то
Над нами-то, над нами-то.
Надо в этом разобраться,
Хороши ли сами-то.
677. Не ходи, подруга, замуж.
Милая, не торопись.
Неужели надоела
Девичья весёлая *жизнь*.
678. Не смотри, залётка, в очи,
Не качай головушкой.
Всё равно не назову
Твою сестру золовухой.
679. Не ходите, девки, замуж,
Как моя головушка.
Лучше деверя четыре,
Чем одна золовушка.
680. Ночки тёмные, осенние.
Частые дожди льют.
Глазки серые, весёлые
Спокою не дают.
681. Одинаковое купим,
Одинаково сошьём.
Одинаково наденем –
В одну сторону пойдём.
682. Одинаковое купим,
Вместе и оденемся.
Давай, милая подруга,
Дролям переменимся.
683. Ой, шла – остановилась
У ивова куста.
Гулять не напросилась,
Не ври, пожалуйста.
684. Поиграй повеселее –
Разгони тоску- печаль.
Ой, всё кого-то нету,
Ой, всё кого-то жаль.
685. Поиграй повеселее,
Веселее надо мне.
Глазки серые жалею,
Где бы ни были *оне*.
686. Поиграй повеселее,
Весело заказано.
Говорят мне изменушка –
Неверно сказано.
687. Посмотри, дроля на воду,
А потом и на меня.
Как вода о берег бьётся,
Так сердечко у меня.
688. При царе при Николашке
Ели белые олашки.
У царя у Ленина
Съели хвост от мерина.

703. Ягодиночка уехал,
Я-то не уехала.
Заказные письма пишет,
Чтобы я приехала.

704. Ягодиночка убит,
Лежит под Севастополем.
Ему вырыта могилушка
В саду под тополем.

705. Ягодиночку избили,
Я стояла плакала.
Завяжите ту же раны,
Чтобы кровь не капала.

706. Я женатого любила.
У женатого жена.
Чем же я-то виновата –
Ему жёнка не любя.

707. Я иду, а мне навстречу
Трактора и трактора.
Почему любовь горячую
Не лечат доктора.

708. Я любила дорогого,
Любила да раскаялась.
Я не знала, что ему
Моя подруга нравилась.

709. Я надела белу кофту,
В зеркало смотрелась.
Изменил меня залётка,
Я одна осталась.

710. Я надела белу кофту,
Не подумала того –
Ягодиночка на фронте,
Может, ранили его.

711. Я намылась, напудрилась
И брови подвела.
Ничего красы не прибыло –
Такая и была.

712. Я не буду больше плакать,
Свои глазки доводить.
Сине море не наполнить
И любовь не воротить.

713. Я по берегу иду,
Кидаю камушки ко дну.
Не треплися, ягодиночка,
Люби меня одну.

714. Я по берегу иду –
Берег осыпалистой.
Задумевшая в любви
Надо быть смекалистой.

715. Я по берегу ходила,
Ветер веточку ломал.
В это время ягодиночка
Измену назначал.

716. Я пойду плясать по полу –
Не судите про меня.
И посудите – так даром.
Здесь не дроля у меня.

717. Я пойду и попляшу –
Потопаю калошою.
Игроку за уваженье –
Девушку хорошую

719. Я тогда тебя забуду
И в спокойе буду жить,
Когда Волга пересохнет,
И вода не побежит.

718. Я тебя любила, гад,
Четыре года вокурат.
Ты меня – два месяца
И то хотел повеситься.

720. Я уеду далеко,
Забуду ягодиночку.
Да и он меня забудет,
И ко мне тропиночку.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ И ФОЛЬКЛОРИЗМОВ, употребляемых в квасюнинских частушках

СОСТАВ И СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

В состав словаря вошли: а) местные слова, диалектизмы, которые употреблялись жителями д. Квасюнино Шекснинского района в конце XIX – первой половине XX века; б) слова, бытующие в произведениях устного народного творчества, в данном случае в частушках, фольклоризмы.

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке. Однокоренные слова помещены в разных словарных статьях.

При описании каждого включённого в словарь слова ставились следующие задачи: 1) дать принятую в лексикографической практике грамматическую характеристику слова; 2) определить лексическое значение (или значения) слова, опираясь на его лингвистический и культурно-смысловой контекст в данных частушках; 3) сопоставить установленное контекстуальное значение слова с лексикографическими данными, если это слово или родственные с ним слова описаны в толковых словарях современного русского языка, словарях русских народных говоров, исторических словарях.

В конце каждой цитаты указан номер частушки.

Использованные словари

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978. Репринтное издание 1880-1882гг. – Т. 1-4. – Д.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981-1984. – Т. 1-4. – СРЯ.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1-23), Ф.П. Сороколетов (вып.24-35). – М., Л.; СПб.: Наука, 1965-1999. – Вып. 1-35. – СРНГ.

Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская (вып. 1983, 1985, 1987, 1989, 1990, 1993, 1997), Л.Ю.Зорина, Т.Г. Паникаровская (вып. 1999, 2002, 2005, 2005, 2007). – Вологда, 1983-2007. – Вып. 1-2. – СВГ.

* * *

Ба́сенки, *-нок, мн. Разговоры, рассказы* (СРГК, 1, 43). Пёсенки да ба́сенки, / Болит се́рдце по Ва́сеньке. / Ретиво́е моё жжёт, / Оно́ не ско́ро заживёт (307).

Бахва́лить, *-ят, несов., неперех. Хвастаясь, смеяться над кем-либо* (СВГ, 1983, 25). Супоста́точка мо́я / Высо́ко брёви подняла́. / Она́ бахва́лит-то люто́, / её не лю́бит-то никто́ (419).

Безольго́тный, *-ого. Не имеющий льготы, поэтому подлежащий призыву на военную службу. Ка́бы зна́ла, так не ста́ла / Безольго́тного лю́бить. Каково́ четы́ре го́дика / Без мы́лого прожы́ть* (135).

Белола́пенький, *-ая. С белыми лапками* (СРГК, 1, 56) Сидит ко́шка на око́шке, / Белола́пенький кото́к. / Прошла́ ма́сляна неде́ля, / Настаёт ве́ликий по́ст (402).

Беломеха́я, *-ой. В знач. сущ. Гармонь с белыми мехами. Заигра́ла беломеха́я / Во на́шем по́люшке. / Вспомина́ю дро́лю ста́рого / Во вся́ком го́рюшке* (114).

Белохрё́бтый, *-ая. С белым хребтом, спиной (о корове)* (СРГК, 1, 57). Всех коро́в передо́йла, Под быка́ усе́лася. Белохрё́бтая коро́ва / Со сме́ху надсе́лася (33).

Бесе́да, *-ы. Вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют* (СВГ,

1983, 30). Прибежа́л я на бесе́ду – / Моя ми́лка заня́та. / Засучи́л портки́ до пу́па / И с бесе́ды ла-та-та́ (370; 343)

Бесе́душка, -и. *Ум.-ласк. к бесе́да*. На бесе́душку пришёл / Ростопóршился. / Три копёйки прогуля́л – / Не помóршился (224, 244, 362).

Бесё́дничек, -а. *Молодой человек, участник беседы*. Дорого́й ты мой бесё́дничек, / Повыйди из ку́та (95).

Бог, -а. *Икона* (СРНГ, 3, 51). **Богом обнести́сь**. *Получить благословение образом от родителей во время помолвки; обручиться*. С ми́лым Бо́гом обнеси́сь, / А обвенча́ться не пришло́сь / Всю мы зы́мушку сиде́ли – / К ле́ту де́ло разошло́сь (408, 409).

Богомо́ленка, -и. *Любящая молиться, набожная женщина, богомолка; употребляется также в значении староверка* (СРНГ, 3, 52). Моя ми́лка-старове́рка / Богомо́ленка была́. / Шу́бу ли́сью про-моли́ла, / Полуша́лок пропи́ла (212).

Богомо́льничать, -ают, *несов., неперех. Молиться Богу*. Я к обе́денке ходи́ла, / Богомо́льничала (506).

Божáтко, -и, м. *Крестный отец* (СВГ, 1983, 35). Все уря́дники знако́мы, / Да старшина́ – божáтко мой (32).

Бо́ле, ср. ст. к *прил и нареч. В большем количестве, больше* (СРНГ, 3, 61). Моего́ милёночка / На ры́нке продава́ли. / Два зелёные гроша́ – / Бо́ле не дава́ли (204).

Большо́й, ая. *Старший по возрасту* (СВГ, 1983, 38). Попое́м, това́рка, пе́сен. / Попое́м, уда́лая. / Ты люби́ большо́го бра́та, / А я бу́ду ма́лого (358).

Брюши́на, -ы. *Живот* (СВГ, 1983, 46). Ста́лин Ле́нина буди́л – / По брю́шине колоти́л. / Ты встава́й-ко, сотона́, / Пятиле́тка сорвана́ (690).

Бурдо́вый, -ая. *Тёмно-красный, бордовый* (СРНГ, 3, 284). Я на ми́леньком рубашечку / Бурдо́вую люблю́. / За него́ дома́ руга́ют – / Я расста́ться не могу́ (515).

Велёть, -ят, *несов. и сов. Советовать*. Расстава́лися – руга́лися. / Расста́лися – реви́м. / Бо́ле с дро́лей не расста́немся / И лю́дям не ве́лим (616).

Верёва́рья, -и. *Слово образовалось в результате звуковой игры в частушке-ротовушке. Купил ми́ленький шары́юварью - / Не мо́жет и носи́ть. / Купи́л чува́рю с верёва́рю / Шары́юварью вози́ть (154).*

Веретёночко, -а. Ум.-ласк. к *веретено*. Мера пряжи, равная одному заполненному веретену – приспособлению для прядения в виде утолщённого по середине стержня для навивания нити. Веретёночко напярля / И другёе началá. / Дёвки ма́тушки сидíte. / Я пошлá на чучелá (12).

Вертовáтый, -ая. Легкомысленный, непостоянный, шустрый (СРНГ, 1983, 62). Менé ма́ма говори́ла: / «Не гуляй до во́люшки. / Бо́льно ста́ла вертовáта – / Не сносить го́ловушки (167).

Взревéть, -ят, сов., *неперех.* Сильно, громко заплакать. Моегó милóго бы́ют – / Мне попла́кать не да́ют. / Да́йте менé во́люшку – / Взревлю́ во всю го́ловушку (206).

Во всю головушку. Образн. выраж. Очень сильно, громко (СРНГ, 6,312). Моегó милóго бы́ют – / Мнé попла́кать не да́ют. / Да́йте менé во́люшку – / Взревлю́ во всю го́ловушку (206).

Вожовáтый, -ая. Вежливый, ласковый, приветливый (СРНГ, 5, 11). Не за то́ егó любíла, / Что он лово́к да богáт. / А за то́ егó любíла, / Что краси́в да вожовáт (249).

Во́ля, -и. 1. Девичий головной убор в виде широкой ленты. ~ **отдать волю**. О замужестве, выходе замуж (СРНГ, 5, 88). 2. Свобода в поведении, распушенность (СРНГ, 5, 88). ~ **дать волю**, ~ **опустить волю**. Позволить свободу в поведении, распушенность. Молоде́ньке да́ли во́лю, / Потóм ста́ли унимáть. / Опусти́ли во́лю в во́ду – / На водé хúdo имáть (209). ~ **во́лю снять** с кого-л. Ослушаться, не повиноваться кому-либо (СРНГ, 5, 88). Нелюбо́й прие́хал свáтаться. / Любо́й сидít у нас. / С ма́мы во́лю не снима́ю – / За кото́рого отда́ст (256).

Вперёд забега́ть. Образн. выраж. Заискивать перед кем-л., первым, раньше другого оказывать внимание. Ср. *вперёд, впереди*, нареч. Раньше, прежде другого (СРНГ, 5, 171). Каравáнится милёночек – / Вперёд не забе́гу (91).

Врозь, нареч. Отдельно один от другого. Мы с милáшкой расстава́лись. / Врозь пошл́и по сторо́нам. / Он запёл, а я запла́кала – / Лёгко ли бы́ло нам (595).

Всполóхать, -ают, сов., *перех.* Испугать, встревожить (СРНГ, 5, 210). По дере́венке пройду́ – / В талья́ночку прогрóхаю. / Моя́ мýлка крёпко спит – / Я её всполóхаю (320).

Выговáривать, -ют, несов., *неперех.* *Упрекать*. – Тятенька, отдай, отдай. / – Сходи да понавáливай. Себё любóго выбирай, / Менё не выговáривай (446).

Выручáть, -áют, несов., *перех.* *Сватать невесту, брать жену из другой деревни* (СВГ, 1983, 98). Вы всё мимо проезжáете, / Всё в Око́лине гуляете. / Всё славнóх там выручáете (562).

Вязáться, -утся, несов. *Ухаживать*. Пóлно, мýльный, заносíться, / Пóлно и курáжиться. / Мнóго лóчше и красíвее / Ребáта вяжутся (344).

Вяточка, -и. *Гармонь*. У милóго моего, / Часы, калóши, вяточка. / Как играёт хорошó, / Послу́шай, супостáточка (467).

Га́да, -ы, м. и ж. *Бранное слово* (СРНГ, 6, 90). Менё мýльный измёнил – / Я упáла пёред нím. / Ой, зачём я па́даю / Пёред тако́у га́дою (665).

Голо́вушка отча́янна. *Образн. выраж. О решительном, отчаянном человеке*. Я не думáла-не чáяла, / Что он голо́вушка отча́янна. / Вётер дýет – все листóчки шевелíт. / Сам не хóдит и ребáтам не велíт (521).

Гоня́ться, -яюсь, несов. *Ухаживать*. Пáрню нёчего гоня́ться, / Коль не нáдо дёвушке (7). Плóхо Кáрюшке спуска́ться / Со крúтой горы в реку́. / Хúдо дёвушке гоня́ться, / Коль не нáдо парня́ку (309).

Гóрсточка, -и. *Пучок сжатого злака, который жнец срезает за один раз* (СВГ, 1983, 125). На ширóкой на полóске / Нáдо гóрсточка нажáть. / Лёган знáёт, чью старóху / Нáдо ма́монькой назва́ть (242).

Грех вестí. *Ссориться*. **Грех**, -а. *Ссора, раздор* (СВГ, 1983, 129). Пóлно, ма́тушка родна́я, / Из-за дрóли грех вестí. / Не судьба́ – так мы расста́немся. / Судьба́ – не развестí (611).

Гробо́виночка, -и. *Ум-ласк. к гроб*. На мою́ на гробо́виночку / Натёсано досóк. / Порядíлась в маслodeлочки – / Не знáю, когда срóк (230).

Груди́на, -ы. *Грудь* (СВГ, 1983, 131). У това́рочки в груди́не / Тóнкая игóлочка. / Побóйся Бóга и люде́й – / Не отбивáй милёночка (628).

Да́ром, *безл. в знач. сказ. Безразлично, всё равно* (СВГ, 1985, 7). Ветерóчки подува́ют / С се́вера холо́дные. / Задушёвная, поплáшем,

/ Даром, что голодные (644). Я пойду плясать по полу – / Не судите про меня. / И посудите – так даром. / Здесь не дрóля у меня (714).

Доби́раться, -а́ются, *несов. Узнавать, догадываться, понимать* (СВГ, 1985, 30). Ма́менька руга́ется – / Люто́ платки́ ма́рают-ся. / Она́ не добира́ется, / Что ми́лый вытира́ется (164; 300).

До́дни, *нареч. До рассвета* (СВГ, 1985, 34). Свёчка па́льмова сгорела, / Но́чка тёмная прошла́. / С ми́лым до́дни просидела – / Интере́су не нашла́ (393).

Досажа́ть, -ают, *несов. Огорчать, обижать. Уважать не уважаю. / Досажáю да и вот. / Не такое моё се́рдце, / Чтоб ува́жить наперёд* (448).

Досади́ть, -дят, *сов. Огорчить, обидеть. Мы с тобо́й, подру́жка, дво́е / Никому́ не досади́м / Ты Ваню́шку, я – Павлу́шку / Никому́ не отда́дим* (222).

Дро́лечка, -и, *м. Ум.-ласк. к дрóля. Говора́т, что я горда́. Неува-жительная –да! Я за дро́лечкой уха́живать Не бу́ду никогда́* (65).

Дро́лька, -и. *Ум.-ласк. к дрóля. Дро́лька рви, рви, рви, / Рви пла-то́чек носово́й. / Изорвёшь его́ на ле́нточки / И брось передо мно́й* (654).

Дро́ля, -и, *м. Любимый человек; поклонник* (СВГ, 1985, 78). Заи-гра́ла бело́мехая / Во на́шем по́люшке. / Вспомина́ю дро́лю ста́рого / Во вся́ком го́рюшке (114).

Дрын, -а. *Заострённая палка, кол* (СВГ, 1985, 61). По дере́вне шла и пе́ла / Самова́рная труба́ с ды́мом. / Проводи́л меня́ залётка / До телефо́нного столба́ / с дры́ном (609).

Есе́. *Есть, имеется.* СВГ, 1985, 74: *есю, еся* и др. Ленингра́д – краси́вый го́род, Подо́двинься бли́же к нам. / У меня́ и у това́рочки / По дро́ле есе́ та́м (664).

Жале́ньице, -а. *Ум.-ласк. к жале́нье. Скорбь, печаль* (Д, 1, 525). Ми́лая да ми́лая, / Ты се́рдечко вы́няла. / Ми́лая, хоро́шая, / Жали́-ньице поло́жила (178).

Зава́ра, -ы. *Кушанье, приготовленное из ржаной муки крупного помола, заваренной молоком* (СВГ, 1985, 98). Лиходе́чка моя́ / Зава́ры нахлебáлася. / Вся дере́вня хохота́ла, / Как она́ ката́лася (159).

Завлекáтельный, -ая. *Привлекательный, красивый. Завлекá-тельная я. / Ходи́т ми́лый для меня́. / Лице́мерю я ему́ – / Он ве́рит се́рдцу моему́* (110).

Заволочить, -чат, сов., перех. *Запачкать, загрязнить* (СВГ, 1985, 103). Носовой заволочу – / Из ведёрка сокачу. / Супостátка невелика – / На бегу перескочу (280).

Залётка, -и. м. и ж. *Любимый человек; поклонник* (СВГ, 1985, 128). Изменил менé залётка – Я стою да хохочу. / Разменяй подру́га рублик – За измену заплачу (126; 501, 609, 662, 676, 695).

Заниматься, -аются, несов. *Иметь знакомство, ухаживать за кем-либо* (СРНГ, 10, 280). Из солдат-то мýлый пýшет, / Пýшет, удивляется: / «Сероглázая моя / Ни с кём не занимается» (130; 426, 631).

Занятый, -ая. *Влюблённый в кого-либо; такой, за кем кто-либо ухаживает* (СРНГ, 10, 288). Прибежал я на беседу – / Моя мýлка занята. / Засучил портки до пýпа / И с беседы ла-та-та (370).

Заодинщина, -ы. *Наличие общих интересов у кого-либо; согласие, дружба* (СРНГ, 10, 291). Задуше́вная това́рочка / И мýлая моя, / Заодинщину имеем – / Не гуляй не ты, не я (579).

Зарезник, -а. *Губитель*. СРНГ, 10, 381: *убийца; зарезина*, -ы, м. и ж. *Об упорном, упрямом человеке*. Вы, родители-губители, / Зарезники мой. / Вы без но́жика зарезали – / С мýлым поразвели (51).

Зимогóр, -а. 1. *Сезонный рабочий на отхожих промыслах* (СРНГ, 11, 280). Я из Пíтера приехал / На кобы́ле вороной. / Не узнали зимогóра – / Не пуска́ют и домо́й (500). 2. *Босяк, бродяга, хулиган* (СРНГ, 11, 280). На одной но́ге сапо́г, / На друго́й опóрок. / По эта́пу провели – Ты менé не до́рог. (*О зимогоре*) (236).

Зло́е поколе́нье. *Образн. выраж. Злой человек*. Ср.: *злоде́йка*, -и. *Соперница* (СВГ, 1985, 172). Супостáточка моя – / Зло́е поколе́нье. / Отбивáет мýлого / Всем на удивле́нье (423).

Игра́ть под дра́ку. *Особый вид игры на гармонии в быстром темпе*. Атама́н, игра́й под дра́ку – / Веселее́ дра́ться нам. Всю весе́лую гуляночку / Разгóним по дома́м (639).

Има́ть, -ают, несов, перех. *Ловить, брать* (СВГ, 1987, 18). Молоде́нке да́ли волю, / Потóм ста́ли унима́ть. / Опусти́ли волю в во́ду – / На воде́ хýдо има́ть (209).

Име́нье, -ья. *Имущество* (СРНГ, 12, 191). За меня́ тебя́ руга́ют, / И меня́ не мýлюют. / А дро́ля ва́шему име́нию / На́ши не завидуют (580).

Исшадри́ть, -ят, сов., безл. *Повредить кожу оспой*. Ср.: *шадра́*, -ы. *Оспа* (Д, 4, 618). Пока́ оспицей лежа́л, / Мила́шка заноси́лася. / Исшадри́ло нелюто́ – / Уважа́ть хвати́лася (342).

Кажинный день, нареч. соч. *Ежедневно*. Посидела́ бы одна́, / Ду́мушку подумала́, / Как я бе́дна сирота́ / Кажинный день обругана́ (361).

Кажинный час, нареч. соч. *Ежечасно*. Вспомня́и меня́, миле́ночек, / Оди́н в неде́лю раз. / Я, моло́денькая де́вушка, / Тебя́ – кажинный час (44).

Каравани́ться, -юсь, несов. *Капризничать* (СВГ, 1987, 38); *упрямиться, куражиться, чваниться* (СРНГ, 13, 67). До́ждик лей на мо́лоду, / В э́тот до́мик не пойдú. / Каравани́тся миле́ночек – / Впе́ред не забе́гу (91).

Карачу́нка, -и. *Жительница г. Сольвычегодска*. Ср.: *карачёв*. Прозвище жителей г. Сольвычего́дска (СРНГ, 13, 78). Говоря́т ряби́на сла́дкая. / Я е́ла – го́рькая. / Я незде́шняя девчо́нка – / Карачу́нка бо́йкая (650).

Ка́таники, -ов. *Валенки*. Ка́таники се́рые, Во́лосье кудрева́тое. / Три копе́йки прогуля́л – / Де́ло не бога́тое (143; 471).

Ката́ться, -а́ются, несов. *Быть больным, мучиться от боли*. (СВГ, 1987, 46). Лиходе́ечка моя́ / Зава́ры нахлебале́ся. / Вся дере́вня хохотала́, / Как она́ ката́лася (159).

Качу́люшка, -и. Ум.-ласк. к *качу́ля*. *Качели* (СВГ, 1987, 49). На качу́люшке кача́лась – / Не боя́лась высоты́. / Милый вы́хватил гребе́ночку / Из ру́сой из косы́ (231).

Квашо́ночка, -и. Ум.-ласк. к *квашо́нка*. *Деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста* (СВГ, 1987, 52). Меня́ е́дут сва́таться, / Куда́ мене́ сопря́таться. / В чула́нчик за омбо́рочку / За ма́мину квашо́ночку (168).

Клетковáтый, ая. *Имеющий рисунок, узор в клетку, клетчатый* (СВГ, 1987, 165). У меня́ у де́вушки / Пла́тье клетковáтое. / Во́зле пря́лочки сиди́т / Чу́чело горба́тое (462).

Кливи́ть, -ят, несов., перех. *Дразнить, доводить до слёз* (СРНГ, 13, 271). Ты не плачь чу́жая те́тка, / Не кливи́ родну́ю ма́ть. / Про́служу́ четы́ре го́дика – / Приду́ домо́й опя́ть (435).

Кой, местоим. *Который* (СВГ, 1987, 78). Я пошла́ бы ноне́ за-
муж – / Женихов по мысли́ нёт. / Кой не ровня, кой занят, / Который
на осень солда́т (540).

Коло́дина, -ы. *Толстый полусгнивший ствол упавшего дерева*
(СВГ, 1987, 86). Мы с милашечкой вдвоём / Ходили́ за сморо́диной.
/ Испуга́лись лягу́х – / Лежа́ли под коло́диной (216).

Корить, -ят кем-либо, несов. *Упрекать за дружбу с кем-либо*
(СВГ, 1987, 104). Дро́ля, дро́ля доро́гой, / Не кори́ли бы тобо́й. / То-
бо́й коря́т, а ты не ходи́шь – / Сёрдце ко́лет, как игло́й (653).

Костёр, -тра. *Поленища дров* (СВГ, 1987, 110). Раската́лася по-
лени́ща – / Неру́бленный костёр. / Как не сты́дно подгова́ривать /
Двою́родных сестёр (386).

Косу́ля, -и. *Деревянная соха; плуг* (СВГ, 1987, 112). Свою́ ми́лую
косу́ю / Запрягу́ её в косу́лю, / Из косу́ли в борону́, / Борони́ть поёду:
«Ну!» (394).

Кося́к, -а. *Изгородь* (СВГ, 1987, 113). Сидите́, де́вушки на ла́-
вочке / У новых косяко́в. / Любите Ва́сеньку Ива́нова – / Не бу́дет
пустяко́в. (Про славутника) (404).

Кото́мка, -и. *Сумка, носимая за плечами* (СО, 258). За изме́ну
дорого́му – / Две кото́мки сухаре́й, / Три жены, четы́ре сы́на / И пят-
на́дцать доче́рей (115).

Кото́мочка, -и. *Ум.-ласк. к кото́мка*. Не руга́й, родна́я ма́монь-
ка, / Что мно́го хлё́ба ем. / Сше́й-ка бе́лую кото́мочку, / Уйду́ – не
надо́ем (264).

Крови́ночка, -и. *Ласковое название любимого человека*. Меня́
ма́ма би́ла – о́й! / Об лежа́нку голово́й. / За одну́ крови́ночку, / За
Ва́ню-ягоди́ночку (172).

Кры́лос, -а. *Клирос*. Я к обе́денке ходи́ла, / Все́ встава́ла на пе-
рёд. / Не моё́ ли, де́вки, зо́лото / На кры́лосе поёт (503).

Куде́ля, -и. *Волокно льна, приготовленное для прядения* (СВГ,
1987, 11). Не дожда́ться э́тих де́н, / Когда́ упра́вят э́тот лён. / Де́вки
сдела́ют куде́лю – / На бесе́душку пойдём (244).

Кут, -а. *Угол в крестьянском доме, противоположный красному
углу* (СВГ, 1990, 24). Доро́гой ты мо́й бесе́дничек, / Повыйди́ из ку́та
(95). Бу́дет, бу́дет – поскрипе́ли / От моро́зу сапоги́. / Ты не то́ что на
колё́ни – Из ку́та не выходи́ (3).

Лáвинка, -и. Ум.-ласк. к *лáвина*. Мостки через реку, ручей (СВГ, 1990, 29). Не умел ходить по лáвинке – / Так плавай по водё. / Не умёл водиться с девушкой, / Так гуляй один себя (274; 351).

Лáдить, -жу, несов. Намереваться, собираться. Совесть-то не рáжая – / Уважать не лáжу я (25; 261, 513).

Лéган. Экспресс. выраж.: *лéган знáет*. СВГ, 1990, 36: *лéман егó (её) знáет*. Неизвестно, не знаю, не представляю. На широкой на полóске / Нáдо горстóчка нажать. / Лéган знáет, чью старúху / Нáдо мáмонькой назвáть (242).

Лéший, -ая. Бранн. Дикий (Д, 2, 279-280). Задушéвная подрúга, / Супостáтка лéшая. / На свою большúю гóлову / Кудрёй навéшала (656).

Лиходéечка, -и. Ум.-ласк. к *лиходéйка*. У милóго мáтка злáя, / Лиходéечкой зовú. / Не такáя я худáя – / Не дáёт сидёт в домú (503, 591).

Лиходéйка, -и. Злодейка, недоброжелательница (Д, 2, 257). Ой, дрóлина мать! / Пóлно пóпусту ругáть. / Не пришлóсь бы, лиходéйка, / Тебá мáмонькой назвáть (285).

Лом, -а. Мусор, сор (СВГ, 1990, 44). Потеряла я колéчушко / На úлице в ломú (365).

Лóмики, -ов. Мелкие ломанный ветки, прутьики. Вересóвые ку-стóчки / Изломáю в лóмики (10).

Любíмушка, -и. Любимая девушка. Ты любí, любíмушка, / Пока́ цветёт рябинушка. / Опадёт с рябины цвет, / Так нелюбáя бú-дешь век (433).

Любовáть, -уют, несов. Смотреть с любовью, любоваться. Моя мýлка плáтье мýла. / Я стоял да любовáл. / Дорогáя в рéчку пáла – / Я пошёл загоревáл (211).

Любóй, ая. Любимый; такой, который нравится (СВГ, 1990, 60). Посидёл да и прости́ / Весёлая бесéдушка. / Обернúлся да ска-зál: / «Прощáй любáя девушка!» (362, 520, 584, 598)

Любóй, -ого, суц., м. Любимый человек, возлюбленный (СВГ, 1990, 60). Не за любóго отдаёт. / Бóгу помолíлися. Мы, товáрочка, с тобóй / Óбе нареvíлися (248; 62, 86, 138, 256, 327, 485).

Лютó, нареч. Очень сильно (СВГ, 1990, 61). Мáменька ругáется – / Лютó платкí марáются. / Она́ не добираётся, / Что мýлый выти-раётся (164; 419; 442).

Лягу́ха, -и. *Лягушка*. Мы с милáшечкой вдвоём / Ходили за сморóдиной. Испугáлись лягу́х – / Лежáли под колóдиной (216).

Мазу́рик, -а. *Обманичик*. Ср. Д, 2, 289: *мазу́рик* – вор. Положу́ я ум на ме́ру, / Поумня́е бу́ду жи́ть. / Я не да́м се́рдечку во́лю / По мазу́рику тужи́ть (339; 555).

Ма́лый, -ая. *Младший* (СВГ, 1990, 70). Попоём, това́рка, пе́сен. / Попоём, уда́лая. / Ты люби́ большо́го бра́та, / А я бу́ду ма́лого (358).

Маши́на, -ы. *Поезд, паровоз; пароход*. На маши́нушку сади́лся – / Он повёсил го́лову: / «Ты вези́ меня́ маши́на / На чужую́ сто́рону» (233, 470).

Маши́нушка, -и. *Ум.-ласк. к маши́на* (272; 233).

Мара́ться, -ются, несов. *Пачкаться, грязниться* (Д, 2, 299). Ма́менька руга́ется – / Люто́ платки́ мара́ются. / Она не добира́ется, / Что ми́лый вытира́ется (164).

Ме́тить (ми́тить), -ят, несов. *Гадать на картах* (СВГ, 1990, 83). Ми́тила да ми́тила, / Да я не бу́ду Ми́тина. / Бу́ду я Але́шина, / Паренька́ хоро́шего (200).

Милáша, -и. *м. и ж. Любимый человек, возлюбленный*. Парохо́д поше́л на ни́з, / Да с парохо́ду кла́нялись. / И милáшины поклóнчики / Менé понравили́сь (304, 313, 457, 458, 584, 585, 603, 622, 629-633).

Милáшечка, -и. *Ум.-ласк. к милáшка*. Мы с милáшечкой вдвоём / Ходили за сморóдиной. / Испугáлись лягу́х – / Лежáли под колóдиной (216).

Милáшка, -и. *м. и ж. Любимый человек*. Мы с милáшкой расстава́лись – / Оба вме́сте пла́кали. / Дорого́му на ко́лени / Мой слёзы ка́пали (217). (218, 219, 220, 314, 315, 341, 343, 392, 400, 413, 488, 496, 564, 623-627).

Ми́лка, -и. *Любимая девушка*. Моя́ ми́лка пла́тье мы́ла. / Я стоя́л да любова́л. / Дорога́я в ре́чку па́ла – / Я поше́л загорева́л (211, 320, 370).

Милёнок, -а. *Любимый человек, возлюбленный*. Ты жени́ся, мой милёнок. / Я тебе́ сове́тую (430; 587, 593).

Милёночек, -чка. *Ум.-ласк. к милёнок*. Серогла́зенький милёночек / Хотёл пообману́ть. / Пообма́нывай друго́ю – / Не меня́, когó-нибудь (398; 204, 403, 445, 465, 497, 501, 502, 550, 578, 583, 628, 634, 635, 640, 669- 670).

Милушка, -и, м. и ж. *Любимый человек, возлюбленный.* Силой милушку женили, / Поневолё дуракá. / Привезли ему́ снаряду / И всего полсундука́ (619).

Мысы, -ов. *Кружева* (СВГ, 1990, 13). Кашемировая юбочка, / Широ́кие мысы. / Посижу́ подо́ле в де́вушках – / Не купят ли часы́ (144).

Навалить, ят, сов., *перех.* *Принудить, заставить взять что-либо; здесь – заставить выйти замуж.* Напойли меня́ пьяную, / Хотели сговорить. / Шадровитого, корявого / Хотели навалить (237).

На всѣх повѣдать. *Рассказать, сообщить всем.* Задущѣвная товарка, / Ты нелáдно сдѣлала. / Я одной тебе́ сказа́ла – / Ты на всѣх повѣдала (112).

Нагонѣть, -ят, сов. *Нагнать.* На́ша ре́чка не Онѣга, / Не наго́нено судо́в. / У мило́го бра́тьев мно́го – / Не настрѣено домо́в (243).

Надарове́, *нареч.* *Напрасно, зря.* Походи́ли но́женьки / По э́той по доро́женьке, / По зелёной по травѣ. / Ходи́ли да надарове́ (367).

Накрасова́ться, -ются, сов. *Нарадоваться* (СРНГ, 19, 347). Милая това́рочка, / В чужо́е де́ло сѹешься. / Отбива́ешь у меня́ – / Ско́ро накра́суешься (179).

Налиту́шка, -и. *Открытый пирог, сверху политый жидкой картофельной, творожной, ягодной или крупяной начинкой* (СВГ, 1990, 48). За́втра пра́здничек Госпо́ден, / Налиту́шек напеку́т. / Не пома́жут, не покажут / И пойсти не даду́т (111).

Наосень, *нареч.* *Осенью.* Полюби́ть-то бы поста́рше – / Годо́в на во́семь-семь. / Полюби́ла одно́годочка – / Забрѣют наосень (614).

Наперѣд, *нареч.* **1.** *На будущее* (СРНГ, 20, 68). Говора́т, что я наде́ялась / На дро́лю наперѣд. / Това́рка, мо́жно ли наде́яться / Весно́й на то́нкий лёд?! (66) **2.** *Прежде кого-либо, сначала, сперва* (СВГ, 1990, 58). Уважа́ть не уважа́ю. / Досажа́ю да и во́т. / Не тако́е моѣ се́рдце, / Чтоб ува́жить наперѣд (448).

Напеча́тать, -ают, сов., *перех.* *Написать, сообщить.* Ср.: СВГ, 1990, 59: *напечатать* – *сообщить, наговорить много чего-либо.* Письмецо́ было напи́сано, / Поло́жено тудá. / А на конве́рте напеча́тано – / Мило́му на судá (308).

Нара́зик, *нареч.* *Ум.-ласк. к нара́з.* *Сразу, одним разом, немедленно.* СВГ, 1990, 64: *нараз, наразу.* Я на́де́ну фа́ртук бе́лый, Завяжу́ концы́ наза́д. / Ла́жу, де́вушка, осме́литься / Нара́зик отказа́ть (513).

Наро́шный, -ого. *Предназначенный исключительно для чего-либо, специальный* (СРНГ, 20, 134). Мýлый письма посылает. / От меня отве́та нёт. / Я сама́-то не сумею – / Писаре́й наро́шных нёт (197).

Насчува́ть, -ают, сов. *перех. Уговорить, склонить к чему-либо, убедить не делать что-либо*. СВГ, 2005, 173: *счува́ть*. Я мо́лоденькая де́вушка / С умо́м не собралась. / Меня́ люди насчува́ли – / Я на то́ положи́лась (511).

Натащи́ть, -ат, безл., сов., *перех. Падая, скопиться (о снеге, пыли)*. Натащи́ло мно́го сне́гу / К огоро́ду, глубоко́. / То́лько с мýлым познако́милась – / Уёхал далеко́ (241).

Натше, *вводное сл. Может быть, наверное*. СРНГ, 20, 302: *на́ште* и *наштё*. Мой милёнок недалёко – / То́лько по́ле пере́йти. / На́тше, сей зимы́ приде́тся / Самохо́дочкой уи́ти (593).

Не в по́ру, *наречн. сочет. Невовремя, несвоевременно*. Полюби́ла-то како́го, / Сама́ знаю – не под ста́ть. / Охвати́лася да не в по́ру – / Тепе́рь уж не отста́ть (350).

Неоце́нёрный, -ая. *Неоценимый, дорогой, редкий*. До чего́ мýлый хоро́ш, / На благо́рдного похо́ж. / Неоце́нёрная краса́, / Люблю́ за серые глаза́ (98).

Некру́т, -а. *Рекрут, новобранец*. Некрута́ по це́ркви хо́дят. / В два ря́да све́чи го́рят. / По несчастны́м по некру́тикам / Судáрушки ревя́т (251; 252, 341).

Некру́тик, -а. *Ум.-ласк. к некру́т*. Две девчо́нки тоскова́ли / Об одно́м некру́тике (76; 251).

Нела́дно, *нар. Нехорошо, неправильно, не так как следует* (СВГ, 1990, 95). Задушёвная това́рка, / Ты нела́дно сде́лала. / Я одно́й тебе́ сказа́ла – / Ты на все́х пове́дала (112).

Нелюбо́й, -ого, *в знач. сущ. Нелюбимый; тот, который не нравится*. Запросва́тали меня́ / Идти́ за нелюбо́го. / Сирото́й оста́вила / На ве́ки доро́гого (119).

Нелюто́, *нареч. Несильно*. Пока́ оспи́цей лежа́л, / Мила́шка за-но́силася. / Ища́дрило нелюто́ – / Уважа́ть хвата́лася (342).

Не под но́гу, *нареч. выраж. Не в такт, не соответствуя ритму пляски*. Все́ игра́ют да не под но́гу, / Не как на́до мене́ (27).

Непочто́, *безл. сказ. Незачем, нет надобности, не нужно* (СВГ, 1990, 101). Вспо́мни, вспо́мни, мýлый мой, / Как сиде́ли мы с тобо́й. / Говори́ли кое-што́, Да расстава́ться непошто́ (43).

Непра́вда-пустя́кй, *образн. Ложные слухи, сплетни.* Вы кати́-тесь, мой слёзы, / По песочку вдоль реки. / Принима́й, моя́ головоуш-ка / Не́правду-пустя́кй (49).

Нера́жий, *-ая. Плохой, недостойный, нехороший* (СВГ, 1990, 103). В по́люшке на камешкё / Со́весть вы́знала в дружкё – / Со́весть-то нера́жая – / Уважа́ть не ла́жу я (25).

Ништо́, *безл., сказ. Безразлично, всё равно* (СВГ, 1990, 109). Нам ништо́ вы́сокий дом / И клеёнкй на стола́х. / Лишь бы дро́ля по ха-ра́ктеру / И ве́рный на слова́х (601).

Но́не, *нареч. В этом году, в настоящее время* (СВГ, 1990, 111). Я пошла́ бы но́не за́муж – / Женихо́в по мы́сли нёт. / Кой не ро́вня, кой заня́т, / Кото́рый на́осень солда́т (540).

Но́нче, *нареч. В этом году, в настоящее время* (СВГ, 1990, 111). Погуля́ла но́нче ле́то, / Походила́ в оди́н до́м. / Не стыди́лася роди́-телей – / Сади́лася рядо́м (317).

Норови́ть, *-влю́, несов., неперех. Угождать.* Ду́мала голо́вушка, / Что не нажи́ть золо́вушки. / Вы́шла за́муж – ста́ло две. / Норови́ть – одно́й мене́ (100).

Носови́к, *-а́. Носовой платок* (СВГ, 1990, 112). Отдала́ колёчко, по́яс. / Ещё́ про́сит носови́к. / Молода́ да добира́юсь – / Видно, хо́чет посиди́ть (300).

Облю́бок, *-бка. О том, кого любили и бросили любить* (СРНГ, 22, 115). Лиходе́чка моя́ / Принаду́ла губки. / Не серди́сь, голу́буш-ка, / Люби́ мой облю́бки (591).

Образова́ться креста́ми. *В свадебных обрядах – получить благословение родителей на брак; устроить помолвку по старым обычаям – с благословением образом, иконой* (СРНГ, 22, 192). Оче-ща́лись с ми́лым мы / Сиде́ть до но́нешней зымы́. / Колёчушкам сме-ня́лися, / Креста́м образова́лися (283).

Обсе́в, *-а. Пропущенное при посеве место на пашне* (СРНГ, 22, 229). Се́ял тяте́нька пше́ницу, / Сде́лал в по́люшке обсе́в. / Никуда́ не отпу́скают, / Ро́вно я бойче́е все́х (401).

Оглаше́ннице, *-а. Ум.-ласк. к оглаше́ние. Оповещение, объяв-ление о дне свадьбы* (СРНГ, 22, 317). Я сидела́ да и ду́мала, / Что бу́дет, ми́лый мой. / А прочита́ла оглаше́ннице – / Е́два пришла́ до-мой (547).

Однáкий, -ая. *Вполне сходный, одинаковый* (СВГ, 1993, 32). Мы с милёночком сидели, / Нас считали – брат с сестрой. / Оба белые на личико, / Однáкие красой (669).

Одолить, -ят, *сов., перех.* *Не дать покою, замучить* (Д, 2, 655). Он пришёл да поздорóвался, / Я рúку подалá. / Меня совёсть одолила – / Квёрху глаз не подняла (295).

Окоротить, -ят, *сов., перех.* *Озадачить в беседе, резко остановить* (Д, 2, 667). Расколóлся сýний кáмень / На чётýре чáсти вдруг. / Не ворóтишь, окорóтишь – / Отдалá кольцо из рúк (387).

Омбóрочка, -и. *Перегородка в избе.* Меня ёдут свáтаться, / Куда менé сопрятаться. / В чулáнчик за омбóрочку / За мáмину квашóночку (168).

Омутить, -ят, *сов., перех.* *Помутить* (Д, 2, 673). Середí дерéвни пруд / Омутили вóду úточки. / Как прёжний дрóля мой / Не принимает шúточки (396).

Осерёдке, *нареч.* *Посредине.* Наше пóле каменíсто, / Осерёдке ёлочка. / Дáли твёрдое задáньице – / Забыть милёночка (602).

Осмеять, -ют, *сов.* *Поднять насмех, выставить смешным, осудить* (Д, 2, 621). Я поставлю свёчку в рёчку / Дорогúю в вóду-то. / Пока самá не осмеюсь – / Не осмеять наро́ду-то (539).

Оспицей лежáть. *Болезнь оспой.* Пока óспицей лежал, / Милáшка заносíлася. / Исшáдрило нелюто – / Уважáть хватíлася (342).

Остальнóй, -áя. *Оставшийся, последний* (СВГ, 1993, 79). У мня кáтаники сёрые / Пристáли – в сáмый рáз. / В остальнúю, мýлка, зýмушку / Пришёл двенáдцать рáз (471).

Осыпáлистой, -ая. *Обрывистый, осытающийся берег, подмытый водой.* Я по бёрегу идú – / Бёрег осыпáлистой. / Задушёвная в любви / Нáдо быть смека́листой (712).

Охватиться, -ятся, *сов.* *Опомниться, спохватиться* (СВГ, 1993, 106). Полюбíла-то какóго, / Самá знáю – не под стáть. / Охвати́лась да не в пóру – / Тепёрь уж не отстáть (350).

Парнёк, -а. *Молодой человек, юноша* (СВГ, 1997, 9). Не скажú, в какóй дерёвенке / Понрáвился парнёк. / Где колóдец под окóшком – / Тúта мýленький живёт (268; 498).

Парня́к, -á. *Молодой человек, юноша* (СВГ, 1997, 10). Плóхо Кáрюшке спускáться / Со крутóй горы в рекú. / Хúдо дéвушке гоня́ться, / Коль не нáдо парнякú (309).

Пеня́ть, -ют, несов. *Клеветать, ложно обвинять* (СВГ, 1997, 25). Моя́ милка в бе́лом пла́тье, / На ру́ках ребёночек. / Где уви́дит, там пеня́ет: / «От тебя́, милёночек» (210).

Перво́, нареч. *Сначала* (СВГ, 1997, 26). Ми́лый ло́шадь запряга́ет, / Разворо́нова ко́ня. / Ты не сва́таться ли е́хать – / Прокати́ перво́ меня́ (193).

Переба́ять, сов., перех. *Исполнить всё, спеть всё*. Все я пе́сни перепе́ла, / Все я переба́яла (39).

Перебо́рочка, -и. Ум. ласк. к **перебо́рка**. *Тонкая внутренняя перегородка в избе*; (СВГ, 1997, 29). Супоста́точка моя́ / Сиди́т у перебо́рочки. / Научу́ – так полети́т / С голо́вы гребёночки (422).

Перево́д, -а. Балка, *служащая опорой пола, потолка или пола-тей* (СВГ, 1997, 32). Разреши́те попляса́ть, / Разреши́те то́пнуть. / Неужели́ от меня́ / Перево́ды ло́пнут? (383)

Переда́ться, -ду́тся, сов. *Перейти к кому-либо, стать кем-либо*. Надо́ела в де́вках во́ля – / Пойду́ в за́муж терпе́ть го́ре. / Переда́мся, ба́бы, к ва́м – / Не с весе́льем – со слеза́м (229).

Переивочка, -и. Ум.-ласк. к **переи́вка**. 1. *Нить, проволока или что-либо др. – то, чем что-либо перевито*. Колёчушко с пови́вочкой, Цепочка с переивочкой. / Оставля́ет доро́гой / Наве́ки сироти́ночкой (151).

Пересиде́ться, -я́тся, сов. *Просидеть очень долго*. Я наси́лу дождала́сь, / Наси́лу нагладе́лася. / Для любо́го парне́ка / Зашла́ – пересиде́лася (520).

Печа́точка, -и. *Кусок туалетного мыла в обёртке* (СВГ, 1997, 54). Я сего́дня умы́валась / Доро́гой печа́точкой. / После ми́лого оста́лася / Молодо́й солда́точкой (545).

Питеря́ночка, -и. Ум.-ласк. к **питеря́нка**. *Жительница Петербу́рга – Питера*. Ты не е́зди, ми́лый, в Пи́тер. / Там чу́жая сторо́на. / Ты полю́бишь питеря́ночку – / Забу́дешь про меня́ (434).

Пови́вочка, -и. Ум.-ласк. к **пови́вка**. *То, чем повивают что-либо* (Д, 3, 143). Колёчушко с пови́вочкой, Цепочка с переивочкой. / Оставля́ет доро́гой / Наве́ки сироти́ночкой (151).

Погово́рочка, -и. Ум.-ласк. к **погово́рка**. *Говор, произношение* (СВГ, 1997, 83). У ми́лого моего́ / Погово́рочка на «о́». / Я за э́ту погово́рочку / Оста́вила его́ (693).

Подно́жье, -ья. Полотенце (или отрезок льняного полотна), подстилаемое в церкви под ноги венчаемых. Ср. СВГ, 1997, 101: *подножник*. Милый в церковь – я за ним, / На подно́жье ста́ну с ним. / Скажу́: «По́п, венча́й со мно́й – / Кля́лся не́бом и землёй» (192).

Позанима́ться, -а́ются, сов. от *занима́ться* – Иметь знакомство, ухаживать за кем-либо (СРНГ, 10, 280). У меня́ ми́лаша ма́ленький, / И я не доросла́. / Хорошо́ позанима́лись / С о́сени до Роже́ства (457).

Пола́ти, -ей. Настил в крестьянской избе от печи до противоположной стороны (Д, 3, 10). Я на пе́чке спала́ – / Ста́ло бо́ку жа́рко. / На пола́ти перешла́ – / Ста́ло дро́лю жа́лко (517; 220).

Поло́житься, -атся., сов. *Согласиться* (СВГ, 1997). Я мо́лоденькая де́вушка / С умо́м не собра́лась. / Меня́ лю́ди насчу́вали – / Я на то́ поло́жилась (511).

Полоро́тый, ая. 1. Рассеянный. 2. Непонятливый, бестолковый, придурковатый (СРНГ, 29, 115). Полюби́ла ми́лого – / Тако́го поло́рого. / Че́го бу́ду говори́ть – / Рот откро́ет да гляди́т (348).

Поло́ска, -и. Ум.-ласк. к *полоса́*. Земельный надел (СВГ, 1997, 142). Уж ты, ми́лая моя́, / Встре́ть во по́люшке меня́. / Встре́ть во по́ле у межи́ / Да все по́люски укажи́ (453).

По мы́сли. О желанном, вызывающем расположение человеке. Ср.: *помысленный*, -ая. 1. Желанный, такой, о котором думают, к которому стремятся. 2. Вызывающий симпатию, расположение (СВГ, 1997, 153). Я пошла́ бы но́не за́муж – / Женихо́в по мы́сли нет. / Кой не ро́вня, кой заня́т, / Которы́й на о́сень солда́т (540).

Понавалива́ть, -ю́т, несов. Сватать, отдавать замуж Ср.: *понавалива́ть за́муж*. Отдавать замуж (СРНГ, 29, 240). -Тя́тенька, отда́й, отда́й. / Сходи́ да понава́ливай. / Себе́ любо́го выбира́й, / Мене́ не выгова́ривай (446).

Понаве́сить, -ят, сов. *перех.* Надеть на голову (о платке). По база́ру я гуля́ла – / Моего́ ми́лого не́т. / Понаве́сила косы́ночку – / Невесе́ло гуле́ть (311; 352).

Посиде́ть, -я́т, сов. *Подружить; вместе, парой, посидеть на беседах; быть женихом и невестой.* Отдала́ коле́чко, по́яс. / Еше́ про́сит носови́к. / Молода́ да добира́юсь – / Ви́дно хо́чет посиде́ть (300). Я поста́вила веде́рko / На то́нюсенький ле́доk. / Подгова́ривал любите́ся – / Посиди́м дава́й годо́к (537).

Почто́, нареч. *Зачем, с какой целью, для чего* (СВГ, 1999, 27). Я молоденькая де́вочка / Почто́ роди́лася! (510).

Приговóрка, -и. *Частушка* (СВГ, 1999, 44). У меня у де́вушки / Да сарафа́н с оборо́кой. / И не я ли, де́вушка, / Пляса́ла с приговóркой (463).

Придосади́ть, *ят.* Немного досадили, огорчили. Чужаки́-то к нам прихóдят, / А своим-то де́ла нёт. / Мы своим придосади́ли, / Чужих в оби́ду не дади́м (494).

Принапо́лнить, *сов., перех.* Переполнить, наполнить свыше меры; заполнить собой (СРНГ, 31, 308). Все я ре́ки и озёра / Принапо́лнила слеза́м (41).

Принево́лить, -ят, *сов.* Заставить, принудить (СРНГ, 1999, 55). Сро́ду во́дки не пива́л – / Мила́шкаrineво́лила. / Во солда́тушки поше́л – / Деся́тку пригото́вила (413).

Приотста́ть, -а́нут, *сов.* Перестать что-либо делать; здесь – перестать ходить на беседу. Не последнее ли ле́то / Гуляю с ва́ми, де́вушки. / Ла́жу, ла́жу приотста́ть / От ва́шей от бесе́душки (261).

Приста́ть, -ну́т, *сов.* Подходить кому-либо; быть по размеру, в пору. Ср. СРНГ, 31, 403. У мян катани́ки се́рые / Приста́ли – в самый ра́з. / В остальну́ю, мила́, зи́мушку / Прише́л двена́дцать ра́з (471).

Провóра, -ы, *м. и ж.* Ловкий, проворный, человек (СРНГ, 32, 101). Маслоде́лочки-провóры, / Все оплю́ханы подо́лы. / Перешью́т-перекро́ят, / Да всех ребя́т переманя́т (165).

Прогроха́ть, -а́ют, *сов.* Громко сы́грать на гармо́ни (СВГ, 1999, 79). По дере́венке пройду́ – / В талья́ночку прогро́хаю. / Моя́ мила́ крепко́ спит – / Я её впло́хаю (320).

Просла́вить, -ят, *сов., перех.* Пустить дурную славу, опозорить слухами. Говорите, что хоте́те – / Этим не просла́вите. / Мо́и се́рые глаза́ / Пла́кать не заста́вите (567).

Пряже́ники, -а. Небольшой пирожок или лепёшка из дрожжевого теста, жаренные в масле на сковороде в печке на углях (СВГ, 1999, 104). Мы с мила́шкой целова́лись / На полáтях у квашни́. / До чего́ дообнима́лись – / все пряже́ники ушли́ (220).

Пря́мо, нареч. *Напротив* (СВГ, 1999, 104). Я к обе́денке ходи́ла, / Богомо́льничала. / Пря́мо ми́лого стоя́ла – / Все́ промóдничала (506).

Пу́сто, нареч. *Зря, напрасно, бесполезно* (СВГ, 1999, 109). Вы зачём же запра́гали, / Пу́сто ко́ней ма́яли (48).

Пу́ся, част. *Пусть*. Я умру́ – не хороните. / Гроб поста́вьте в уголо́к. / Пу́ся ми́ленький попла́чет / У моих хо́лодных но́г (560).

Пятисте́нок, -а. *Большая изба, разделённая на две части капитальной стеной*. Шла я ве́рхом, шла я ни́зом. / У ми́лого дом с карни́зом. / Посмотре́ла на замо́к – / В пятисте́нке огонёк (495, 623).

Разворо́ной, -ого. *Фольк. Экспр. Вороной (о масти лошади)* (СРНГ, 33, 296). Ми́лый ло́шадь запра́гает, / Разворо́нова ко́ня. / Ты не сва́таться ли е́хать – / Прока́ти перво́ меня (193).

Разговори́ть, ят, сов., перех. *Беседой отвлечь кого-либо от тягостных мыслей, успокоить* (СРНГ, 33, 306). Я поду́маю про ми́лого – / Сердечко́ заболит. / Задуще́вная подру́женька / Меня́ разгово́рит (531).

Расположи́ть, -жат, сов. *Решить, намериться*. А я на то́ расположи́ла – / Лу́чше в де́вушках пожи́ть (37).

Растопо́ршиться, -ялся, сов. *Перен. Заважничать, замодничать, загулять*. На бесе́душку пришёл / Ростопо́ршился. / Три копе́йки прогуля́л – / Не помо́ршился (224).

Расхо́дятся дела́. *Плохо идут дела; ничего не получается*. Пойду́ вы́мою ко́сыночку, / Она́ бу́дет бе́ла. / Помоги́, това́рка, го́рюшку – / Расхо́дятся дела́ (333; 408).

Рети́вый, -ая. *Фольк. Пылкий, горячий (о сердце)*. Ты, рети́вое сердечу́шко, / Во мне бо́льно не ной. / Жить без ми́лого приви́кла. / О́чень ве́село одно́й (441).

Рети́вое, суц., ср. *Фольк. Сердце*. Все́ я ду́мала – утёшила / Рети́вое своё (38; 307, 655).

Ры́си́ком, нареч. *Рысью, быстро*. У ми́лого за́втра пра́здник – Ры́си́ком домо́й бежи́т (15).

Рядо́м, нареч. *Рядом* (СВГ, 2002, 80). Погуля́ла нонче ле́то, / Походила́ в о́дин до́м. / Не стыди́лася роди́телей – / Сади́лася рядо́м (317).

Самохо́дкой и самохо́дочкой, нареч. *Самовольно, без разрешения родителей (выходить замуж)* (СВГ, 2002, 91). Ми́ленький не спра́шивай / Про моё про го́рюшко. / Самохо́дкой поведу́т / Через

ваше полюшко (184). Самоходочкой уйдú – / Так маме дела нету. / Не любая гостенька. / Не надо – не приеду (390; 530, 593, 618).

Самоходочка, -и. *Девушка, вышедшая замуж без согласия родителей* (СВГ, 2002, 91). Отворяй мамаша двéри – / Сын с гуляночки идёт. / Отворяй да и пошйре – / Самоходочку ведёт (299).

Сдéлать измéну. *Изменить*. На высóкую на гóру / Выходила, мáялась. / Дроле сдéлала измéну / А тепёрь раскáялась (600).

Сейзимы, нареч. *Нынешней, этой зимой* (СРНГ, 37, 122). Мой милёнок недалёко – / Тóлько пóле перейти. / Натше сейзимы при-дётся / Самоходочкой уйтí (593).

Серебряночка, -и. *Ласк. Гармонь* (СРНГ, 37, 198). Ты тальяночка, серебряночка. / Бёлый мех. / Под орех / У милёночка (445).

Сидéть, -ят, несов. *Дружить; вместе сидеть на беседе; быть женихом и невестой*. Ср. СВГ, 2005, 5: ~ *Сидéть за руко́й*. В свадебном обряде: *быть обручённой в период от помолвки до свадьбы*. С мýлым Бóгом обнеслсь, / А обвенчáться не пришлóсь / Всю мы зимушку сидíли – / К лéту дéло разошлóсь (408; 533).

Скидывáть, -ают, несов., перех. *Снимать (об одежде)* (СВГ, 2005, 19). Некрутá, некрúтики, / Скидывáй тулúпики. / Одевáй шинелюшки. / До свидáнья, дéвушки (252).

Скушливий, -ая. *Скучный*. Ты играй, тальяночка – / Играй по-веселяе. / Времечко скушливое / Катися поскорые (431).

Слáва, -ы. ~ *Слáву нажйть*. *Опозориться, ославиться*. Ср. СВГ, 2005, 42: ~ *слáву принйть*. Из солдáт милáша пйшет: / «Тйше, мйлая, гуляй. / Ты никáк худýе слáвы / На себя не наживáй» (585).

Славиться, -ятся, несов. *Быть известным, восхваляемым* (Д, 4, 215). Как милому не форсить, / Да как ему не славиться – / На дворе корова есть, / Так по ноге достанется (139).

Славнúха, -и. *Девушка, обладающая многочисленными положительными качествами: красивая, богатая, трудолюбивая*. Ср. СВГ, 2005, 43. Вы всё мýмо проезжáете, / Всё в Окóлине гуляете. / Всё славнúх там выручáете (562).

Славúтник, -а. *Человек, обладающий многочисленными положительными качествами* (СВГ, 2005, 44). Сидíte, дéвушки на лáвочке / У нóвых косякóв. / Любите Вáсеньку Иванова – / Не бúдет пустякóв. (Про славúтника) (404).

Сла́вушка, -и. *Дурная слава*. Как на Чу́ровском собо́ре / Золоты́е гла́вушки. / Поживи́ моя́ ми́лая / Хоть годо́к без сла́вушки (140; 267, 474). ~ *сла́вушку пронести́*. *Оговорить, разнести позорные слухи*. Я ходи́ла да смотре́ла / Чтобы́ лес на ниве рос. / Я люби́ть теб́я не бу́ду – / Заце́м сла́вушку пронёс (556).

Слатёна, -ы. *Прозвище женщины*. Слатёна сла́дкая, как ме́д, / На Кваси́онине живёт. / Не прое́хать, не прой́ти, / Чтобы́ к Слатёне не зайти́ (406).

Слюбля́ться, -ются, *несов*. *Поллюбить друг друга взаимно* (Д, 4, 229). Хорошо́ слюбля́ться, / Да ху́до расстава́ться / Со́лнышку с туману́шком, / А де́вушке с Ива́нушком (477).

Сме́ритель, -ят. *Измерить*. Я у ма́моньки одна́ – / Ре́чку сме́рила до дна́. / Никто́ мазу́рика не люби́т. / Я осме́лилась одна́ (555).

Снаря́д, -у. *Одежда, наряд, приданое*. Си́лой ми́лушку жени́ли, / Понево́ле дурака́. / Привезли́ ему́ снаря́ду / И всего́ полсундука́ (619).

Соба́чья ше́рсть. *Бранное выраж*. Мы, солда́тики, не лю́ди. / Нас и де́вушки не любя́т. / Прослужи́ годо́в так ше́сть – / Так назову́т – соба́чья ше́рсть (221).

Сокати́ть, -ят, *сов., перех*. *Вымыть, выполоскать*. Носово́й заволочу́ – / Из веде́рка сокачу́. / Супоста́тка невели́ка – / На бегу́ пере-скочу́ (280).

Сокро́титель, -ят, *сов., перех*. *Укротить, смирить* (Д, 4, 263). Жа́ла рожь зелёную, / Гляде́ла в одну́ сто́рону. / Не сокро́титъ роди́телям / Отча́янную го́лову (105).

Сороко́вочка, -и. *Мера жидкости, связанная со старинным счётом сороками*. Сороко́вочка вина́ / Саха́ром насто́яна. / Все ска́зали про меня́ – / Мило́го не сто́ю я́ (411).

Споза́знобленный, -ая. *Влюблённый, тоскующий по любимому человеку*. Золото́е-то колё́чко / То́лько но́чью не горит. / Споза́зноблено се́рдечко – / Когда́ сплю́, так не бо́лит (122).

Споко́й, -ю. *Покой, отсутствие тревоги* (СВГ, 2005, 100). Но́чки те́мные, осе́нние. / Ча́стые до́жди льют. / Гла́зки се́рые, весе́лые / Споко́ю не даю́т (678; 717).

Споми́лаша, -и, *м. и ж*. *Любимый человек*. Споми́лашу посади́ли / На зелёный парохо́д. / Понево́люшке расста́лись – / Поше́л на по́лный ход (412; 23).

Спомилёнчик, -а. *Любимый человек*. Ой, мѣлый мой / Спомилёнчик мой, / Пожилá бы за тобѣй, / За весёлой головѣй (288).

Судá, -ов. *Судно, пароход* (Д, 4, 354). Письмецѣо бѣло напѣсано, / Поло́жено тудá. / А на конвѣрте напечатано – / Мѣлѣму на судá (308).

Судáрушка, -и. *Девушка, за которой ухаживает парень, невеста* (СВГ, 2005, 152). Не забрѣют, забракѣют – / Сей зимѣ женѣюся я. / Сероглázая судáрушка, / Пойдѣшь ли за меня? (245; 251, 291, 302, 312, 329, 399; 437, 438, 516, 603)

Супостáтка, -и. *Соперница в любовных отношениях* (СВГ, 2005, 158). Супостáтка некрасѣва. / Не красѣвѣе меня. / Тѣлько лѣшняя красá – / Однá рѣсая косá (416; 417-418, 460, 573, 648, 656).

Супостáточка, -и. *Ум.-ласк. к Супостáтка*. Супостáточка мѣя / Высѣко брѣви поднялá. / Она бахвáлит-то лѣтѣ. / Еѣ не лѣбит-то никтѣ (419; 420-423; 8, 467, 561).

Талья́нка, -и. *Гармонь*. На талья́нку на ремѣнь / Да вышивáла цѣлый дѣнь. / Васѣньке Ивáнову / На лѣнточку на áлуу (240; 432, 546, 647).

Талья́ночка, -и. *Ум.-ласк. к талья́нка*. Не мог в талья́ночку сыгратѣ – / Стосковáл по мѣлушке (81; 270, 320, 331, 332, 357, 355, 431, 445)

Товáрка, -и. *Подруга; помощница, участница в делах* (Д., 4, 409). Все я глázки проглázдела, / Егѣ ожидáючи. / Своѣй товáрке надѣла, / Егѣ вспомина́ючи (36; 58, 112, 278, 333, 358).)

Товáрочка, -и. *Ум.-ласк. к товáрка*. *Подружка*. Голубѣе одея́ло / Всю постѣлю голубѣт. / Из-за рѣвности товáрочка / Со мнѣй не говорѣт (69, 85, 95, 113, 179, 248, 409, 442, 485, 572, 578, 579, 596- 599, 664, 694).

Тѣполь, -и, жс. *Растение. Какое ?* Я ходѣла пѣ полю, / Искáла трáвку тѣполю. / Где бы тѣполю набратѣ / Да приворáживать ребѣт (557).

Тужѣть о ком, -ат, несов. *Тосковать, кручиниться, печалиться* (Д, 4, 440). От Черѣповца до Рѣбинска / И глаз не осушил. / По тебѣ, мѣя судáрушка / Всѣ пла́кал да тужѣл (302).

Тя́тя, -и. *Отец, батюшка*. Дорогѣе вы родѣтели, / Повѣрьте по себѣ. / Когдá тя́тя был молѣденькѣй, / Ходѣл, ма́ма, к тебѣ (574; 618).

Тятенька, -и. *Ум.-ласк. к тятя*. Сёял тятенька пшеницу, / Сдѣлал в пѡлюшке обсѣв. / Никуда не отпускают, / Рѡвно я бойчѣе всѣх (401, 446, 447).

Угонить, -нят, *сов. Отправить против воли*. Дай бы, Гѡсподи, забрили, / Угонили на войнѹ. / Я однѡ бы стѡла дѹмать – / Не достѡл-ся никомѹ (75; 437).

Уиваться, -аются, *несов. Укутываться*. Мы с тобѡй, товѡрочка, / Шалѡями уивѡлися. / Тебѣ брат, менѣ – любѡй. / Сестрѡми назывѡ-лися (598).

Ум, -а. *В выраж.:* ~ **взять ум в головѹшку**. *Поумнѣть, осознать что-либо*. Пока нѣ было умѡ, / Любила, миленький, тебѡ. / Как ѹм в головѹшку взяла – / Не нѡдо с тысячѡм тебѡ (340). ~ *с умѡм не собрѡться. Растерѡться*. Я молѡденькая дѣвѹшка / С умѡм не со-брѡлась. / Менѡ лѹди насчувѡли – / Я на тѡ полѡжилась (511). ~ **положить ум на мѣру**. *Поумнѣть, сделаться рассудительным*. Положѹ я ум на мѣру, / Поумнѡе бѹду жить. / Я не дам сердѣчку вѡлю / По мазѹрику тужить (339). ~ **ѹмная головѹшка**. *Умный человек*. Мы с тобѡй, товѡрочка, / ѹмные головѹшки. / Попадай-ко мне во снѡхи, / Я к тебѣ – в золѡвѹшки (599).

Управить, -ят, *сов. В выраж.:* **упрѡвить лѣн**. *Закончить обра-ботку льна*. Не дождѡться ѣтих дѣн, / Когда упрѡвят ѣтот лѣн. / Дѣвки сдѣлают кудѣлю – / На бесѣдѹшку пойдѣм (244).

Ухорѣз, -а. *Лихой, удалой человек, смельчак* (Д, 4, 525). Прѡла лѣн, не волокнѡ, / Нѡги свѣсила в окнѡ. / Ухорѣз поѣхал в лѣс – / По ногѡм полѣном хлѣсь (380).

Хѹдо, *нареч. Плохо, нехорошо*. Хѹдо пѡ лесу ходить, / Хѹдо и по пѡлкам. / Хѹдо ѣтаких любить – / Хвѡстают подѡркам (479).

Цигѡрочка, -и. *Папироса, сигарета*. Закурил милѡй цигѡрочку / И сел возле менѡ. / Уронил на сѣрдце йскру, / И тепѣрь горит онѡ (118).

Чѹварья, -и. *Слово образовалось в результате звуковой игры в частушке-ротовѹшке*. Купил миленький шарѹварѹ – / Не мѡжет и носить. / Купил чѹварѹ с верѣварѹ / Шарѹварѹ возить (154).

Чѹчело, -а. *Игра*. Ср. Д, 4, 616: **чѹчело**, *игра баран*, **чѹчар**, *жмурки*. Веретѣнечко напрѡла / И другѡе началѡ. / Дѣвки мѡтушки сидите. / Я пошла на чучелѡ (12).

Ша́вер, -у. *Собир. Ничтожные, дурные люди.* Ср. Д, 4, 618: *ша́-верень*. Голосок у мня не грóмок, / Два словéчка хороши́: / Мнóго ша́веру гоняется, / Не всякий у ду́ш (67).

Шадрови́тый, -ая. *Рябой, с остинами на лице* (Д, 4, 618). На-пойли меня́ пьяную, / Хотéли сговори́ть. / Шадрови́того, коря́вого / Хотéли навали́ть (237).

Шарья́варья, -и. *Слово образовалось в результате звуковой игры в частушке-ротовушке.* Купи́л ми́ленький шарья́варью -/ Не мо́жет и носи́ть. / Купи́л чу́варью с верёварью / Шарья́варью вози́ть (154).

Ша́ткий, -ая. *Шатающийся, неустойчивый, качающийся* (Д, 4, 624). Пойду́ пляса́ть – / Полови́цы ша́тки. / Ни́чего, что мо́лода́. / Зна́ю все ухва́тки (338).

Ягоди́нка, -и. *Ласковое название любимого человека.* Ягоди́нка, ве́ришь лю́дям. / Почему́ не ве́ришь мне́? / Неужéли я така́я – / Семь да во́семь на уме́ (696).

Ягоди́ночка, -и. *Ум.-ласк. к ягоди́нка.* Же́нится-венча́ется / Мо́й-то ягоди́ночка. / Все́ равно́ не расцветёт – / Завя́нет, как трави́ночка (107; 391, 554, 697-703, 708, 711, 713, 716, 718).

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ДЕРЕВНИ КВАСЮНИНО

Местные слова и выражения записаны в период с 1961 по 2010 год от жительниц деревни Квасюнино: Калачёвой Надежды Феофановны (1987-1963), Вальковой Ульяны Ивановны (1883-1971), Тихомировой Раисы Ивановны (1916-1994), Калачёвой Елены Степановны (1922-1997), Калачёвой Галины Евстафьевны (1925-2001), Смирновой Веры Сергеевны (1928-1997), Тихомировой Тамары Ростиславовны (1941).

Говор этой деревни совмещает черты Вологодских и Белозерско-Бежецких говоров северного наречия. При характеристике слов использовались данные «Словаря вологодских говоров» в 12-ти выпусках (Под редакцией Т.Г. Паникаровской и Л.Ю. Зориной. Вологда, 1983-2007) и «Словаря русских народных говоров» в 40-а выпусках (Под редакцией Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова). Часть слов и значений слов из квасюнинского словаря в указанных словарях не отмечена.

Б

Блездінка, и, ж. *Очень малый кусочек. Са́хару-то после войны и не ви́дывали.* Дедко наколет блездінками и раздаёт всем по блездінке.

Боба, ы, ж. *Крестная мать.* Я летом к бобе Наде ездила в гости. Вот, от бобы письмо пришло.

Болóбан, а, м. *Великовозрастный лентяй, бездельник.* Им уж по восемна́дцать годóв, а онí, болóбаны, бе́гают без де́ла по дере́вне.

Бу́здать, аю, ают, несов., перех. *Есть жидкую пищу.* А я хлёба-то в молоко́ накрошу́ да и бу́здаю.

Бу́рòвить, влю, вят, несов., перех. *Говорить лишнее, пустое.* Че́го ты там бу́рòвишь! Молчи́!

Бу́хало, а, м. и ж. *Человек, который громко и не к месту гово-рит, раскрывая чужие тайны.* Ну, Ма́рья, ты и бу́хало. Ве́чно меня́ опозóришь.

Бу́хать, аю, ают, несов., неперех. *Громко, надсадно кашлять.* Де́дко всю но́чь бу́хал, спа́ть не дава́л.

Бухтѣть, 1 лицо не употребляется, ят, несов. неперех. Неодобр. *Ворчать, высказывать недовольство. Хвѣтит бухтѣть, помолчѣй.*

Бякнутьсѧ, усь, утсѧ, сов. *Неожиданно упасть с размаху. Ой, Колька, добалуешь, что с печи бякнешьсѧ.*

В

Вавѣла, ы, м. и ж. *Неуклюжий человек, ротозей.* Вот вавѣла-то, опѣть крупѣ просѣпала.

Валить, ю, ят, несов., перех. *Класть.* Вали сюда бельѣ-то.

Варѧкать, аю, ают, несов., перех. *Понимать, разбираться в чём-либо.* Не варѧкает онѧ ничегѧ в нѧшей-то жѣзни.

Варѧкѧсѣть, шу, ят, несов., неперех. *Шалить, баловаться, бедокурить.* Робѧта, хвѣтит варѧкѧсѣть! Жѣво по домѧм. Я тѧ сечѧс как взбутетѣню, дак бѣдѣшь знѧть как варѧкѧсѣть.

Варѧтъ, ѧю, ѧют, несов., перех. *Делать что-либо.* Вот варѧѧю потихѧнюку одеѧло. // *Делать что-либо плохо, некачественно.* Варѧтъ-то он мѧстер.

Варѧтъсѧ, усь ютсѧ, несов. 1. *Долго, с большим трудом что-либо делать.* Весь сентябрь с картѧшкой варѧлись. Мнѧго нарѧслѧ нѧне. 2. *Иметь дело, общѧться вынужденно с кем-либо неприятным.* Скѧлькѧ мне, бѣдной, варѧтъсѧ –то с тобѧй. Ухѧдѣй, пьянчѣга.

Варѧвина, ы, ж. *Дратва.* Рѧньше варѧвиной вѧленки-то подши-вѧли.

Варѧвый, ая, ое. *Проворный, ловкий.* Дѣвка-то у нѧс варѧвая: и в шкѧле хорошѧ успѧвѧет, и дѧма мне во всѣм помогѧет.

Ватлѧтъ, ѧю, ѧют, несов., перех. *Делать что-либо плохо, некачественно.* Она ватлѧет пироги-то, вот онѧ и ватловѧтые у неѣ.

Ватловѧтый, ая, ое. *Непропеченый (о пирогах).* Она ватлѧет пироги-то, вот онѧ и ватловѧтые у неѣ. Сегодня что-то пироги у меня ватловѧтые.

Вдвѣрядку, нареч. *Вдвое, в два слоя.* Вдвѣрядку сложѧ полотѣнце-то. Вдвѣрядку нѣтку-то в игѧлку вдѣнь.

Век: > **Вѣк свой.** *Всегда, постоянно.* Онѧ вѣк свой сѣна своего нахвѧливѧет.

Вековѣчно, нареч. *Всегда, постоянно.* Вековѣчно-то она́ у всѣх попроса́йничает.

Вѣньгать, аю, ают, несов. неперех и **вяньгать**. *Плакать, жаловаться.* Хва́тит вѣньгать-то. С утра́ сего́дня вѣньгает.

Вересну́ть, ёт, сов., неперех., безл. *Грянуть, загреметь.* Избу-то освети́ло да как вересне́т.

Вечѣрять, яю,яют, несов., неперех. *Ужинать.* Садѣсь с на́ми вѣчѣрять.

Вечо́р, нареч. *Вчера, вчера вечером.* Вечо́р к нам сусѣд прихо́дил.

Взбутетѣнить, ню, нят, сов. перех. *Наказать, побить, выпороть.* Я тя́ сеча́с как взбутетѣню, дак бу́дешь знать как варако́ситъ

Вѣрзать, аю, ают, несов., перех. *Делать что-либо своими руками, рукодельничать.* Сидѣт у окна́ дня́ми да что́-то вѣрзаёт всё.

Виски́, мн., ѓв. *Старая изношенная одежда.* На́, постира́й мой виски́. Шексн. Квас.Хоро́шого-то нѣт, а виско́в полно́ у меня́.

Вѣйца, ы, ж. *Гибкий прут, ветка.* Возьми́ вѣйцу да пригони́ коро́ву-то.

Вкруте, нареч. *Сразу, быстро, немедленно.* Вкру́те-то ниче́го не де́лай, поду́май сперва́. ◊ **Вкруте Бога не умолишь.** *Ничего нельзя делать впопыхах, надо помедлить.* Нѣт, де́вка, терпи́. Вкру́те Бо́га не умо́лишь.

Вкругову́ю, нареч. *Совсем, полностью.* Он вкругову́ю завра́лся. Кла́ва вкруговую разо́рилась.

Влю́бе, нареч. *С охотой, с удовольствием.* Сѣдни́ сѣчеников влю́бе поѣла.

Води́ться, жусь, дятся, несов., неперех. *Нянчиться.* С двумя́ вну́ками отводи́лась, топе́рь с тре́тьим вожу́сь.

Водопо́лица, ы, ж. *Половодье.* В са́мую-то водопо́лицу и угора́здило домо́й из го́рода возвра́щаются.

Во́жкаться, аюсь, аются, несов. *Излишне медленно делать что-либо.* Хва́тит во́жкаться-то, пошлѣ дава́й.

Вожова́тый, ая, ое. *Вежливый, ласковый, приветливый.* Мужѣк-от у меня́ вожова́тый, до́брый был. Не за то́ его́ люби́ла, / Что он ло́вок да бога́т. / А за то́ его́ люби́ла, / Что краси́в да вожова́т.

Войти́: **войти́ в годá.** *Стать совершеннолетним.* Я ещё́ и в годá не вошла́, а уже́ в колхо́зе рабо́тала.

Волну́ха, и, ж. *Гриб. Lactarius torminosus; волнушка.* Вчера́сь по́лную корзи́ну волну́х набра́ла.

Вороті́ть, чу, ят, несов., 1. неперех. *Выполнять какую-либо тяжёлую работу.* Верка-то всю жись в колхозе воротила, дак устосалась вкруговую. Вчера́сь по́лную корзи́ну волну́х набра́ла. 2. Неодобр. перех. *Болтать, говорить вздор.* Не вороті чепухи́-то, порá и за ўм бра́ться.

Всхоха́тывать, аю, ают, несов., неперех. *Похохатывать.* За сто́лом всхоха́тывать нам не дава́ли. Как учнём всхоха́тывать, дак ба́ть-ко живо́ по́ лбу ло́жкой да́ст.

Вта́поры и **Вту́пор**. нареч. *Тогда, в ту пору.* Вта́поры я в ня́ньках жи́ла. Вту́пор и он прие́хал к на́м.

Ву́тре, нареч. *Завтра утром.* Ву́тре пиро́гов напеку́.

Вчера́сь, нареч. *Вчера.* Вчера́сь отво́док забы́ли закры́ть, дак чу́жие ко́зы и забежа́ли во дво́р. Вчера́сь по́лную корзи́ну волну́х набра́ла. Вчера́сь коро́ва ма́ло моло́ка́ да́ла.

Вы́быть, вы́буду, вы́будут, сов., неперех. *Пробыть, провести какое-то время где-либо.* В больни́це чу́ть не ме́сяц вы́была.

Выво́дитъ, жу, дят., сов, перех. *Воспитать, вынянчить.* Она́ пяте́рых ро́бят вы́водила.

Выги́бистый, ая, ое. *Выгнутый, изогнутый.* У не́й фи́гура-то выги́бистая.

Вы́города,ы, ж. *Огороженный участок леса и поля для пастьбы скота.* — Где грибо́в-то набра́ла. — А в ква́си́нинской вы́городе.

Вы́гостить, шу, стят, сов., неперех. *Прогостить.* Ну́-ко ве́дь три́ дні́ вы́гости́ла у ни́х.

Вы́знять, аю, ют, сов., перех. *Узнать, получить истинное представление.* Пришла́ опе́ть и всё у на́с вы́зна́ла.

Выйти > **Выйти из годо́в**. *Состариться.* Бра́т-от не рабо́тает: из годо́в вы́шел уже.

Вы́кастить, шу, стят. *Обругать очень сильно, унизить.* Ка́к то́лько она́ ме́ня и не вы́касти́ла.

Вы́марать, аю, ают, сов., перех. *Испачкать.* Все́ пла́тьё вы́мара-ла, сти́ра́ть на́до.

Вы́патра́ться, аюсь, аются, сов. *Испачкаться.* На землё́ валя́лся он, ве́сь вы́патра́лся.

Выпехать, аю, ают, сов., перех. *Вытолкнуть, выгнать от куда-нибудь*. Выпехай его из избы-то, да и всё.

Выпехнуть, ну, нут, сов. перех. *Вытолкнуть, выгнать от куда-нибудь*. Выпехни-ка кота на волю.

Выпороток, тка, м. Неодобр. *Проказник, шалун (о ребёнке)*. Убери своего выпоротка от меня.

Выпотеть, ею, еют, сов. неперех. *Вспотеть сильно*. Ой жарко, вся выпотела.

Выпяливаться, аюсь, аются, несов. *Высовываться*. В фортку-то не выпяливайся.

Выпялить, ю, ят. 1. *Выпучить, вытаращить (глаза)*. Что глаза-то выпялила, не стой здесь. 2. *Выставить вперёд*. Не выпяливай живот-то, ходи ровно.

Выпялиться, юсь, ятсЯ, сов. *Высунуться*. Робёнок-то выпялился в окно да и упал.

Вырачить: ♦ **Вырачить глаза**. *Выпучить, вытаращить глаза*. А он глаза-то вырачил и заорал на меня.

Высадить, жу, ят, сов., перех. 1. *Вынуть что-либо из чего-либо*. Высади из печи кашу-то. 2. *Выбить что-либо из чего либо сильным ударом*. Зимогоры окно высадили. Бродяги-то высалили дверь да и зашли в избу.

Высосить, шу, сят, сов. перех. *Выкормить грудным молоком*. Дочка высосила робёнка-то до трёх лет.

Выскыркать, аю, ают, сов., перех. *Выскоблить*. Все сковородки вчера выскыркала, топёрь чистые.

Выстануть, ну, нут, сов. неперех. *Встать очень рано утром*. Бывало выстанем, так ещё солнышко не взойдёт. Робёнок выстанет, так не поспишь.

Выстегать, аю, ают, сов. перех. *Выбить*. Будешь лаяться, все окошки у тебя выстегаяю.

Выстегнуть, ну, нут, сов., перех. *Выбить*. Опеть напился, как бы у соседей окна не выстегнул.

Выстрекнуть, у, ут, сов. перех. *Выколоть, или другим способом повредить глаз*. Рогатками стекали друг в друга, вот ему глаз и выстрекнули.

Высуслить, ю,ят, сов. перех. *Выпить*. Всё вино высуслили за вечер.

Вы́тямжить, жу, жат, сов. перех. *Выпросить что-либо, настойчиво повторяя просьбу.* Послед́ние де́ньги вы́тямжил па́рень.

Вы́трать, вытру, вытрут, сов. перех. *Вытереть.* Вы́трала я посу́ду-то и на ме́сто поста́вила.

Вы́ханжить, у, ат, сов., перех. *Выпросить, настойчиво повторяя просьбу.* Вы́ханжила у меня́ ста́рый-то самова́р. А ве́дь хоро́ший ещё́ был.

Вы́хлебать, аю, ают, сов. перех. *Хлебая, съесть что-нибудь жидкое до конца.* Го́стья всю́ тюрю́ вы́хлебала, голо́дная была́ дак.

Вы́хлестать, шу, шут, сов. неперех. *Сильно, быстро вырасти.* Вон Пе́тька у тебя́ как вы́хлестал за э́тот год.

Вы́ходить, жу, дят, сов., перех. *Избить, наказать.* Я тебя́ вы́хожу, мо́три у меня́.

Вы́шаркать, аю, ают, сов., перех. 1. *Хорошо, старательно вытереть.* Но́ги-то вы́шаркай полу́чше, что́бы грёзь в до́м не но́сить. 2. *Тщательно вымыть посуду.* Вы́шаркала кастрю́ли-то и суши́ть поста́вила на со́лнце. 3. *Вымыть некрашеный пол, натирая его голиком и песком.* Перед пра́здником хорошо́ пол вы́шаркала.

Вы́шка, и, ж. *Чердак.* Мы на вы́шке ви́ники козе́ су́шим.

Вы́школить, ю, ят, сов., перех. *Вычистить до блеска.* Сейча́с вы́школю самова́р-от.

Вя́занка, и, ж. *Вязаная шерстяная кофта.* Да́й-ко мне вяза́нку, что́-то хо́лодно ста́ло.

Вя́ленка, и, ж. *Высушенная в печи репа или брюква.* Иди́ ко мне́, вя́ленкой угощу́.

Г

Гавря, и. и гаври́ла, ы, м. и ж. *Растяпа; неумелый, невнимательный человек.* Эх ты, гавря ты гавря! Опеть козу́ не привела. Э́та гаври́ла тебе́ напутаёт всё.

Га́ды, мн. *Мыши, крысы.* К о́сени-то сто́лько га́дов развело́сь, а кот обленя́лся.

Газа́тина, ы, ж. *Отдельный лист газеты.* Да́й-ко мне газе́тину подосла́ть.

Галдаре́я, и, ж. *Крыльцо у магазина с помостом и навесом. Чё это ба́бы у галдаре́и собрали́сь? Хлёб что́ ли привезли́?*

Га́литель, ю,ят, несов., неперех. *Водить, играя в прятки, жмурки. Твоя́ оче́редь га́литель.*

Гармо́нья, и, ж. *Гармонь. У моего́ де́да то́же гармо́нья была́, да тепе́рь слома́лась.*

Гарь, и, ж. *Молодой лес, выросший на месте старого, выгоревшего леса. Пошли́ в гарь ви́ники лома́ть.*

Гвоздьё, я, ср., собир. *Гвозди. Гвоздьё-то чё разбросали́, собери́те.*

Ги́нуть, у, ут, сов., 1. неперех. *Умереть, погибнуть. На войне́ почти́ все на́ши деревенские мужики́ ги́нули. 2. неперех. Исчезну́ть пропа́сть. Все ло́жки куда́-то ги́нули. 3. перех. Потеря́ть. Куда́ ги́нул реме́нь-то? Все но́жницы куда́ -то вы ги́нули.*

Гладно́й, ая, ое. *Одноцветный (о ткани). Она́ гладные́ юбки но́сила.*

Глумно́й, ая, ое. 1. *Смешно, нелепый. Он одни́ глумные́ исто́рии рассказы́вает, а все гра́ют. 2. Недалёкий (о человеке). Де́вка-то бо́льно глумна́я.*

Гля́то, нареч. *Поэ́тому, пото́му. Рассерди́лся на меня́, гля́то не смо́трит да́же в мою́ сто́рону. Грозá собира́ется, гля́то гнетёт меня́.*

Гнести́, тёт, несов., безл. *Находи́ться в тяжёлом, болезненном состоянии́. Грозá собира́ется, гля́то гнетёт меня́.*

Голи́ца, ы, ж. *Рукавица. Голи́цы-то сыма́й, жа́рко.*

Головня́, и́, ж. *Головешка. Ещё́ и головни́-то в пе́чи, ра́но закрыва́ть.*

Головя́шка, и, ж. *Головешка. Не скрыва́й, ещё́ говя́шек полно́ в пе́чи.*

Гологоло́вый, ая, ое. *Без головного убора, без платка, с непокрытой головой. В ле́с-то, де́вки, гологоло́выми не ходи́те.*

Голодова́ть, дую́, дую́т, несов., неперех. *Голода́ть. Всё у меня́ на уме́: голоду́ет, поди́, до́чка в городу́-то.*

Голью́, нареч. *Без хлеба. Шти́-то не е́шь го́лью, не нае́шься ве́дь.*

Гони́ть, ю́, ят, несов., перех. ♦ **Го́нки гони́ть. Спла́влять лес. Ра́ньше по Шексне́ гони́ли го́нки, а на го́нках сплавщи́ки у ко́стра́ сиде́ли.**

Гоні́ться, юсь., ятся, несов. *Стараться*. Она́ за учёбой не гонілась, мно́го пропу́скала уро́ков-то.

Гонорі́стый, ая, ое. *Заносчивый, неприветливый*. Ю́лька-то у тебя́ бо́льно гонорі́стая, срóду со мной не погово́рит.

Гоноши́ть, у́, а́т., несов., перех. *Хлопотать, заниматься каким-либо хозяйственным делом*. Ма́рья-то с у́тра что-то гоноши́т в чула́не.

Го́пник, а, м. *Неопрятный, неряшливый человек*. Э́такого го́пника и в до́м неохо́та пу́ска́ть.

Го́ра́здый, ая, ое. 1. *Способный, умелый, искусный в чём-либо*. Она́ го́ра́зда полови́ки тка́ть, и э́ти о́на сотка́ла. 2. *Охочий до чего-либо, очень любящий что-либо*. Я всю́ жи́знь до грибо́в го́ра́здая бы́ла: и соле́ные и варе́ные и́ли.

Го́ресть, и, ж. 1. *Горький вкус чего-либо*. Кака́я-то го́ресть в ро́те от льняно́го ма́сла. 2. *Несчастье, горе*. Го́рести-то в жи́зни мно́го бы́ло, и всё-то пере́жить пришло́сь.

Горлови́на, ы, ж. *Воротник*. Горлови́ну-то пере́шей, ху́до бо́льно си́дѣт.

1. **Горо́дить**, жу́, дят, несов., перех. *Окружать изгородью, огораживать*. Мужики́-то на огоро́де новую́ горо́дьбу́ горо́дят.

2. **Горо́дить**, жу́, дят., несов., перех. *Говорить неправду, ошибаться*. Что ты горо́дишь, Улья́на, это ве́дь ещё до вой́ны бы́ло-то.

Горо́довой, ая, ое. *Городской*. Горо́довых сно́ва приго́нят карто́шку-то убира́ть.

Госи́ться, щу́сь, я́тся, несов. 1. *Быть в гостях*. В про́шлом го́де о́ни у на́с гости́лись. 2. *Ходить, ездить друг к другу в гости, поддерживать дружеские отношения*. По́мню, Крыло́вы-то с Бу́ториными гости́лись все́гда.

Гра́мота, ы, ж. 1. *Бумага для письма, записи*. Да́й-ка им гра́моту, пусть запи́шут. // *Всякая исписанная бумага*. Ты мне гра́моту не дава́й, в класса́х я не учи́лась ве́дь. 2. *Официальная бумага, документ*. Как гра́моту-то э́ту похоро́нную получи́ла, так она́ и зане́могла́.

Гра́ять, ю, ют, несов., неперех. 1. *Смеяться*. Де́вки-то э́ти пу́сты́е: то́лько гра́ют все́. 2. *Насмехаться*. Чо гра́етё́ на́до мной, са́ми ста́рыми бу́детё́.

Грех, а, м. 1. *Бедá, несчастье.* Вот грех у них и случился, бедá да и тóлько. 2. *Ссора, раздор.* Постоянно грех с ними был, не слýшались никогó

Грешить, у́, áт, несов., неперех. *Ссориться, браниться.* Вот и грешу́ с ним, пьёт ведь уже недéлю.

Грóбить, блю, бят, несов., перех. *Губить.* Грóбила здорóвье в лйсе, на лесозáготовках, вот топёрь все сустáвы и боля́т.

Гру́зно, безл. В знач. сказ. *Тяжело.* Бо́льно мно́го в корзину-то положи́ла, нести́ гру́зно.

Грядка, и, ж. *Шест, палка для одежды, белья, подвешенная к потолку около печи.* С грядки сорвала́ плато́к и убежа́ла.

Гу́зало, а, ср. Неодобр. *Человек, который не держит своего слова.* Эх, гу́зало, стру́сил и опéть ничегó не принёс мне.

Гуля́ть, ю, ют, несов., неперех. *Проводить время, беседуя.* Ко мне ба́бы гуле́ть приходя́т вечера́ми-то.

Гуменник, а, м. *Сарай, в котором молотят хлеб.* А наш гуме́нник до́лго ещё стоя́л, пока́ не разобрáли его́.

Гумно́, á, ср. *Сарай, в котором молотят хлеб.* За гумно́м-то осинник уже́ начина́лся.

Д

Да, частица. *Употребляется в конце предложения и имеет заключительно-закрепительное значение.* Хлеб испекла́ да. По во́ду сходи́ла да.

Да́ве, нареч. *Недавно.* Да́ве щи свари́ла, дак ёшь. Даве Зоя приходи́ла.

Да́веча, нареч. *Недавно.* Да́веча приходи́л бригади́р-то.

Да́вешний, яя, се. *Приготовленный недавно, некоторое время тому назад.* Ка́ша-то да́вешняя, поёшь да молоко́м запей.

1. **Дак** союз. 1. Союз *так, то.* Как вернётся с покóса, дак покорми́ его полúчнее. 2. Союз следствия. *Так что.* Я в школе-то не училась, дак негра́мотная. 3. Союз противительный. *Но, однако.* Проси́ла ведро́ водо́й принести́, дак не пошёл зимогóр.

2. **Дак**, част. 1. *Усилительная частица.* Дак иди́ сюда́, не бо́йся! Дак скажи́ ей об этом. 2. *Употребляется в вопросительном предло-*

жении со значением «следовательно», «значит». Дак за́втрава-то не придёте? 3. Ставится в конце предложения и имеет заключительный или причинный оттенок значению. Она́ не пришл́а дак.

Да́ко, част. Употребляется при глаголе 1 лица будущего времени, обозначает решение сделать что-либо. Да́ко я тебе́ дам молочка́, пей.

Далина́, ы, ж. Отдалённое место, даль. Така́я далина́ за водо́й-то ходи́ть.

Двери́на, ы, ж. Дверь. Двери́ну прикро́й за собо́й, полоро́тая!

Дви́рядный, ая, ое. Состоящий из двух нитей. Вставле́й в иго́лку-то дви́рядную ни́тку, кре́пче шов бу́дёт.

Де́коваться, куюсь, куются, несов. *Издеваться, глумиться*. Хва́тит над па́рнем де́коваться!

Де́льно, нареч. *Искусно, имело*. Де́льно дед ва́ленки-то подши́л.

Де́льный, ая, ое. *Искусный, умелый*. Зять – ди́льной, рабо́тяш-шой – всё в до́ме хорошо́ нала́дил.

Делья́, безл. в знач. сказ. *Хорошо, легко*. Делья́ тебе́ дом но́вый стро́ить: и матерья́лы и де́ньги есть.

Дербала́знуть, ну, нут, сов. перех. Экспр. *Выпить*. А он дерба́лзнул стака́н и уше́л.

Дереви́на, ы, ж. 1. *Дерево*. А она́ ухвати́лась за дереви́ну и не идёт. 2. *Бревно, жердь*. Кто на доро́гу дереви́ну-то положи́л?

Держа́ть, у, ат, несов., перех. *Расходовать, тратить (деньги, продукты)*. Да она де́ньги не уме́ет держа́ть, поэ́тому и ходи́т за-нима́ет.

Де́ткаться, аюсь, аются, несов. 1. *Нянчиться*. У одной до́чери с робя́тами ско́лько де́ткалась, а топе́рь и у второ́й де́ткаюсь. 2. Неодобр. *Уделять кому-либо много времени, возиться*. Да что Вы с ним де́ткае́тесь-то так, в у́гол поста́вьте да и всё.

Де́яться, деется, несов. 1. *Делаться, происходить*. Что в огоро́де-то де́ется, всё заросло́. 2. *Собираться, сходиться в одном месте*. Што наро́ду-то де́ется на я́рмарке!

Дивова́ться, вуюсь, вуются, несов. 1. *Удивляться*. Диву́юсь я на них, отку́да что и взяло́сь. 2. *Любоваться*. Диву́юсь я на тво́й утира́льники, баски́е.

Дивья́, нареч. *Хорошо, легко, просто*. Дивья́ вам на коро́ву-то на́коси́ть, сенокосни́ков по́лная изб́а.

Добира́ться, аюсь, аются, несов. *Догадываться*. Я добира́юсь, кто её жених-то.

Добро́, нареч. 1. *Хорошо*. Добро́ я чаю напилась. 2. *Очень сильно*. Вчера́ его́ добро́ напazгали.

Довести́, ду́, дут, сов., перех. 1. *Испортить, сделать плохим, привести в негодность*. Не доведи́ мячик-то, играй коло́ избы́. 2. *Сделать больным*. Довела́ я ру́ки-то на фёрме, руками́ ведь ра́ньше доили, а коро́в мно́го было́. 3. *Поранить*. Не бери́ топо́р, доведёшь себя́, он ведь тяжёлой.

Довести́сь, ду́сь, дутся, сов. 1. *Испортиться, стать плохим, негодным*. Щи довели́сь, жа́рко было́ дак, вылива́й. 2. *Довести себя до болезни*. Довела́сь я в мо́лодости, топе́рь боле́ю.

Догáнивать, аю, ают, несов., перех. *Догонять*. Догáнивали до́лго их, так и не догна́ли.

Догля́д, а, м. *Наблюдение, присмотр*. За больно́й-то топе́рь догля́д хоро́шой ну́жон.

Догляде́ть, жу́, дят, сов., перех. *Увидеть, высмотреть*. Никуды́-то от неё не де́нешься, всё-то она́ догляди́т.

До́дни, нареч. *Очень рано, до того, как рассветёт*. До́дни вста́ли да ушли́ на сенокóс

Додо́нить, ню, нят, несов., перех. 1. *Кормить сытно*. Додо́нили коро́ву, теле́нка, всё было́ в хозяйстве. 2. *Сосать грудь*. Он меня́ додо́нил до трёх лет.

Дождяно́й, ая, ое. *Несущий дождь*. Вон с за́пада идёт ту́ча дождяна́я.

Дождя́ть, даят, несов., неперех.. безл. *Начинаться дождем*. Дожджа́ет, на́до бельё снять с верёвки.

Дозела́, нареч. *Много, в большом количестве*. Да дозела́ э́того-то добра́- то у́ нас.

Дока́. 1. нареч. *Пока*. Положи́ дока́ на стол. 2. *До каких пор*. Дока́ ты бу́дешь спать, встава́й. 3. союз. *Пока*. Не уйду, дока́ ты мне всё не расска́жешь.

Долбле́нка, и, ж. *Лодка, выдолбленная из цельного бревна*. Стафий долбле́нки де́лал зима́ми.

Долго́й, ая, ое. *Высокого роста*. Па́рень-то долго́й стал, а до́лго не рос.

Долина́, ы, ж. *Длина*. Отмёрь долину́ юбки, да режь матёрию.

Долóнишный, ая, ое. *Имевший место в позапрошлом году*. Долóнишный-то сенокóс доб был. Тепло́ и дожжа́ нё было.

Дольно́й, ая, ое. *Продольный, проходящий по направлению длины*. Шей юбку дольну́ю, а не поперёчну́ю, так лучше бу́дёт.

Домека́ть, аю, ают, несов., перех. *Догадываться, смекать, понимать*. Домека́ю, де́вка, о чём ты ба́ешь.

Домекну́ть, ну́, ну́т, сов., сов. *Догадаться, смекнуть, понять*. А он и не домекну́л, где мы бы́ли.

До́мик, а, м. *Пчелиный улей*. Он богáтой, у него мно́го до́миков в саду́.

Доможи́рить, ю,ят, несов., неперех. *Вести хозяйство в отсутствие хозяев*. Я у сосёдки вчера́ доможи́рила.

Доможи́рка, и, ж. *Женищина, ведающая домашним хозяйством в отсутствие хозяев*. Я у Аню́ты всегдá доможи́ркой оставáлась ког-да она́ в го́род ёздила.

Допазга́ть, аю, ают, сов., перех. *Доделать до конца (о том, что делается с силой, с особой интенсивностью)*. Допазга́ть бы боро-во́к, да и отдохну́ть ма́лость.

Допере́ть, прú, прúт, сов., неперех. *Догадаться*. Что ты допере́ть-то не мо́жешь! Ведь э́то Васи́лей.

Допе́таться, аюсь, аются. *В процессе тяжёлой работы дойти до крайнего утомления, изнеможения*. До че́го допе́талась с мешка́ми, ёле жива́.

Дорожи́зь, и, ж. *Дороговизна*. Но́не така́я дорожи́зь в мага́зине-то покупа́ть.

Доступи́ться, плю́сь, пята́сь, сов. *Подступиться, приблизиться к кому- чему-либо*. Я доступи́ться не могу́ до него́, всё гдé-то но́сит его́.

Досю́дова, нареч. *До этого места*. Отмёрь досю́дова и копа́й.

Дотвори́ть, ю, ят, сов., перех. *Докрыть*. Дотвори́ засло́нку-то, порá уже́.

Доткну́ться, ну́сь, ну́тся, сов. *Обратиться к кому-либо с просьбой о помощи*. Ещé приде́тся ему́ доткну́ться до ба́тьки.

Дото́ркаться, аюсь, аются, сов. *Стуча, добиться того, чтобы быть услышанным, достучаться*. Ёле дото́ркалась, спи́те что́ ли.

Дотыкаться, аюсь, аются, несов. *Обращаться к кому-либо с просьбой о помощи.* Раньше-то дотыкалась не раз до меня.

Дохать, аю, ают, несов., неперех. *Сильно кашлять.* Простыла она, дак топерь дохаёт.

Дошоркать, аю, ают, сов., перех. *Натирая, довести действие до конца.* Половицы-те широкіе были, до чего дошоркаешь, что блещят потом.

Дратвина, ы, ж. *Дратва.* Вот дратвину-то сделаю и подошью ва́ленки.

Дробануть, ну, ут, сов., неперех. *Отбить дробь в пляске.* Она вышла в круг да и дробанула.

Дробина, ы, ж. и м. Неодобрит. 1. *Высокий человек.* Ну и дробина вы́рос, да жидкой-то. 2. *Неповоротливый, неумелый человек.* Да эта дробина тебе так надёласт, что заплачешь.

Дробить, блю, бят, несов., неперех. *Отбивать дробь в пляске.* Она и дробить-то не умела, а плясать любила.

Дробызнуть, ну, нут, сов. перех. Экспр. *Выпить (вина, водки).* Дробызнул два стака́на бра́ги, дак и захмелёл.

Дровина, ы, ж. *Полено.* Дровины-то больно долги́е, в печь еле входят.

Дровяник, а, м. *Сарай, где хранятся дрова.* У неё в дровяникé дров не на оди́н год, поди́, припасено́.

Дро́ля, и, м. и ж. *Влюблённый в кого-либо человек, поклонник (поклонница).* У неё дро́ля из друго́й дере́вни.

Дрыгать, аю, ают, несов., неперех. *Дрожать.* Чего́ на дворе́ по́лая дрыгаешь, иди́ в избу-то.

Дрын, а, м. *Длинная заострённая палка, кол.* Смотри дры́ном-то тебя́ отхожу́, будешь знать.

Дубец, бца, м. *Прут, хворостина.* Возьми́ дубец да пригони́ ове́ц.

Дудка, и, ж. *Растение семейства зонтичных.* Вся уса́дьба дудка́ми заросла́.

Дулить, ю, ят, несов., перех. *Сосать грудь.* Ду́лит ча́сто, и но́чью ду́лит.

Дуля, и, ж. *Женская грудь.* Хва́тит ду́лю проси́ть, уже больша́я, и так сколь до́лго ду́лишь.

Дуреть, рю, рят, несов., неперех. 1. *Кричать, плакать от страданий, переживаний.* Не дури́, наза́д не воро́тишь. 2. *Ругаться, скандалить.* Как напьётся, так и дури́т.

Дури́ть, рю, рят, несов., неперех. 1. *Громко кричать.* Не дури́, хва́тит. На у́лице слыха́ть. 2. *Сходить с ума.* Мужик-от опеть дури́т, опеть в больницу заберу́т.

Дуроло́м, а, м. *Глупый, человек, дурак.* Бо́льше э́того дуроло́ма во двор не пуска́йтё, а то опеть наваракóсит чегó.

Дуть, ую, уют, несов., перех. *Зажигать.* Дул спíчки в темнотé.

Душина́, ы, ж. *Сильный неприятный запах.* Отку́да-то душина́ пошла́.

Душно́й, ая, ое. *Сильно пахнувший, с резким запахом.* До чегó э́та трава́ душна́я, угорéть мо́жно. // *Пахнувший духами, надушенный.* Душна́я опеть, где деколо́н взяла́?

Дыба́ть, аю, ают, несов., неперех. 1. *Шагать нетвёрдо, неуверенно (о ребёнке, начинающем ходить).* Дыбай, дыбай сюда́. 2. *Идти, хромая.* Вон бригади́р дыбает сюда́.

Дырова́тый, ая, ое. *Дырявый; изношенный.* Пла́тье-то уже дырова́тое, а всё его до́ма ношу́.

Е

Ево́нный, ая, ое, мест. *Ему принадлежащий.* Ево́нный дом на той сторонé.

Еди́нова, нареч. *Один раз.* Я то́лько еди́нова за водо́й-то сходи́ла.

Ежеде́н, нареч. *Ежедневно, каждый день.* Ежеде́н к нам за мо́локом бе́гала она́.

Еро́ховатый, ая, ое. *Негладкий, шероховатый.* Ру́ки-те топе́рь ста́ли какие-то еро́ховатые.

Е́тта, нареч. *Недавно.* Е́тта письмо́ от Ко́льки получи́ла.

Ж

Жа́литься, люсь, лятся, несов. *Высказывать жалобы, неудовольствие, жаловаться.* Напазга́ла, так к ма́тке жа́литься побежа́л.

Жальчывый, ая, ое. *Отзывчивый, сострадательный, жалостливый*. К старости-то такая жальчивая стала: всех жалко.

Жамкать, аю, ают, несов., перех. *Плохо, небрежно, на скорую руку стирать*. Застирала всё бельё: жамкает, а не стирает по-людски, торопится вечно.

Жарёнина, ы, ж. *Количество рыбы, грибов, нужное для приготовления одного жареного кушанья*. Грибов насбира́ла в вы́городе ма́ло – то́лько на две жарёнины хва́тит.

Жа́рнуть, ну, нут, сов., перех. Экспр. *Ударить, стукнуть*. Сду́рёл да и жа́рнул тарёлку о́б пол.

Жда́нки: ♦ **Жда́нки вышли**. *Перестать ожидать*. Жда́ла сы́на три го́да. Жда́ла долго, да все жда́нки вы́шли.

Жевани́на, ы, ж. *Пища для грудных детей, приготовленная из жёваного хлеба и завернутая в тряпочку*. Робя́т ма́лых жовани́ной корми́ли ра́ньше-то.

Жени́ваться, несов. *Жениться*. Я па́рень холосто́й, ни ра́зика не жени́вался.

Же́рдка, и, ж. *Шест, палка для одежды, белья, подвешенная на верёвках к потолку около печи*. Пови́сь плато́к-то на же́рдку.

Же́рнов, а, м. *Каменный круг для растирания зёрен, вращаемый вручную*. В со́рок семо́м-то го́лодно бы́ло, дед запáс зерна́ и сам мо́лол на же́рнове.

Жи́дель, и, ж. *Имеющий недостаточную густоту или крепость*. Щёй наварила – такая жи́дель и йсь не охота́. Чай-то – жи́дель, не бу́ду пи́ть.

Жиду́ля, и, м. и ж. *Тонкий человек высокого роста*. Его́ ба́бушка жиду́лей зва́ла, тако́й тоще́й был.

Живёт, част. *Пусть, хватит*. Да живёт, не на́до окно́ мыть. – На́лить ещё́ горя́чей воды? – Живёт.

Жи́тья, сказ. в безл. предл. *Хорошо*. Жи́тья тебе́, как коро́ва е́сть, а мне и молочка́ не попи́ть.

Жни́ва, ы, ж. *Поле, где сжат хлеб*. По жни́ве-то болько́ босо́й иди́ти.

Жо́рнуть, ну, нут, сов., неперех. *Ударит, стукнуть*. Жо́рнул по стеклу́-то и вы́бил.

Жу́бреть, ею, еют, несов., перех. *Жевать, есть*. Я сухари́ жу́брею да водо́й за́пиваю.

Жужелица, ы, ж. *Насекомое*. Вон жужелица ползёт по рукé.
Жунуть, ну, нут, сов., неперех. *Сильно обругав, пригрозить*.
У нас, сирот, муки полмешка унёс. Мэрфа-то как узнала об этом, так и жунула ему.

3

Забéла, ы, ж. *Сметана, молоко как приправа к пище*. Кладí бóле забéлы в щí-то.

Забирáться, áюсь, áются, несов. *Отправляться на тот свет*.
Порá и мне слéдом за дéдком забирáться.

Забóрка, и, ж. *Деревянная перегородка, обычно не доходящая до потолка и отделяющая одну часть избы от другой*. Сын-то за забóркой спит.

Забрóда, ы, м. и ж. *Рассеянный человек*. Ну и забрóда, опéть свой бадóг у Мáрьи остáвила.

Забрякотáть, чý, чут, сов., неперех. *Застучать*. Забрякотáли в ворóтца, я и проснýлась.

Завалáндать, аю, ают, сов. перех. *Запачкать, загрязнить*. Нóвую рубáху завалáндал, нáдо стирáть.

Завертéть, чý, тят, сов., перех. *Завернуть, обернуть кого, что-либо со всех сторон*. Завертéла в пелёнку робёнка и опéть в лóльку положила. Завертéли в бума́гу подаро́к-то.

Зáвидость, и, ж. *Зависть*. Зáвидось его берёт, что у меня огоро́д лúчше.

Завладáть, áю, áют, сов. , перех и неперех. **1.** Перех. *Взять кого, что-либо в полное своё распоряжение*. Тако́го баско́го па́рня она́ завладáла, а са́ма что отелёпок. **2.** Неперех. *Завладеть, захватить*. По́сле смéрти ма́тки она́ всем добрóм завладáла.

Заволочíть, чý, чат, сов., перех. *Запачкать*. Платóк-то ужé заволочíла, нáдо смени́ть.

Заворáчиваться, áюсь, áются, несов. *Возвращаться*. Забы́ла корзи́ну, нáдо заворáчиваться наза́д.

Заворотíть, чý, тят, сов., неперех. *Сильно преувеличить*. Ну ты и заворотíла. Кто тебе повéрит!

Заворотиться, чу́сь, тятся, сов. 1. *Повернуться, сделав оборот, изменить своё положение.* Глянул на меня, заворотился да и ушёл.

2. *Возвратиться обратно.* Заворотился он больно скоро.

За́втра, нареч. *Завтра.* За́втра поедем на сенокос.

Завыводи́ть, жу́, дят, несов., неперех Неодобр. *Начинать плакать, издавая нечленораздельные звуки.* Ре́ва, завыводи́ла опе́ть, хва́тит.

Зага́мать, аю, ают, сов., перех. 1. *Перемешать что-либо с чем-либо.* Зага́мала чужие игру́шки со своими вме́сте. 2. *Упратить, потерять.* Куда загамала носовики, ищи.

Зага́нивать, аю, ают, несов., перех. *Загонять.* У́же скоти́ну зага́нивают, а на́ши о́вцы где́-то бро́дят.

Загнести́, ту́, тут, сов., перех. *Положить в кучу чего-либо, куда-либо и потерять.* Вот ведь куда́ загнела́ плато́к-то, в комо́д.

Загнёт, а, м. *Место в русской печи (около устья), куда загребают горячие угли.* Ещё в загнёте у́гли ша́ют.

1. **Загнета́ть**, аю, ают, несов., перех. *Загребать горячие угли в «загнёту».* Я ещё и у́гли-то не загнетала́.

2. **Загнета́ть**, аю, ают, несов., перех. *Класть в кучу чего-либо, куда-либо и потерять.* Загнета́ть-то легко́, а попробуй найди́.

За́города, ы, ж. *Палисадник.* Ни́нка-то в за́городе ма́лину рве́т.

Загорячи́ться, чу́сь, ча́тся. *Заторопиться.* Загорячи́лась бы́ло де́вка уезжа́ть, а я ей говорю́: «Не пори́ горячку-то».

Загра́ять, аю, ают, сов., неперех. *Засмеяться.* До че́го де́вки гра́ять лю́бят. Опе́ть загра́яли.

Задави́ть, 1 и 2 л. не употр., ят, сов. перех. 1. *Замучить, одолеть (о болезни).* А́стма задавила́, семо́й год му́чаюсь. 2. *Заглушить, не дать расти.* Траво́й всю морко́вку задави́ло.

Задаву́ля, и, м. и ж. *Заносчивый человек.* Она́ с де́тства задаву́лей была́.

Задарма́, нареч. *Безвозмездно, бесплатно.* Он э́тот дом задарма́ получи́л.

Задубе́ть, ёю, ёют, сов., неперех. *Стать жёстким, грубым.* Пя́тки совсе́м задубе́ли.

Заду́нуть, ну, нут, сов., перех. *Выключить, погасить (об электрическом свете).* Заду́нь све́т-то, у́же по́здно.

Задурѣть, рю, рят, сов., неперех. *Закричать, заплакать*. Как получила похоронку, так и задурѣла она́.

Задуть, ую, уют, сов., перех. *Выключить, погасить (об электрическом свете)*. Вчера́ свет-то по́здо заду́ли.

Закасти́ть, шу́, стят, сов., перех. *Загрязнить, замусорить*. Весь двор рабо́чие закасти́ли у меня́.

Закоковѣть, ёю, ёют, сов., неперех. 1. *Затвердеть от мороза*. Гресь на доро́ге за́ ночь закоковѣла. 2. *Сильно озябнуть*. Ру́ки-то у меня́ закоковѣли без рукави́ц.

Закрове́нѣть, ню́, нят, сов., перех. *Испачкать кровью*. Разодра́лись па́рни, Митька всю руба́ху закрове́нѣл.

Закропа́ть, аю, ает, сов., перех. *Починить*. Закропа́ю бельё-то перед ба́ней.

Заку́корки, мн. **заку́корок**. *Верхняя часть спины, заплечье*. Ма́ша мла́дшую сестре́нку на заку́корках притащи́ла.

Заку́кры, мн., **заку́кор**. *Верхняя часть спины, заплечье*. Садѣсь на *заку́кры* ко мне, я тебя́ донесу́ до до́му.

Заку́тать, аю, ают, сов., перех. *Закрыть, затворить (дверь, окно и т.п.)*. Что ты двѣри по́лыми оста́вила, заку́тай.

Зала́вок, вка, м. *Низкий кухонный шкаф-стол (обычно около печи), куда ставятся кринки с молоком, различные продукты, посуда*. Положи́ крупу́ в зала́вок.

Зале́тка, и, м. и ж. *Влюблённый в кого-либо человек, поклонник (поклонница)*. Вон зале́тка-то твой опе́ть на мото́цикле но́сится по дере́вне.

Залисе́ть, ею, еют, сов., неперех. *Выцвести, пожелтеть, поплѣкнуть*. Плато́к-то мой совсе́м залисе́л.

Замѣс, а, м. *Опара*. В замѣс ма́сла не ложи́ли.

Заму́сленить, ню́, нят, сов., перех. *Запачкать слюной или грязными, липкими руками*. Совсе́м заму́сленил нагрѣ́дник-то, снимѣ́ его́.

Занаве́са, ы, ж. *Занавеска*. Ко́йка-то стои́т за занаве́сой.

Занести́, се́т, сов., перех., безл. *Заволочь, закрыть тучами*. На за́паде все́ занесло́, быть дождю́.

Заня́ться, займу́сь, займу́тся, сов. *Начать какое-либо дело, приняться за что-либо*. Са́шка занялся́ петь, а она́ его́ унима́ется. Она́ на огоро́де заняла́сь поло́ть.

Забола́чивать, ается, несов., неперех, безл. *Покрывать́ся тучами*. На за́паде забола́чивает, дождь нанесёт ско́ро. К ве́черу о́пётъ забола́чивать ста́ло.

Запа́днѣ, и, ж. *Подполье, погреб*. Достáнь из запа́днѣ карто́шки.

Запа́рится, рюсь, ря́тся, сов. *Запутаться, растеряться*. Со-всѣм запа́рилась, дѣвка, не в ту сто́рону пошла́.

Запа́тра́ть, аю, аю́т, сов., перех. *Испачкать*. Не запатра́й на у́лице но́вое-то пла́тьѣ.

Запа́тра́ться, аюсь, аю́тся. *Испачкаться*. Сно́ва запатра́лась, снимáй одѣжу-то.

Запе́тать, аю, аю́т, сов., перех. *Втиснуть, затолкать*. Всю одѣ-жу в шкаф ё́ле запе́тала. // *Засунуть, положить*. Куда́ плато́к-то за-пе́тала?

Заплóт, а, м. *Забор из жердей, вложенных в пазы вертикальных столбов*. Как заплóт пройдёте, так напра́во и поверни́те.

Запо́брызгивать, несов., неперех., безл. *Начинать понемногу капать (о дожде)*. О́пётъ запо́брызгивало, на́до домо́й забира́ться.

Запо́зёвывать, ет, несов., неперех. *Начинать зевать*. Ско́ро Са́ня запо́зёвывала да и спать легла.

Запо́лстить, шу, стят, сов., перех. *Спутать, свалять (о волосах)*. Не хвата́й воло́сьѣ ли́пким рука́м, запо́лстишь срáзу.

Запо́лститься, 1 и 2 л. не употр., сов. *Спутаться, свалиться (о волосах)*. Воло́сьѣ-то у тебя́ запо́лстилось бо́льно, не могу́ и рас-че́сать.

Запопу́тьѣ, нареч. *Попутно*. Запопу́тьѣ и к Нью́ре загляни́.

Запо́шить, шью, шьют, сов., перех. *Вшить*. На́до сюда́ кру́жево запо́шить.

Запы́шкаться, аюсь, аю́тся, сов. *Начать дышать с трудом, прерывисто*. Пока́ бежа́ла за тобо́й, запы́шкалась совсем.

За́работка, и, ж. *Заработная плата*. За́работка у доя́рок хоро́шая была́.

Зару́бить, блю́, бят, сов., перех. *Подшить, загнуть края матери-и*. Зару́би носови́к-то.

Заря́вкать, аю, аю́т, сов., неперех. *Закричать, начать ругаться*. Прише́л с рабо́ты, о́пётъ заря́вкает.

Заскри́пать, аю, аю́т, сов., неперех. *Заскрипеть*. Че́-то дверь за-скри́пала. Кто иде́т, что́ ли?

За́стовать, ую, уют, несов., неперех. *Загораживать, заслонять свет.* Не за́стуй мне, и та́к ничего́ не ви́дно.

Зато́лнуть, ну, нут, сов., перех. *Затворить.* Зато́лни двéри-то скоря́ё.

Затоско́вать, ую, уют, сов., неперех. *Начать ныть, болеть.* К пого́де, биде́, но́ги-то затоско́вали.

Захаба́рить, рю, рят, сов., перех. *Присвоить что-либо чужое, забрать.* Не зна́ю, чей нож захаба́рила.

Зау́хать, аю, ают, сов., неперех. *Громко закричать.* Она́ как зау́хает со стра́ху-то.

Заха́мкать, аю, ают, сов., неперех. *Начать зевать.* Заха́мкала уже́, иди́ спáть.

Зачи́брить, рю, рят, сов., перех. *Ухватить зыбами, укусить.* Зачи́брила кусок-то дак ешь.

Зашара́шить, шу, шат, сов., перех. **1.** *Ударить, бросить чем-либо.* Гли́ко, па́рень ка́мнем ему́ зашара́шил в лоб. **2.** *Налить, насыпать что-либо в большом количестве.* Зашара́шила эдакую кастрю́лю воды́. Пошто́?

Заша́ять, 1 и 2 л. не употр., ают, сов., неперех. *Начать тлеть, гореть без пламени.* Тря́пка-то заша́яла уже́.

Зго́ловы, мн., ов. *Изголовье.* В зго́ловы -то что́ ему́ положи́ть?

Здоби́ть, блю, бят, сов., перех. *Одеть.* Я его́ здоби́ла во всё́ чи́стое, он и побежа́л гуле́ть.

Здохну́ть, ну́, нут, сов., неперех. *Вдохнуть, сделать вдох.* Заспе́шила, побежа́ла, а пото́м и здохну́ть не могу́.

Зду́мать, аю, ают, сов., перех. *Вспомнить.* Зду́маю так ска́жу, куда́ она де́лается.

Зду́ть, ну, нут, сов., перех. *Зажечь свет.* Чего́ ого́нь-то ра́но зду́ли, ещё́ светло́ ведь.

Земля́нка, и, ж. *Земляника.* Набрала́ да́ве земля́нки це́лую ба́нку скленё́м.

Зимо́вка, и, ж. *Небольшая утеплённая изба или пристройка к дому, в которой жили зимой.* Разобра́ли избу́, оста́вили одну́ зимо́вку. Те́сно в зимо́вке-то бы́ло жи́ть.

Зимого́р, а, м. **1.** *Бродяга, босяк, живущий случайной работой.* Старшо́й-то сын зимого́ром стал, бродя́жил. Шексн. Квас. **2.** *Драчун, хулиган.* Э́того зимого́ра на сва́дьбу не зови́те, дра́ться бу́дет.

Зимогóрить, рю, рят, несов., неперех. *Бродяжничать, работать вне своей деревни, переходя из одного места в другое.* Зимогóрил годами éтот мужик, дóма не жёл почти.

Зимۇсь, нареч. *Прошлой зимой.* Зимۇсь у нас телёнка-то нё было.

Злодéйка, и, ж. *Соперница.* Я свою злодéйку и чаём-то напоила да́ве. Дéло прóшлое.

Злы́день, дня, м. *Злой человек.* Злы́день како́й! Ника́к ему́ не унарови́шь.

Знако́мка, и, ж. *Любимая девушка.* Па́рень-то моло́денькой, и знако́мки-то у него́ ещё нё было.

Зóрить, рю, рят, несов., неперех. *Смотреть пристально, внимательно, всматриваться.* Сиди́т на ла́вке да в окно́ зóрит, не иде́т ли кто по доро́ге.

Зудéть, жу́, дят, несов., неперех. *Торопиться, спешить, пороть горячку.* Не зуди́, подожди́, дай мне оду́маться.

Зуда́, ы, м. и ж. *Тот, кто торопливо, на скору руку делает что-либо.* Вот зуда́, вéчно спеши́т, по́рет горячку.

Зуха́ть, аю, ают, сов., неперех. *Вскрикнуть.* Она́ зашла́ за ку́ст да как зу́хает.

Зы́бать, аю, ает, несов. перех. 1. *Качать ребёнка в колыбели.* В éтой зы́бке и тебя́ зы́бали. 2. *Безл. Качать (на болоте).* Ходи́ли на покóс к óзеру, дак на берегу́ си́льно зы́бает.

Зы́бка, и, ж. *Колыбель, люлька, подвешенная к потолку.* Опéть робёнок-то в зы́бке заора́л.

Зы́рить, рю, рят, несов., перех. Экспр. *Пить.* Они́ лю́бят квáс-то зы́рить.

Зы́ря, и, м. и ж. *Тот, кто много пьёт воды, молока и т.п.* Ну ты и зы́ря! Сто́лько во́ды вы́пил!

И

Изб́якать, аю, ают, сов., перех. *Избить.* Не ходи́ на реку́ один, а то изб́якаю́ всегó.

Извалáндаться, аюсь, аются, сов. *Испачкаться.* Смотри́, до чегó твой вну́к извалáндался.

Извѡда, ы, м. и ж. 1. *Тот, кто притворяется, кривляется; притвора.* Хвѡтит дурѡчиться, извѡда, надѡѡло. 2. *Тот, кто долго и нужно плачет, капризничает.* Э́тот извѡда выпросил-таки, что хотѡл.

Изводѡться, жу́сь, дятся, несов. 1. *Издавая неприятные звуки, кривляться, притворяться.* Лю́бит он изводѡться-то. 2. *Долго и нудно плакать, капризничать.* Вот опѡть изводѡдится Са́нька-то, про́сит конфѡт.

Изволту́зить, ту́жу, ту́зят, сов., перех. *Избить.* Изволту́зили па́рня-то ве́чером у клу́ба.

Изгаля́ться, яюсь, яются, несов. 1. *Насмехаться, потешаться.* Ста́ли изгаля́ться над ей, а она́ в ре́в пусти́лась. 2. *Издеваться, глумиться.* По́лно над соба́кой-то изгаля́ться.

Издря́бнуть, ну, нут, сов., неперех. *Потерять свежесть, стать дряблым.* Све́кла и морко́вь совсе́м издря́бли в ведре́.

Изжа́мкать, аю, ают, сов., перех. *Плохо, небрежно выстирать.* За робе́нком не смо́трит, изжа́мкает его бе́льишко и су́шит.

Изла́дить, ла́жу, ла́дят, сов., перех. 1. *Сделать, приготовить.* Изла́дила яи́шню, так не ста́л ѡсь. 2. *Послать, отправить.* У́тром вста́ла, печь исто́пила, робя́т в шко́лу изла́дила.

Изла́диться, жу́сь, дятся, сов. 1. *Собраться, снарядиться, приготовить, чтобы отправиться куда-нибудь.* Изла́дились с у́тра на сенокос́ и поѡхали. 2. *Повстречаться.* Ё́хал я на ка́тере из го́рода домо́й, и изла́дилась мне ба́ба из на́шей дере́вни.

Излажа́ть, аю, ают, несов., перех. 1. *Делать, изготавливать, сооружать.* На́до постѡ́лю излажа́ть, уж темно́. 2. *Приготавливать уезжающего, снабжая чем-нибудь, собирать.* Ста́ли излажа́ть её в доро́гу, а она́ в слѡзы.

Излажа́ться, аю́сь, аю́тся, несов. 1. *Готовиться к чему-либо.* Вот излажа́ется в шко́лу вну́к-то. 2. *Хотеть, вознамереваться.* Ви́дно, де́д излажа́ется покури́ть.

Излежа́ть, жу́, жа́т, сов., неперех. *Прийти в негодность, испортиться от долгого лежания.* Плато́к-от излежа́л уже́, как решето́ стал.

Изломаться, аюсь, аются, сов. *Надорвать силы тяжёлой работой, потерять здоровье.* Изломалась я на работе-то в колхозе, теперь болею.

Изметелить, лю, лят, сов., перех. Экспр. *Сильно избить.* Батько-то изметелит тебя, коли поздно придёшь.

Измозгнуть, ну, нут, сов., неперех. *Подвергнуться гниению, испортиться.* Рыба-то уже вся измозгла, выброси.

Измуслить, ю, ят, сов. перех. *Испачкать слюной, обслюнявить.* Кусок-от измуслила, а не съела.

Измякнуть, ну, нут, сов., неперех. *Потерять свежесть, стать дряблым.* В ларе картошка-то измякла, поди.

Изобихаживать, аю, ают, несов., перех. и неперех. *Приводить в порядок что-либо, наводить чистоту где-либо.* Она каждую нищю в избё-то изобихаживала. // *Держать в чистоте, наряжать кого-либо.* Вера добро своих робят изобихаживала.

Изоставить, влю, вят, сов., перех. *Связать снопы и поставить в копны.* Всё полё изоставили снопам.

Израстать, аю, ают, несов., неперех. *Худеть в связи с быстрым ростом.* Светка-то израстает, похудела.

Израсти́, сту́, стут, сов., неперех. *Вырастая, измениться внешне.* Я её и не узнала, изросла она́.

Изревётся, вусь, вутся, сов. *Изнемочь от длительного и сильного плача.* Когда сына-то убили, она́ вся изревелась.

Изутра, нареч. *Рано утром, с утра.* Лошадь назавтра дай, изутра в лес пойдём.

Имáлки, лок, мн. *Игра в жмурки.* Вспомни, как ране в имáлки играли.

Ино́е, нареч. *Иногда.* Ино́е голова́ заболит, дак не хожу́ в лес.

Искаря́бать, аю, ают, сов., перех. *Исцарапать.* В кустах все руки искарябала до крови.

Искобénить, ит, сов., перех., безл. *Сильно искривить.* Искобénило крышку-то от горячей воды.

Искобénиться, нюсь, нятся, сов. 1. *Изогнуться, искривиться.* Плесну́ла в миску кипятку́, так крышка и искобénилась. 2. *Изогнуться, принять неестественную позу.* Некрасиво ты, дёвка, искобénилась, не дури́. Сядь прямо, что ты искобénилась-то.

Искóмать, аю, ают, сов., перех. *Измять*. Пирогí-то ещё горячие, подожди рéзать, а то искóмаешь. Платóк весь искóмали мне.

Искóматься, аюсь, аются, сов. *Измяться*. Вся одéжа в чемодáне искóмалась.

Искóмкаться, аюсь, аются, сов. *Измяться*. Искóмкался подóл у юбки, распрáвь.

Искорнáть, áю, áют, сов. перех. *Небрежно изрезать, искромсать*. Чтó ты всю матёрью искорнáла!

Испазгáть, áю, áют, сов.. перех. *Экспр. 1. Изорвать*. Ужé нóвые-то сапогí испазгáл, давай опéть покупáй. **2. Избить**. Курить бóдешь – всю испазгáю.

Испéтаться, аюсь, аются, сов. *Сильно устать, измучиться*. Вчерá до чегó испéталась на сенокóсе.

Исподóбиться, блюсь, бятся, сов. *Собраться, приготовиться с целью начать какое-либо дело*. Исподóбилась я, дéвка, в гóрод поéхать.

Исподовóль, нареч. *Постепенно*. За дом мы исподовóль платíли дéньги.

Испокóн, нареч. *Издавна, с давних пор*. Испокóн она лénивой была, ничегó в колхóзе не дéлывала.

Испрáвно, нареч. *Хорошо, надёжно*. Испрáвно дóм-от починíли.

Истывáть, áю, áют, несов.. неперех. **1. Плакать**. Вчерá опéть она истывáла. **2. Капризничать, издавая тягучие, жалобные звуки**. Как почнёт истывáть, так не уговорíть его никáк.

Исхвостáть, щú, щут, сов., перех. *Избить*. Чтó попáло тебé, исхвостáли чтó ли?

Исхрýтаться, аюсь, аются, сов. *От длительной тяжёлой работы устать; изработаться*. Исхрýтался мужíк-от в лесú, вот тепёр и болéет.

Исшóркать, аю, ают, сов. перех. **1. Испортить трением, продолжительным хождением, танцами**. Пол весь исшóркали, когдá на свáдьбе плясáли. **2. Износить, повредить трением; вытереть**. Все брýки исшóркал, нáдо нóвые покупáть.

Исщелáть, ают, сов., несов. *Потрескаться, обнаружить щели*. Весь пол исщелáл, подуваёт.

Ка́верза, ы, м. и ж. *Склонный к шалостям, к озорству человек.*
Что эта ка́верза опять наделала?

Ка́верзить, жу, зят, несов., неперех. *Вредить.* Эта ка́верза то́лько ка́верзит мне весь де́нь.

Кады́к., а, м. *Шея.* Кады́к-от прикро́й.

Казачок, чка, м. Устар. *Короткая верхняя женская одежда из сукна (типа жакета) в талию с мелкими сборками (или складками) сзади.* У меня казачок был у молодой.

Ка́менье, я, ср., собир. *Камни.* Ка́меньё-то пособира́й с огоро́ду.

Канжи́ть, у́, а́т, несов., перех. *Надоедливо просить о чём-либо.*
Конфе́ты канжа́т весь де́нь у ба́ушки.

Карапе́т, а, м. *Маленький ребёнок.* Я тебя́, карапе́т, крапи́вой отлещу́ за э́то.

Ка́таль, я, м. *Мастер по изготовлению валенок.* Ка́тали в сосе́дней дере́вне жили, ту́да ходи́ли.

Ка́таник, а, м. *Валенок.* Ка́таники-то посуши́ у печи́.

Ката́ть, ет, безл. *О болезненном состоянии.* Меня́ вчера́ ката́ло пе́ред грозо́й. Та́к голова́ болела́.

Кати́ть, чу́, тят, несов., неперех. *Двигаться, направляться куда-либо.* А во́н и са́м Петро́ к нам кати́т.

Качу́ли, качу́ль, мн. *Качели.* На качу́лях-то и робя́та кача́лись.

Квас, а, м. *Окрошка.* Ква́су надела́ем и хлеба́ем.

Кве́лый, ая, ое. 1. *Слабый, хилый.* Поро́сёнок, поди́, заболёл, ка́кой-то кве́лый стал. 2. *Вялый, малоподвижный.* Не вы́спалась се́нни, так и кве́лая.

Ки́ла, ы, ж. *Грыжа.* Он да́вно уж с ки́лой маётся. ♦ **Ста́вить** или **Поста́вить ки́лу.** *С помощью колдовства сделать человека больным.* Погова́ривают, что она ки́лы лю́дям ста́вит.

Ки́слеь, и, ж. *Свойство кислого, кислота.* Ой, ки́слеь, про́ксли щи́.

Ки́слица, ы, ж. *Щавель.* Пошли́ за ки́слицей в по́лѣ.

Кла́сться, дутся, 1 и 2 л. не употр., несов. *Нести яйца.* Эта ку́рица не кладе́тся бо́ле.

Клеви́ть, влю́, вят, несов., перех. *Дразнить, обижать, доводя до слёз.* То́лько ро́бе́нок успоко́ился, она́ опять его́ клеви́т.

Клубо́к, бка, м. *Кочан капусты*. Иди́, сре́жь клубо́к.

Клюка́, и, ж. *Кочерга*. Клюко́й-то пошевели́ ўгли в печи́.

Ключ, а, м. *Колодец*. Она́ на ключ за водо́й ушла́.

Козлу́шка, и, ж. *Молодая коза*. У меня́ коза́ да три козлу́шки.

Ко́кнуться, нусь, нутся, сов. *Стукнуться, удариться обо что-либо*. Упа́ла, ко́кнулась о скаме́йку.

Кокотóк, тка, м. *Ноготь*. Кокотки́-то подстриги́.

Ко́кшаться, аюсь, аются, несов. *Заниматься чем-либо, не то-ропясь; копошиться*. Все́ утро на огоро́де ко́кшалась.

Коло́да, ы, ж. *Малоподвижная полная женщина*. Вот коло́да-то. Все́ до́ма си́днем сиди́т.

Колоколё́на, ы, м. *Говорливая женщина*. Ма́рья весь ве́чер у нас просиде́ла. Вот колоколё́на-то.

Колоко́лить, лё, ля́т, несов., неперех. *Говорит без умолку, тараторит*. Она́ колоко́лила у нас, пока́ домо́й не позва́ли.

Колону́ть, ну, нут, сов., перех. *Ударить, стукнуть; ушибить*. Она́ и колону́ла тихо́нько в окно́.

Колоти́ться, чу́сь, тятся, несов. *Стучаться*. Посмотри́, кто там колоти́тся к нам.

Ко́маники, ов, мн. *Неудачные пироги*. Она и пе́чь-то не уме́ет, напече́т каки́х-то ко́маников и едя́т.

Ко́маний, ая, ое. *Мятый*. Воротни́к-от погла́дь, бо́льно ко́маний.

Ко́мать, аю, ают, несов., перех. *Мять*. Стои́т и ке́пку в рука́х ко́мает.

Ко́мель, мля, м. 1. *Нижняя часть снопа (у среза)*. Под са́мый ко́мель лён-то де́ргали. 2. *Конец веника, за который берутся рукой*. Возьми́ ве́ник за ко́мель да водо́й опры́сни.

Комова́тый, ая, ое. *Необщительный; не умеющий общаться с людьми*. Она́ де́вка-то комова́тая, в ма́тку пошла́.

Копна́ть, аю, ают, несов., перех. *Складывать сено в копны; копнить*. На́до се́но скопна́ть до дождя́.

Кори́на, ы, ж. *Кожура овощей или фруктов*. Вы́броси кори́ны-те от карто́шки в ведро́.

Кори́ть, рю, рят, несов., перех. *Шутливо упрекать за дружбу с кем-либо, за симпатию к кому-либо*. Меня́, по́мню, Ко́лькой кори́ли.

Корóватик, а, м. *Белый гриб*. Мнóго ли корóватиков набрáл?

Косíца, ы, ж. *Висок*. Косíцей-то не кóкнись о шкап..

Косóк, скá, м. *Косынка*. Коскóм-то повяжись, а то жáрко.

Косоплётка, и, ж. *Лента, вплетаемая в косу*. Смотри, косоплётка-то выпала из косы.

Кострíца, ы, ж. *Жёсткая кора льна, остающаяся после его трепания и чесания*. Когда лён-от трéплешь, так кострíца так и летíт.

Кошéлиться, юсь, ятся, несов., неперех. *Медлить, неторопливо собираться*. Чтó ты кошéлишься-то тáм так дóлго! Пошлí уж.

Кувылять, ляю, ляют, несов., перех. *Перевёртывать*. Мíтрию пришлóсь обряжáться, самомú хлеб печь на подú. Одíн раз хлеб кувылял-кувылял в мукé, да в лохáнь кулыбыш и угадáл.

Кулькать, аю, ают, несов., неперех. и перех. 1. Неперех. *Плестать*. Сидит да кулькает палкой в воде. 2. Перех. *Плохо, кое-как стирать*. Она кулькаёт, кулькаёт бельё, вот и вся стирака.

Кулькнуть, ну, нут, сов. *Упасть в воду*. Смотри, удочка-то в реку кулькнула.

Кулыбыш, а, м. *Обкатанный в муке кусок теста*. Мíтрию пришлóсь обряжáться, самомú хлеб печь на подú. Одíн раз хлеб кувылял-кувылял в мукé, да в лохáнь кулыбыш и угадáл.

Л

Лонíсь, нареч. *В прошлом году*. Лонíсь травá дóбрая былá, а сего́д хúже.

Лоньскóй, ая, ое. *Прошлогодний*. Лоньскóе сéно на повéти остáлось.

Лытки, ток, мн. *Ноги*. Поштó лытки-то вы́ставила! Прикрóй одеялом.

М

Марáковать, кую, куют, несов., неперех. *Размышлять, соображать*. Вот я и марáкую, как мне э́то полúчнее сде́лать. Да óн уж ничегó не марáкует топéря.

Морíловка, и, ж. 1. *Отсутствие питания, голод.* В гóроде-то такая морíловка была, ись совсём ничего нёт. 2. *Выведение мух в доме путём опрыскивания химикатами.* Устро́им морíловку, так му́хи все и передохнут.

Морíть, рю, рят, несов., перех. *Не рассказывать о чём-либо или тянуть с рассказом, причиняя этим страдание.* Не морí меня, скажй, Ве́ра, что́ он тебе написа́л.

Морно́й, ая, ое. *Худой, заморённый.* Чо ко́шку-то не ко́рмишь. Смотри́ кака́я морна́я она́ у тебя́.

1. **Мост**, а, м. *Сени.* Вынеси́ молоко́ на мо́ст, поста́вь в ведро́ с водо́й. А хозяйка́ была́ та́к себе́: не да́ст ни обу́тки, ни оболо́чки – иди́ снег вымета́й на мосту́.

2. **Мост**, а, м. *Скопление, гнездо грибов.* Ры́жики-то в лесу́ мо́стами расту́т. То́лько собира́й.

Мот, а, м. *Обманщик, нечестный в отношениях с людьми человека.* Вы́знала я э́того мо́та, не хочú с ним де́ла импе́ть тепе́ря.

Мотови́ло, а, м. и ж. *Перен. Болтливый человек.* Опе́ть вчера́сь пришла́ ко мне мотови́ло, до́лго у меня́ просиде́ла.

Мото́вка, и, ж. *Обманщица.* Не ве́рь э́той мото́вке, обма́нет тебя́, глазо́м не моргне́т.

Мото́рный, ая, ое. *Подвижный, активный (о человеке).* Он па́рень мото́рный, до́ма не усиди́т.

Му́млять, яю, яют, несов., перех. 1. *Есть что-либо твёрдое с аппетитом.* Ишь как! Ба́ранку-то он му́мляет бы́стро. 2. *Жевать медленно, с трудом.* Му́мляла – му́мляла я́блок, да и бро́сила.

Му́слени́ть, ню, нят, несов., перех. *Мочить слюной.* Не му́слени карандаши́.

Мусли́новый, ая, ое. *Шёлковый.* До́чка-то в гóроде мусли́новые чулки́ купи́ла. Топе́рь форси́т.

Му́слять, яю, яют, несов., перех. *Мочить слюной.* Мо́ду взял – му́слять карандаши́, ко́гда рису́ет. Му́сляет конфе́ту, а не е́ст.

Мы́тый, ая, ое. *Выстиранный, чистый.* Полоте́нце мы́тое по-веси́ла, водо́й в рукомойник нали́ла. Мо́йся!

1. **Мя́кать**, аю, ают, несов., перех. *Бить.* Егó мя́кают, а он то́лько ха́хаёт.

2. **Мя́кать**, аю, ают, несов., перех. *Есть, принимать пищу.* Кото́рой раз за ве́чер Пе́тька мя́кает! Не накро́мить!

Мякиш, а, м. и ж. *Полный, упитанный ребёнок.* Экой мякиш у тебя внук-от.

Мякнуть, ну, нут, сов., перех. *Со стуком поставить.* Что ты так сковородку-то мякнула на стол?

Мякнуться, нусь, нутся, сов. *Упасть, свалиться.* Кóшка с крьши мякнулась и побежала.

Мялка, и, ж. *Любящая поесть девочка или женщина.* Она́ такая мялка, что ни да́й – всё съест за мило́ую ду́шу.

Н

Набаздырять, яю, яют, сов., перех.? *Побить.* Набаздыряли ему́ как сле́дует.

Набаси́ть, шу́, сят, сов., перех. 1. *Нарядить.* Бо́льно хорошо́ набаси́ли де́вку-то. Хотя́ под вене́ц сейча́с. 2. *Украсить.* Ёлку добро́ набаси́ли.

Набаси́ться, шу́сь, ся́тся, сов. *Нарядиться.* Вну́чка-то набаси́лась и ушла́ гуле́ть.

Набахва́лить, лю, лят, сов., неперех. *Хвастая, наговорить что-либо.* Набахва́лила она́, ниче́го э́того не́ было.

Набу́здаться, аюсь, аются, сов. *Наестся жидкой пи́щи.* Ще́й набу́здаюсь да и нахрапови́к.

Набу́рoвить, влю, вят, сов., перех. 1. *Много налить.* Почто́ целое-то ведро набу́рoвила! 2. *Наговорить много чего-либо, наболтать.* Набу́рoвила она́ нам всегó.

Набуте́нить, ню, нят, сов., перех. *Положить, налить много.* Ну ты и набуте́нила! Не съе́сть ве́дь!

Набуту́ситься, ишся, ся́тся, сов. *Рассердившись, насупиться, нахмуриться.* Он тако́й оби́дчиво́й ста́л. Чу́ть что́ набуту́сится.

Нава́дить, жу, дят, сов., перех. *Приучить.* Нава́дила чу́жую соба́ку попроша́йничать, так иди́ корми́ чем-нибу́дь.

Нава́диться, жусь, дя́тся, сов. *Приучиться.* Нава́дилась коро́ва в хлев заходи́ть сама́.

Нава́живать, аю, ают, несов. перех. *Приучать.* На́до его́ нава́живать, чтобы́ са́м домо́й приходи́л.

Навала́ндать, аю, ают, сов., перех. *Сделать что-либо плохо, кое-как.* Нава́ланда́ла пиро́гов, а и е́сть неохо́та.

Нава́ливать, аю, ают, несов., перех. *Принуждать, заставлять взять что-либо.* Приходили цыга́не, нава́ливали покрыва́ла купить, да я не захоте́ла.

Нава́ливаться, аюсь, аются, несов. *Напрашиваться.* Нава́ливался он в го́сти, да я не позво́ла его.

Навали́ть, лю, лят, сов., перех. *Принудить, заставить взять что-либо.* Нава́лили мне молока́, тво́рогу. Вот то́перь и е́шьте.

Нава́лом, безл. сказ.. *В большом количестве, много.* У де́вки кавале́ров нава́лом.

Навалто́жить, у, ат, сов., перех. *Побить.* Как навалто́жу тебя́, так бу́дешь знать, как на рёчкубе́гать.

Навара́кать, аю, ают, сов., перех. *Написать неаккуратно, неразборчиво.* Нава́ракала мне пи́сьмо, так и не прочита́ть было.

Наваракóсить, шу, ят, сов., неперех. *Напроказничать, набедокурить.* Ты, парнёк, не наваракóсь ту́та.

Наварза́ть, аю, ают, сов. перех. 1. *Напроказничать, набедокурить.* Нава́рзаешь чего́, так отлуплю́. 2. *Сделать что-либо плохо, кое-как.* Нава́рзала, так перешива́й ю́бку-то.

Наварза́ться, аюсь, аются, сов. *Напиться пьяным.* Где э́то он так нава́рзался? Еле на нога́х стои́т!

Наве́дать, аю, ают, сов., перех. 1. *Узнать что-либо, справиться о чём-либо.* Сходи́ наве́дай, когда́ он прие́дет. 2. *Навестить.* Она́ меня́ вчера́ наве́дала.

Наверхосы́тку, нареч. *После утоления голода, в конце приёма пищи.* Съе́шь конфётку-то на верхосы́тку. Наверхосы́тке съе́сть что ли яблочко.

Навздева́ть, аю, ают, сов. *Надеть на себя много одежды.* Навздева́ла ко́фту, телогрейку да ещё платко́м обвяза́лась – вот и тепло́ ста́ло. Что́-то бо́льно мно́го ты на себя́ навздева́ла.

Навива́ть, 1 и 2 лицо не употр., ает, несов., перех., безл. *Надувать, наметать (о снеге).* Под забо́р мно́го сне́га навива́ло зими́сь.

Нави́льник, а, м. 1. *Черенок, на который насаживаются вилы.* Нави́льник у меня́ слома́лся, сде́лай но́вый. 2. *Охапка сена, соломы, навоза, поддета́я на вилы.* Я здоро́вая тогда́ была́, нави́льники се́на бо́льшие подыма́ла.

Наволтузить, жу, зят, сов., перех. *Набить, избить*. А оні чуть что наволтузят друг дружку. Ты им наваракóсил, вот оні тебя и наволтузили как надо.

Нагнесті, тў, тўт, сов., перех. *Туго набить, натолкать*. Ишь нагнелá сўмку-то, порвётся ведь.

Наголі́мый, ая, ое. 1. *Содержащийся в большом количестве, излишке*. Пересоли́ла грибы-то – соль наголі́мая. 2. *Полный, совершенный*. Да брат у неё дура́к наголі́мый.

Нагоніть, ню, нят, сов., перех. *Нагнать, догнать*. Мне надо их нагоніть, пока́ далеко́-то не ушли́.

Награ́яться, аюсь, аются, сов. *Насмеяться, посмеяться*. Вчера́ награ́ялись, когда́ его́ в лёс-от спрова́дили.

Надаровé, нареч. *Зря*. Походили но́женьки по этой по доро́женьке, походили по травé – ході́ли да надаровé.

Надё́жа, и, ж. *Надежда*. У меня́ вся надё́жа на сына́.

Наде́коваться, уюсь, уются, сов. *Зло подшутить, насмеяться*. Наде́коваться-то оні мо́гут. Не жди́ хоро́шего от нѝх.

Надодони́ться, нюсь, нятся. *Наестся сытно*. Ох, добро́ надодони́лась шей, топéрь чай буду пить. // *Напиться вдоволь, чрезмерно*. Надодони́лась я молока́-то с хле́бом – и сыта́ топéрь.

Надоё́дный, ая, ое. *Надоедливый*. Опéть сюда́ идёт! Надоё́дная кака́я!

Надсади́ться, жу́сь, дятся., сов. *Причинить себе вред чрезмерным напряжением, надорваться*. Надсади́лась я, на скóтном-то дво́ре рабо́тая.

Нажа́литься, люсь, лятся, сов. *Пожаловаться*. Подожди́, нажа́люсь я твоёй ма́тке-то. Бۇдешъ зна́ть!

Нажо́ристый, ая, ое. *Сытный, питательный*. Накорми́ла она́ нас нажо́ристыми ща́ми, молока́ нали́ла.

Назаводи́ть, жу́, дят, сов. перех. *Приобрести, закупить*. Шу́ра как рабо́тать-то ста́ла, так назаводи́ла нарядов-то.

Наза́втриё, нареч. *Завтра*. Наза́втриё поёдем домо́й. Хва́тит, нагости́лись.

Назапéртé, нареч. *На замке (о запертой двери)*. Она́ весь де́нь дверь назапéртé де́ржит.

Назы́риться, рюсь, рятся, сов. *Напиться очень много воды, молока и т.п.* Назы́рилась водо́й, так и ѝсь не хочۇ.

Наимать, аю, ают, сов., перех. *Наловить*. Наимали парни рыбы и уху варят топёрь.

Наказать, жу, жут, сов., перех. *Дать наказ, поручить*. Она наказала мне чаю купить в магазине.

Накарякать и **Накалякать**, аю, ают, сов., перех. 1. *Неумело нарисовать*. Мала ещё рисовать-то, накалякает – и сама довольна. 2. *Написать неразборчиво, неумело*. Накарякала письмо, поди разберут, что надо. Девка не пишет, а калякает в тетрадке.

Накастить, шу, стят, сов., перех. *Нагрязнить, намусорить*. Накастили на столе, так убирайтесь.

Накинуть, ну, нут, сов., перех. *Надеть*. Она накинула кофту, да и побежала за ним вдогонку.

Накой, нареч. *Зачем*. Накой тебе это ведро? И так два есть.

Накокать, аю, ают, сов., перех. *Набить*. Накокают тебе там как следует. Не ходи!

Накрасеть, сов., неперех., безл. *Покраснеть, стать красным*. Сколько ягод-то покрасело на грядке!

Накулькаться, аюсь, аются, сов. *Напиться*. Он вчера ещё опять накулькался. Ёле домой пришёл.

Наладить, жу, дят, сов., перех. 1. *Приготовить для последующего использования*. Я ему наладила сумку в дорогу. 2. *Сварить, приготовить*. Наладила капусту с картошкой, дак ешь.

Наладиться, жусь, дятся, сов. *Решить, вознамериться что-либо сделать*. Я наладилась было в город ехать на зиму, да передумала.

Налажать, аю, ают, несов., перех. 1. *Приготавливать для последующего использования, применения*. Стала я им постелю налажать – всё новое постелила. 2. *Приготавливать кушанья, стряпать*. Вчера я квас налажала, а сёдни так и не стала. 3. *Исправлять, ремонтировать*. Приходил зять, электричество мне налажал.

Налажаться, аюсь, аются, несов. 1. *Снаряжаться, готовиться (чтобы отправиться куда-нибудь)*. Валька опять в город налажается. 2. *Постепенно начинаться, собираться (о дожде)*. Дождь было налажался с утра, да разнесло.

Налетушка, и, ж. *Открытый пирог из дрожжевого теста, сверху политый жидкой картофельной, творожной, ягодной или*

крупной и т. д. начинкой. Приходи на чай, я налетушек напекла утром.

Налету́ха, и, ж. *То же, что налету́шка.* Матка налету́хи пекла вкусные.

Наломáть, аю, ают, сов., перех. 1. *Насобирать (о грибах).* Наломáла рыжиков кузовок. 2. *Побить.* Погоди, наломают они тебя хороше́нко.

Наломíться, млюсь, мятся, сов. *Много съест.* Целой день не ёвши, так вечером наломíлся.

Налупíться, плюсь, пятся, сов. *То же, что наломíться.* Картошки налупíлась с огурцами, вот и добро́.

Намара́кать, аю, ают, сов., перех. *Написать неумело, плохо.* С трудом ему́ письмо́ намара́кала.

Намолóться, мелюсь, мёлются, сов. *То же, что наломíться.* Каши намолóлась, а тепе́рь чаю охóта.

Наму́слять, яю, яют, сов., перех. *Запачкать слюной.* Почто́ па́лец наму́сляла!

Наму́сленить, ню, нят, сов., перех. *Намочить слюной.* Наму́слени нитку да и вдень в иголку. Наму́сленит карандаш и краси́т брови.

Намя́кать, аю, ают, сов., перех. *Побить.* Намя́кала робёнка, раскли́вила, холёра.

Намя́ться, мнүсь, мнүтся, сов. *То же, что наломíться.* Вот ведь как намя́лась-то!

Наодине́, нареч. *Наедине.* Ка́тя мне наодине́ то обо всём и сказа́ла.

Наоскы́рживать, аю, ают, сов., перех. *Наскоблить.* Наоскы́рживала сковоро́дку-то. Чи́ще ста́ла.

Наосóбицу, нареч. *Особо, отдельно.* Вну́чка всё наосóбицу игра́ет. Ещё не приви́кла к сосе́дским де́тям.

Напазга́ть, аю, ают, сов., перех. *Побить.* Вчера́ его́ добро́ напазга́ли.

Напа́лок, лка, м. *Часть варежки, рукавицы, надеваемая на большой палец руки.* Напа́лок-то стал отрыва́ться, прише́й.

Напатра́шить, шу, шат, сов., перех. *Натворить чего-либо, набедокурить.* Что он у тебя напатра́шил-то?

Напа́хивать, аю, ают, несов., неперх. *Походить, быть похожим на кого-либо.* Сестра́ бо́ле на ба́тьку напа́хиваёт.

На́перво, нареч. *Раньше, прежде кого-, чего-либо.* На́перво ты умо́йся, пото́м уже за сто́л сади́сь.

Напередé, нареч. *Впереди.* Кто́ э́то напередé-то идёт?

Наперéть, прёт, сов., неперех., безл. *Вырасти в большом количестве, нарасти.* Вон лу́ку-то напе́рло. Хва́тит и на поса́дку весно́й.

Напе́тать, аю, ают, сов., перех. *Надеть с усилием, натянуть.* Ёле напе́тала пла́тье-то, ви́дно, растолсте́ла я.

Напе́таться, аюсь, аются, сов. *Сильно устать, измучиться.* Напе́талась я с карто́шкой-то. Бо́льно мно́го наро́сло сего́д.

Напласта́ться, аюсь, аются, сов. *То же, что напе́таться.* Напла́стался за́ день-то, так и усну́л ра́но.

Наполо́совать, сую, суют, сов., перех. *Побить.* В клубе-то дра́ка была́, так его́ хорошо́ наполо́совали́.

Наполо́хать, аю, ают, сов., перех. *Напугать.* Наполо́хали робя́т-от, топе́рь не усну́т.

Напо́лстить, шу, стят, сов., перех. *Запутать волосы.* Не расчёсывалась с утра́, дак напо́лстила воло́сьё.

Напоро́жнё, нареч. *Без груза, без поклажи.* Маши́на-то напоро́жнё наза́д шла.

Напоро́шить, шу, шат, сов., неперех. *Насорить, напылить.* Ой, ско́лько кро́шок-то на полу́! Кто э́то напоро́шил зде́ся?

Напослед́ках, нареч. *Под конец, в завершении всего, напоследок.* Дава́й напослед́ках посиди́м на доро́жку.

Напузы́риться, рюсь, рятся, сов. *Напиться.* Хорошо́ молока́ напузы́рился, ись не охота́.

На́розь, нареч. *Врозь, отдельно, обособленно.* Мы с роди́телями на́розь живём второ́й год.

Наро́стить, шу, стят, сов., перех. *Вырастить.* Она мно́го наро́стила огуро́цов лони́сь.

Нару́шить, у, ат, сов., перех. 1. *Уничтожить, ликвидировать.* Сосе́ди хозяйство нару́шили и уе́хали в го́род. 2. *Разрушить, привести в негодность, испортить.* Часы́-то внучо́к нару́шил сего́д.

Наряжа́ться, аюсь, аются, несов. *Собираться, готовиться.* У́тром ра́но вну́ки в шко́лу-то наряжа́ются.

Насдева́ть, аю, ают, сов., неперех. *Надеть на себя много одежды.* Наздева́ла все́го на себ́я и пошла́ на рабо́ту.

Насдобить, блю, бят, сов., перех. *Одеть кого-либо*. Насдобила робят и гулеть отправила.

Насосить, шу, сят, сов., перех. *Накормить ребёнка грудью*. Дობро насосила, вот и спит робёнок-то.

Настояще, нареч. *Как следует, должным образом*. Говори настоящее, не мумли.

Настырный, ая, ое. 1. *Настойчивый, упорный*. Она настырная, не отступится, пока не дашь, чего просит. 2. *Сообразительный, сметливый*. Настя настырная, учится хорошо.

Настыть, ну, нут, сов., неперех. 1. *Сильно озябнуть*. Ой, холодно на дворе, я больно настыла. 2. *Простудиться*. Настыла внучка, так топерь вся горячая и лежит.

Насупротив, нареч. 1. *Наперекор*. Она всегда покладистой была, ничего насупротив меня не делала. 2. *Сразу, очень быстро*. Ешь овсяной кисель насупротив, пока не остыл ещё.

Натореть, рею, еют, сов., неперех. *Приобрести опыт*. Марья в тканьё наторела, давно этим занимается-то.

Наторкать, аю, ают, сов., перех. *Положить, налить много чего-либо*. Она мне наторкала целую корзинку огурцов, добрая баба. Полное ведро скленём наторкала воды-то.

Натряпкать, аю, ают, сов., перех. *Намять, давя превратить в мягкую массу*. Натряпкала я тяпушку, иди ешь.

Находкую, нареч. *Торопливо, поспешно, быстро*. Он находкую в магазин-то сбегал.

Нахраповик, нареч. *Пойти спать*. Щей набуждаюсь да и нахраповик.

Нахрястать, аю, ают, сов., перех. *Побить*. Нахрястали ему хорошенько вчера.

Начастую, нареч. *Часто, зачастую*. Он к нам зачастую заходит погулеть.

Начётисто, безл. сказ. *Невыгодно, слишком дорого*. По такой цене молоко-то начётисто покупать будет.

Начищаться, аюсь, аются, несов. *Собираться с особым старанием*. Он каждой вёчер начищается да и в клуб бежит.

Начто, нареч. *Зачем, с какой целью*. Начто тебе новые-то половикі, добры и старые.

Нашарáшить, у, ат, сов., перех. *Налить, насыпать что-либо в большом количестве.* Нашарáшила мне эдакую мýску щей.

Нáшто, мод. слово. *Кажется, предположительно.* Я там жила́ го́да два, нáшто.

Нашо́ркать, аю, ают, сов., перех. *Натереть, намыть.* Кастро́ли-то нашо́ркала вechóр, топе́рь как но́венькиё.

Неба́ско. 1. нареч. *Некрасиво, нехорошо.* Неба́ско ко́фту-то сши́-ли тебе́. 2. Безл. сказ. *Некрасиво, нехорошо.* Неба́ско в избе́-то у них, грязно́ да голо́.

Небаско́й, ая, ое. *Некрасивый, неважный с виду.* Небаские дома́-то в той дере́вне, все ста́рые.

Неваро́вый, ая, ое. 1. *Неловкий, нерасторопный.* Во́т ведь, не-варо́вая, печь растопи́ть не мо́жешь. Дай, я тебе́ покажу́. 2. *Просто-душный, бесхитростный.* Да, па́рень неваро́вой, вот его и обману́ли онí.

Невкру́те, нареч. *Не сразу, небыстро.* Невкру́те решáй, а то ошиби́ться мо́жно ведь.

Невра́з, нареч. *Некстати, не вовремя.* Може́т я невра́з к вам пришла́?

Негора́здый, ая, ое. *Неспособный, неумелый.* Негора́здая я пра́сть. Лу́чше попроси́ Аня́ту.

Недокуми́ть, млю, мят, сов., неперех. *Недодумать, не дога-даться.* Недокуми́ла вчера́сь за тобо́й посла́ть, а топе́рь по́здно уж.

Недоку́нок, нка, м. Экспр. *Человек маленького роста, умствен-но отсталый, недоразвитый.* Что ты связа́лась-то с нím, он же недоку́нок. Роба́та-то у них всё недоку́нками вы́росли.

Недочу́ять, чу́ю, чу́ют, несов., неперех. *Плохо слушать, недо-слышать.* Недочу́яла я, отку́дова вы пришл́и.

Незаянто́й, ая, ое. *Не имеющий поклонника, любимого человека.* Он па́рень незна́нто́й, ни с кём не дру́жит.

Неко́лько, нареч. *Совсем.* Неко́лько не на́до мне де́нег. Я и так проживу́.

Нела́дно, нареч. 1. *Неправильно, неверно, ошибочно.* Нела́дно она тебе́ рассказы́вает скáзку. 2. *Нехорошо, не так, как следует.* Ой, нела́дно ты запряга́ешь! 3. Безл. в знач. сказ. *О чувстве недо-вольства, неудовлетворения чем-либо.* Ко́ли тебе́ нела́дно зде́ся, дак уезжа́й.

Неладом, нареч. 1. *Плохо, не как следует.* Ты положила сено-то неладом. 2. *Очень громко.* Что ты заголосила-то неладом!

Нелюббй, ая, ое. *Не нравящийся, не отвечающий каким-либо требованиям.* Мне этот парень нелюббй, я с ним и говорить-то не хочу даже.

Немтырь, я, м. *Человек, лишенный способности говорить, немой.* Немтырь в той избе живёт.

Немтыря, и, м. и ж. *Человек, невнятно говорящий.* Вот ведь немтыря какая, ты! Ничего не пойму, что говоришь мне.

Неодинова, нареч. *Неоднократно, много раз.* Неодинова там бывала я, на Копосихе-то.

Непочто, нареч. *Незачем, нет надобности, не нужно.* Непочто и ходить к ним, коли болеет так.

Неражий, ая, ее. 1. *Нехороший, плохой.* Неражая девка-то растёт, с маткой ругается. 2. *Некрасивый.* Родители-то у неё неражие были, а девка красивая. 3. *Болезненный, слабый здоровьем.* Неражий робёнок, всё болеёт.

Неслух, а, м. и ж. *Непослушный ребёнок.* Вот ведь неслух! Опеть убежала на двор.

Несолоший, ая, ее. *Прихотливый, разборчивый в еде, имеющий плохой аппетит.* И то и это не ест – парень несолоший у нас.

Нётока, безл. в знач. сказ. *Нет.* Нётока у меня муки, не буду печь пироги.

Нетолсто, нареч. *Немного, мало.* Нетолсто у меня сметаны-то, что тут делать.

Нётга, попр. част. *Со значением предположения. Неужели.* Нётга ты будешь ему уступать? Нётга ты заболела?

Нёне, **Нёнеча**, **Нёнечи**, нареч. *В настоящее время, теперь, ныне.* Нёне работать пошёл в колхоз. Нёнеча я болею всё. Нёнечи он школу закончил.

Норовить, влю, вят, несов., неперех. *Угождать.* Добро с Анной жили. Норовили друг дружке.

Носовик, а, м. *Носовой платок.* Возьми носовик-от, положи в карман.

Нохря, и, м. и ж. *Человек, говорящий с неприятным носовым призвуком в голосе.* На носовик, высморкайся, нохря!

Нóхрять, рю, рят, несов., неперех. *Говорить с неприятным носовым призвуком в голосе.* Чтó это ты нóхряешь!

Ночёсь, нареч. *Прошедшей ночью.* Ночёсь я совсём не спала, ўтром только усну́ла.

О

Обвертёнька, и, ж. *Узкая одежда, обтягивающая фигуру.* По-чтó эдакую обвертёньку-то наделá? Другіх юбок нет, чтó ли?

Обворіть, рю, рят, сов., перех. *Оговорить, обвинить в воровстве.* Вот как обідно-то – она меня обворіла вчерáсь.

Обдергúшка, и, ж. *Короткая, узкая одежда, обычно меньшего, чем надо, размера.* Почтó купіла эдакую обдергúшку? Не жáлко денег-то?

Оболокáть, áю, áют, несов., перех. *Надевать что-либо.* Фуфáйку оболокáй, хóлодно на дворé.

Оболоко, а, ср. *Облако, туча.* Мотрі, какóе óболоко-то с рекі идёт!

Оболóчка, и, ж. *Одежда.* А хозяйка былá тák себе: не дáст ни обúтки, ни оболóчки – иді снег выметáй на мостý.

Обрадéть, дéю, дéют, сов., неперех. *Обрадоваться.* Как он обрадёл, как домóй-то вернúлся.

Обрáта, ы, ж. *Обезжиренное молоко после сепаратора.* Ведрó обрáты скотіне принеслá. Кудá вылить-то?

Обрáть, оберú, оберúт, сов., перех. 1. *Унести, удалить, поместив куда-либо.* Обері сáхар в шкáп. 2. *Отобрать, отнять.* Обéри у ребёнка нóжик-то.

Обрípсаться, аюсь, аются, сов. *Обтрепаться.* У юбки-то подóл уже обрípсался совсём.

Обрядіть, жú, дят, сов., перех. *Выполнить работу по хозяйству.* Пришлá со двора, обряділа скотіну.

Обрядіться, жúсь, дятся, сов. *Выполнить ежедневные домашние работы.* Я пéчь протопіла, обряділась и побежáла на робóту.

Обúтка, и, ж. *Обувь.* Обúтки-то у меня в войнú совсём нé было хоро́шой.

Обшахнúть, нú, нúт, сов. *Обойти, обогнуть что-либо.* Обшахні лúжу-то.

Овтёрник, а, м. *Вторник*. Овтёрник завтра, значит дочка приедет.

Огузок, зка, м. *Остаток*. Вот остался огузок от материи, возьми себе.

Одежить, у, жат, сов., перех. *Укрыть*. Застыла, одежды меня ватным одеялом.

Одинова, нареч. *Один раз, однажды*. Я только одинова в городе была. Одинова он ко мне приезжал, боле я его не видела.

Одновá, нареч. *Как-то раз, однажды*. Одновá он и рассказal мне о своей молодости.

Оклема́ться, áюсь, áются, сов. *Поправиться после болезни*. Батько помаленьку оклема́лся после операции-то.

Окова́лок, лка, м. *Большой кусок чего-либо*. Мне достался большой окова́лок свинины.

Ококовéть, ёю, ёют, несов., неперех. *Сильно озябнуть*. Ококовéла совсём на ветру-то. Полоскала бельё в проруби, так руки-те околели совсём.

Околева́ть, áю, áют, несов., неперех. *Страдать от холода, мёрзнуть*. Чтó ты околева́ешь тут, топí пéчи-то.

Околону́ть, ну́, нут, сов., перех. *Отряхнуть*. Околони́ вáленки-то да вíником обмети́.

Околупáть, áю, áют, сов., перех. *Ковыряя, отодрать, испортить*. Весь батон околупáла, пока от магазина неслá.

Окомёлок, лка, м. *Старый осыпавшийся веник*. Окомёлок-то в углу́ стои́т, возьми́.

Окорёнковатый, ая, ое. *Ширкий в плечах человек небольшого роста*. Парень-то у неё окорёнковатый, а на лицо баской.

Окорна́ть, áю, áют, сов., перех. 1. *Коротко остричь*. Окорна́ла косу́ поштó? Топéрь ходи́ лохмáтая. 2. *Сделать короче, чем следует, слишком укоротить*. Совсём окорна́ла юбку-то, испóртила ведь!

Окоси́ть, шу́, сят, сов., перех. *Скосить, выкосить*. В за́городе я всю траву́ окоси́ла.

Окочу́риться, рюсь, рятся, сов. *Умереть*. Без карто́шки-то как жить? Окочу́ришься!

Окошѣливаться, аюсь, аются, несов. *Медленно собираться.* Хвѣтит окошѣливаться-то! Пошли. // *Работать медленно, с трудом.* Что он там окошѣливается, порѣ уж кончѣть косить.

Окраѣк, окрайка, м. *Край леса, опушка.* По окрайку иди, там землянки много растѣт.

Окрасить, шу, сят, сов., перех. *Выкрасить, покрасить.* Собирались лѣтось окрасить дѣм-от, да ничего не вышло.

Окружаться, аюсь, аются, сов. *Сбиться с дороги, отклониться от правильного пути.* Бродила долго по лесу, пока не допѣрло: ведь я окрѣжалась совсѣм.

Окусок, ска, м. *Огрызок, обѣдок.* Анѣта окуски по двѣрам собирала в голѣдные-то гѣды.

Окутать, аю, ают, сов., перех. *Укрыть.* Укутали одеялом, он и заснул.

Окутывать, аю, ают, несов., перех. *Закрывать плотно, со всех сторон; укрывать.* Я окутывалась в одеяло поплотнѣе, Так холодно нѣ было.

Ондрѣц, ѣ, м. *Двухколѣсная повозка с деревянными решѣтками спереди и сзади для перевозки сена, снопов и т.д.* Наломали вѣников, положили на ондрѣц и привезли дѣмѣй.

Опазгѣть, аю, ают, сов., перех. 1. *Оборвать.* Робѣята все яблоки опазгѣли в саду. 2. *Слишком коротко обрезать волосы, остричь.* Нѣрка ей волѣсьѣ и опазгѣла. Да как коротко-то!

Опариться, рюсь, рятся, сов. *Вспотеть.* Опарилась я у тебѣ, больно сильно ты пѣчку натопила.

Опахнуть, ну, нут. сов., перех. *Сметая, удалить сор, пыль, снег и т. д. с поверхности чего-либо; вымести, обмести, обтереть.* Она первѣ обрядилась, потѣм пол опახнула в избѣ.

Опершѣть, 1 и 2 л. не употр., ают, сов., неперех. *Облуниться, покрыться перхотью.* Вся голова у меня опершѣла от ѣтого мыла.

Опехѣть, аю, ают, сов., перех. *Поместить небрежно, запихать во что-либо.* Почтѣ комком-то опехѣла бельѣ в комѣд, ведь как жѣванное будѣт топѣря.

Опинѣться, аюсь, аются, сов. *Поправляться от болезни, выздоравливать.* Дѣмала конѣц, но ничего. Опиналась помѣлу.

Опичкать, аю, ают, сов., перех. *Запачкать.* Ой, все штаны опичкал на вѣлике.

Оплёхтать, аю, ают, сов., перех. *Забрызгать грязью или водой; замочить*. Оплёхтала подол-от у платья.

Опёйца, ы, м. и ж. *Пьяница*. Навязался на мою голову, опёйца. От этой опёйцы ничего, кроме вреда, не жди!

Ополдень и ополдён нареч. *В середине дня, в полдень*. Петро только ополдён домой вернулся.

Опёрок, рка, м., об. мн. **опёрки**, мн. *Изношенная обувь*. Он надел опёрки да побежал на двор.

Опоёска, и, ж. *Пояс*. Незабудь опояску-то надеть.

Опрётъ, ёю, ёют, сов., неперех. *Вспотеть*. Вся опрела, пока мешок донёсла.

Опушка, и, ж, *Подогнутая и подшитая верхняя часть брюк, юбки*. Опушка-то обрѣпсалась у брюк, надо заменить.

Осадить, жу́, дят, сов., перех. *Сердитой репликой удержатъ от какого-либо действия, поступка*. Он было начал этот анекдот рассказывать, так я его разом осадил.

Осенёсе, **Осенёсь** и **Осенёся**, нареч. **1.** *Осенью*. Осенёсь внучка в школу пойдёт. **2.** *Прошлой осенью*. Осенёся много картошки напали с этого поля.

Осердиться, жу́сь, дятся, сов. *Рассердиться*. Суседка было на меня осердилась, что мой куры в её загороде лезут.

Осѣнка, и, ж. *Дикая яблоня и её горьковатые, но не кислые яблоки*. У них в саду одна осѣнка растёт, хороших яблоней нет. Перемороженная осѣнка сделалась сладкой.

Осклизлый, ая. ое. **1.** *Гладкий, не создающий трения, скользкий (о поверхности)*. Дорога-то какая осклизлая стала, еле я дошла до избы. **2.** *Испорченный*. Мясо-то уже осклизлое, выбрось.

Осклизнуть, ну, нут, сов., неперех. *Стать гладким, не создающим трения, скользким*. Как осклизнет крыльцо, так ты его потюкай лопатой-то.

Оскырать, аю, ают, сов., перех. *Соскоблить*. Оскырай сковородку-то да помой потом.

Оскырки, мн., ов. *Остатки чего-либо, соскобленные со стенок, со дна какого-либо сосуда*. Оскырки-то выброси скоту в лохань.

Освободить, жу́, дят, сов., перех. *Предоставить возможность не делать что-либо, не подвергаться чему-либо, освободить*. Нет, дѣвка, освободи меня, не пойду у них просить.

Оснимать, аю, ают, сов., перех. *Обокрасть*. Юрка шёл поздно вечером, его и оснимали хулиганьё.

Осолить, лю, лят, сов., перех. и неперех. Перех. *Засолить впрок (мясо, грибы, огурцы и пр.)*. Грибы очисти, вымой да осолить покроче.

Остаметь, ёю, ёют, сов., неперех. 1. *Утратить подвижность, гибкость, онеметь*. Топёря, как подболе посижу за шитьём, так ноги и остамеют. 2. *Стать неподвижным, оцепенеть (от горя, смущения, замешательства и т. п.)*. Што остамела – принимай гостей!

Остыть, стыну, стынут, сов., неперех. *Простудиться*. В лисе остыл, топёря кашляется больно.

Осунуться, нусь, нутся, сов. *Немного отдохнуть (от ходьбы, работы и т. п.)*. Пришла со двора, надо обряжаться. Осунуться не успела, как опеть на двор надо бежать.

Осуягниться, 1 и 2 л. не употр., нятся, сов. *Обьягниться (об овце)*. Веснётся эта овца осуягнилась. Тройх принесла.

Отбухать, аю, ают, сов., неперех. *Отработать, проработать в течение длительного времени*. Три месяца отбухали в лисе робята мои.

Отвёртка, и, ж. *Ответвление дороги*. Идётся по той вон отвёртке и прямо к лесу выйдетё.

Отводок, дка, м. *Калитка в изгороди, которой обнесена усадьба или огород*. Вчерась отводок забыли закрыть, дак чужие козы и забежали во двор.

Отводиться, жусь, дятся, сов. 1. *Привести в чувство*. До того угорела я вчерась, что еле со мной отводились. 2. *Вылечить, заботливым уходом помочь выздороветь*. С Сашкой отводились, поправился он у нас. 3. *Перестать, прекратить нянчиться*. Я со своими робятами отводилась, так топёр лёгче стало.

Отво́лгнуть, 1 и 2 л. не употр., гнут, сов., неперех. *Стать влажный, отсыреть*. В сарае все стёны отво́лгли.

Отдушина, ы, ж. *Небольшое отверстие на лицевой стороне русской печи, в которое вставляют самоварную трубу*. Где у вас отдушина-то?

Отелёпок, пка, м. *Здоровый, но толстый и вялый ребёнок*. Ой ты мой отелёпок родной!

Отерёховатый, ая, ое. *Шершавый*. После полоскания руки-то стали какие отерёховатые. Надо смазать кремом.

Откúтать, аю, ают. сов. и несов., перех. *Открыть, отворить*. Откúтай дверь-то, пусть заходит.

Отлёт, а. 1. м. *Смелый, дерзкий, отчаянный человек, хулиган*. От этого отлёта не жди добра. Не он ли и стекла-то побил? 2. м. и ж. *Очень быстрый, шустрый человек*. Во отлёт! Уже и назад из магазина примчалась!

Отмякать, аю ают, сов., перех. *Побить*. За спички я тебя отмякаю хорошёнько!

Отпазгáть, áю, áют, сов., перех. 1. *Побить*. Его бáтько вчера отпазгáл за эти дела. 2. *Отстричь*. Отпазгáла дéвка косы. А пошто! Што сýпарень стала!

Отпéтаться, аюсь, аются, сов. *Закончить тяжёлую работу, причиняющую мучения*. Отпéтались в лiсе, топéрь и на печй мóжно погрéться.

Отстúкать, аю, ают, сов., неперех. *Провести какое-то время в каком-либо состоянии, чем-либо занимаясь*. Отстúкала я в колхóзе рóвно сóрок годóв.

Отступíться, плёсь, пятся, сов. 1. *Прекратить, перестать делать что-либо*. Отступíлись топéря плясáть с частúшками. Все под мýзыку танцúют. 2. *Оставить в покое, не трогать кого-либо, что-либо*. Отступись ты от меня, балабóлка!

Отчебúчить, чу, чат, сов., перех. и неперех. 1. Неперех. *Лихо отплясать*. Воно как она в клúбе-то отчебúчивала! 2. Перех. *Побить*. Бáтько вернётся так отчебúчит тебя. 3. Перех. *Совершить, проделать что-либо неожиданное, необычное*. Ну ты и отчебúчила! Не ожида́л от тебя тако́го.

Отшатíться, чúсь, тятся, сов. 1. *Отступить, отойти в сторону, посторониться*. Отшатись-ко в сторóнку, дай пройти.

Отýлый, ая, ое. *Толстый, располневший*. Лицó-то всё отýлое стало у неё, после болезни-то.

Отымáлка, и, ж. *Тряпка для подхватывания горячих горшков и т. п., прихватка*. Дáй-ко отымáлку, а то горячó.

Охватíть, чú, тят, сов., перех. *Вымыть, ополоснуть*. Иди к рукомóйнику, охвати лицó холо́дной водо́й. Полегчаёт, мóжет.

Охватиться, чусь, тятся, сов. *Опомниться, спохватиться*. В́ышла из изб́ы, охвати́лась, а кошелька́-то и нѐт.

Охлёбки, ков, мн. *Остатки, объедки какого-л. жидкого кушанья*. Не ста́ну твой охлёбки доеда́ть.

Охолодиться, жу́сь, дятся, сов. *Прохладиться, освежиться*. Спусти́лась к ре́чке. Да́й, ду́маю, охоложу́сь ма́ленько.

Очи́стить, шу, стят, сов., перех. *Съесть*. Ду́мала на три́ дни хва́тит, а о́ни за́ день всё очи́стили.

Оша́рить, рю, рят, сов., перех. *Ощупывая, найти, отыскать*. Те́мно, оша́рила я спи́чки и зажгла́ ла́мпу-то.

Ошо́ркать, аю, ают, сов., перех. *Обтереть, очистить от грязи, снега*. Я ва́ленки-то ви́ником ошо́ркала, топе́рь не наслежу́ у теб́я на полу́-то.

Ошу́рки, ро́к и рко́в, мн. *Шварки*. Ешь вон карто́шку с ошу́рками.

П

Па́данец, льца, м. *Опавший на землю плод*. Па́данца насобира́й для коро́вы.

Падóг, а́, м. *Палка*. Я без падога́ топе́ря не хожу́.

Пазгану́ть ну́, нут, сов., перех. *Сильно, резко ударить*. Уходи́! А то сеча́с как пазгану́ теб́я.

Пазгану́ться, ну́сь, нутся, сов. 1. *Сильно удариться*. Пазгану́лась голово́й об сте́нку она́, вот и реве́т. 2. *Непроизвольным движением резко опуститься, упасть*. И шла́-то я ме́дленно, а всё равно́ пазгану́лась у дома́.

Пазга́ть, аю, ают, несов., перех. и неперех. 1. Перех. *Делать что-либо с силой, с особой интенсивностью*. А она́ дава́й пазга́ть – по́лы мы́ть, всё убира́ть. 2. Перех. *Бить, сечь, пороть*. Смотри́, домо́й верне́шься – ба́тько пазга́ть бу́дет. 3. Перех. *Бить, колотить*. Я полошу́ бельё, а она́ ва́льком пазга́ет. 4. Перех. *Азартно, энергично косить*. Вон он как пазга́ет-то, всю траву́ ско́сит к обе́ду. 5. Неперех. *Быстро ехать, передвигаться*. Смотрю́, а он уж к магази́ну пазга́ет. 6. Неперех. *Сильно, интенсивно гореть*. Ого́нь-от пазга́ет, люди́-те кри́ком крича́т.

Пазга́ться, аюсь, аются, несов. 1. *Драться*. Робя́та опе́ть пазга́ются на дво́ре. 2. *Руга́ться*. Вчера́ сосе́дки пазга́лись на у́лице.

Пазгну́ть, ну и ну, нут и нут, сов., перех. *Хлестну́ть, стегну́ть, ударить*. Ло́шадь пазгну́л и уе́хал.

Пазуха, и, ж. *Подмышка*. Поста́вь гра́дусник-то под па́зуху.

Пай, я, м. 1. *Часть иму́щества, которая передается наследнику после смерти отца*. Он сво́й па́й получи́л после сме́рти тя́ти. 2. *Участок покоса, выделенный крестьянину из общего колхозного фонда*. На́ш-от па́й у ле́су бы́л, там и коси́ли.

Па́кля, и, ж. Экспр. *Рука*. Убери́ сво́й па́кли!

Па́кли, мн., клей. Бран. *Волосы*. Па́кли распусти́ла, причеши́сь хоть.

Па́полза, ы, м. и ж. *Человек, который мало находится дома, любит ходить по гостям*. Вот ве́дь па́полза! Все́ по гостя́м брё́дит, и до́ма не си́дит никогда́.

Па́рень: ◇ **Старый па́рень**. *Немолодой мужчина, не вступавший в брачные отношения*. А вот старшо́й брат у них ста́рый па́рень. Не же́нивался срóду.

Па́рко, безл. в знач. сказ. *Душно, знойно (при высокой влажности воздуха)*. Как в избе́-то ста́ло па́рко! Приоткро́й дво́рей-то.

Парне́к, а, м. 1. *Мальчик (ребенок, подросток)*. Пошли́ парне́ка-то ко мне. Я е́му кни́жку дам почи́тать. 2. *Молодой человек, юноша*. Вы парне́ки по́здо пришли́. Все де́ушки на́ши в клуб у́шли уж.

Парне́чий, чья, чьё. *Относящийся к парню, принадлежащий парню*. У неё и пова́дки-то все парне́чьи. Вот ве́дь су́парень!

Парни́шко, а, м. *Мальчик (ребенок, подросток)*. А мо́й парни́шко во второ́й класс поше́л уж.

Парови́то, безл. в знач. сказ. *Душно, знойно (при высокой влажности воздуха)*. Как парови́то на у́лице-то после дождя́.

Пастуши́ха, и, ж. *Женщина-пастух, пастушка*. Нью́ра-пастуши́ха уже ста́до пригна́ла в дере́вню.

Пасть, ду́, ду́т, сов., неперех. 1. *Упасть*. Ой, как я па́ла-то у крыльца́! 2. *Разрушиться, изломаться*. Сара́йка-то па́ла, на́до но́вую де́лать. 3. *Лишиться сил. Ослабнуть*. Ох, совсе́м я но́не па́ла. Ниче́го не могу́ де́лать! ◇ **На у́м паде́т (па́ло)**. *Вспомниться, прийти на ум*. Вот и па́ло мне на у́м, как я молода́я-то сюда́ прие́хала жи́ть.

Патарáчина, ы, ж. *Кол, палка*. Вот возьмѹ патарáчину да отхлѣшу, как слѣдует!

Пáтрать, аю, ают, несов., перех. *Делать грязным, пачкать*. Он бѣстро одѣжу-то пáтраёт. Рабóта тáкая у негó грязная.

Патрáшить, шу шат, несов., перех. 1. *Делать что-либо не так, как надо*. Патрáшила пироги она́ вѣчно. Не умѣла их пѣчь. 2. *Проказничать, хулиганить*. Нáдо пойти посмотри́ть, не патрашйт ли он чегó на повѣйти. Ох ты, пашёнок, опѣть чегó-то напатрáшил!

Пáужинать и пáужнать, аю, ают, несов., неперех. *Принимать пищу, есть в промежутке между обедом и ужином, полдничать*. Садѣсь пáужнать с нáми. Вон и самовáр уже кипѣт. Я ужѣ пáужина-ла сѣнни.

Пáужна, ы, ж. *Прием пищи между обедом и ужином, полдник*. В пáужну она́ нам пироги́ вѣставила – налитúшки.

Паўт, а, м. *Паук*. Дѣло к óсени. Вон паутóв сколь мнóго развелóся.

Пахнúть, нѣт, безл. глаг. 1. *Быть похожим на кого-либо, напоминать кого-либо*. Как посмотри́ю на неѣ, так на Настасьё и пахнѣт. 2. *Случайно прийти в голову*. А мнѣ-то пахнúло, что он мне вернúл, а он-то и не вернúл, оказывается.

Пахорúкий, ая, ое. 1. *Больной, слабый, дефектный (о руке)*. Она́ ведь пахорúкая родилáсь. От рождѣния инвалид. 2. *Неловкий, неумелый в работе, такой, у которого все валится из рук*. Ну ты и пахорúкая, Вáлька, ничегó-то у тебя не получилóсь.

Пашёнок, нка, м., мн. **пашáта**. 1. *Дитя, ребенок*. Пашáта все нá печь забралѣсь. 2. Об. в обращ. Бранн. *Негодный, дрянной ребёнок*. Ох ты, пашёнок, опѣть чегó-то напатрáшил!

Первá, первяе, нареч. 1. *Сначала, прежде всего, в первую очередь*. Ты первяе вóду грѣть постáвь в пѣчь. 2. *Первое время, первоначально*. Первá-то они́ добрó жили. 3. предл. *Прежде кого-либо, опередив кого-либо*. Кóля первяе Мáши свой пáй скосыл.

Первó, нареч. *Первое время, первоначально*. Первó жилá и мáло чегó дѣлала по дóму, а поболé стáла – побóле и спрос.

Переболокáться, кáю, кáют, несов., перех. *Сняв с себя одну одежду, надевать другую*. Переболокáйся, умывáйся да иди́ к столú.

Перевѣдать, аю, ают, сов., перех. *Разузнать*. Перевѣдала бáбушка об éтом и рассердѣлась на Анѣоту.

Перевод, а, м. *Балка, служащая опорой пола, потолка или поладей.* До того доплясали, думала переводы лопнут.

Перегонашивать, ваюсь, ваются, несов. *Заниматься перепродажей чего-либо.* Он перегонашивался – шпикулировал скотом-то.

Перекувыльнуться, нусь, нутся, сов. *Перекувыркнуться.* Давай, Саша, перекувыльнись ещё разок.

Перемудить, лю, лят, сов., перех. *Перемешать, перепутать.* Что ты там шаборишь в шкафу. Перемудилшь всё опять.

Перехотеться, чется, сов., безл. *Очень захотеться.* Уж больно ей перехотелось замуж-то идти. Не перехотелось, а нужда заставила.

Перечетыживать, аю, ают, несов., перех. *Пересказывая, повторая с насмешкой, передразнивать, пересмеивать.* Хватит вам перечетыживать-то его. Сами-то хороши!

Пестёрь, я, м. 1. *Большая плетёная заплечная корзина для переноски тяжестей (сена, соломы, мха, травы).* Она с пестерём пошла за травой. 2. *Перен. Толстый, неловкий, неуклюжий человек.* Его все пестерём звали. Больно толстой был.

Песьяк, а, м. *Ячмень на глазу.* У Петра на глазу песьяк вскочил.

Пётаться, аюсь, аются, несов. 1. *Тяжело, с усилием работать.* С утра пёталась на картошке, потом дома обряжалась. 2. *Заниматься делом, доставляющим много хлопот; возиться.* С Олиными робятами пёталась два года, а топерь в садик пошёл.

Пехать, аю, ают, несов., перех. 1. *Толкая, заставлять перемещаться куда-либо.* Пехай тачку-то, не стой! 2. *Засовывать, заталкивать, класть.* Куда пехала полотёнце, не помню. 3. *Перен. Заставлять делать что-либо.* Кто тебя туда пехал, сам захотел бригадиром быть.

Плáха, и, ж. *Приусадебный участок земли.* У меня плáха большая, так картошки много наростила сегод.

Пова́да, ы, ж. *Нежелательная привычка, манера.* Вот ведь повада кака́я у неё была: ребёнка на меня бросит, а сама убежит гулеть. У меня и повады не было вино́ пить, скро́мная у ма́тки была.

Поголодова́ть, дую, дуют, несов., неперех. *Поголодать.* Ой и поголодовали мы в молодости.

Поддёргивать, ваю, вают, несов., неперех. *Спорить, насмехаться.* Не поддёргивай! На поддёргушку не купишь красную телушку, а пёструю, и то бесхвостую.

Подёткаться, аюсь, аются, сов. *Понянчиться.* Подёткалась я одна-то с робятами.

Поды́збица, ы, ж. *Отдельная тёплая постройка для скота.* Поставила я нетёлочку в подызбицу и порádовалась: обзавелась своей животинкой.

Пóздо, нареч. *Поздно.* Батько-то изметéлит тебя, коли пóздо придёшь.

Покó, нареч. *Зачем, с какой целью, почему.* Покó ты не сказала мне?

Пóлый, ая, ое. *Раздетый, неодетый.* Чего на дворе пóлая дрыгаешь, иди в íзбу-то.

Польцó, á, ср. *Луг, расположенный вблизи деревни.* А Трояна я уже самостоятельно отводил (верхом) на привязь в польцó.

Прина́хривать, ваю, вают, несов., неперех. *Говорит с неприятным носовым призвуком..* Брат мой Матвёй пришёл к нему́ и спрашивает: «Где муку́-то взял?» А он отвечает и как всегда прина́хривает: «Где... На пристанé».

Притугáнить, ню, нят, сов., перех. *Принести.* Вывели его́ всё-таки на чистую воду. Он муку́-то наза́д к нам и притугáнил.

Прочúхаться, аюсь, аются, сов. 1. *Очнуться, прийти в себя.* Ра́но вста́ла сёдни, так ёле прочúхалась. 2. *Сделать какое-либо дело с большим опозданием.* Прочúхалась с обéдом до двена́дцати. Чтó уж и наготóвила она́.

Прошалáндаться, аюсь, сов. *Провести врем, попусту, делая что-то без видимого результата.* Прошалáндалась всё ўтро, а и чтó сделала, назывáется.

Р

Разáться, áюсь, áются, несов. *Быстро бегать, носиться.* Пóлно разáться-то, посидите́ споко́йно. Не всё бéгать.

Разболокáться, áюсь, áются, несов. *Раздеваться.* Разболокáйся, проходи́. С на́ми дава́й чаёвничать.

Разварзяться, аюсь, аются, сов. *Закончить работу, справиться с работой*. Разварзались мы с картошкой. Топерь осталось капусту снеть.

Развэдреть, еет, сов., неперех, безл. *Установиться ясной погоде*. Вчера развэдрело, так и сено добро подсохло.

Редкобай, я, м. *Человек с неторопливой, медленной речью*. Степан был у нас редкобай. Так медленно говорил. Говорйт, говорйт, да ещё и помолчит.

Ремённая, ы, ж. *Ремень*. У него робята боятся ремённой, а наши так знают, что не попадёт.

Ретивый, ая, ое. *Торопливый, нетерпеливый*. У неё с руки разёлка. Дёвка ретивая!

Раскливить, влю, вят, сов., перех. *Доводить до слёз, обижая или дразня*. Почто раскливила робят? Оно как ревут!

Разрумянеть, ёю, ёют, сов., неперех. *Разрумяниться*. Смотри, как она за чаем-то разрумянела.

Рассупониться, нюсь, нятся, сов. 1. 1 лицо не употр. *Развязаться (о шнурах на хомуте)*. Хомут-от рассупонился, поправь. 2. Перен. *Растегнуть на себе одежду*. Подожди, девка, сначала рассупонюсь, а потом и скажу.

Рассусоливать, аю, ают, несов., неперех. *Увлекаться разговором*. Любит сестрица рассусоливать-то.

Растабанивать, аю, ают, несов, неперех. *Долго разговаривать*. Ну, почнут сейчас растабанивать, так не уймёшь.

Растатуривать, аю, ают, несов., неперех. *Рассказывать не спеша, забывая о деле*. Пока растатуривала, и корова убежала.

Растатуры: ♦ **Растатуры разводить**. *Рассказывать не спеша, забывая о деле*. Любит она растатуры-то разводить, болтушка.

Растуркать, аю, ают, сов., перех. *Заставить проснуться, разбудить*. Насилу растуркала, вот как спал.

Растышкать, аю, ают, сов., перех. *Заставить проснуться, разбудить*. Я его рано растышкала, да и в лес отправила.

Расхлэйтись, чусь, тятся, сов. *Расстегать волосы*. Причешись, ишь как расхлэтилась-то.

Расщеперить, рю, рят, сов., перех. 1. *Раздвинуть, расставить*. Руки-то впотьмах расщеперила да так и шла. 2. *Раскрыть широко, вытаращить (о глазах)*. Чо глаз-то расщеперила, али неправда?

Рачегла́зый, ая, ое. 1. *Имеющий большие, широко открытые глаза.* Ива́н-то в ко́го рачегла́зый тако́й? 2. *Всё замечающий, внимательный.* Э́та рачегла́зая всё уви́дит: что на́до и что не на́до.

Ребѣ́тница, ы, ж. 1. *Многодетная женщ́ина.* Ра́ньше в дере́внях-то ка́ждая ба́ба была́ ребѣ́тница. К-Г. 2. *Девушка, которая любит общаться с молодыми парнями.* Э́та де́вка – ребѣ́тница, всё с парня́ми кру́тится.

Рукосу́еватый, ая, ое. *Трогающий руками то, что ему не следует трогать.* До че́го па́рень рукосу́еватый ро́стёт, вездѣ ле́зет, куда́ не про́сят.

С

Са́деть, 1 и 2 л. не употр., еют, несов., неперех. *Боле́ть, садне́ть от царапин, ссадин.* Кружо́вник соби́ра́ла, так все па́льцы наколо́ла. Топѣ́рь са́деют.

Самоп́рялка, и, ж. *Прялка, приспособление для ручного пряде́ния, приводимое в дви́жение ножной педа́лью.* На́до доста́ть самоп́рялку, бу́ду ше́рсть прѣ́сть да носки́ и рукави́цы вяза́ть.

Сберди́т, дю, ят, сов., перех. и неперех. 1. *Перех. Взять без спроса, украсть.* Она моѐ ведро сбѣ́рдила вче́рась. 2. *Неперех. Сойти с ума, помешаться.* Да что она сбѣ́рдила, что ли? Корóве ве́дь э́ту траву́ не даю́т!

Сби́ть: ◇ **Сби́ть с панталы́ку.** *Сбить с верного пути.* Чтó ты па́рня с панталы́ку-то сбива́ешь! Пу́сть да́льше у́чится. Ты ме́ня с панталы́ку не со́бьешь. Я зна́ю, как на́до де́лать.

Сбру́я, и, ж. *Одежда.* Сними́ сбру́ю-то да наде́нь чи́стое.

Сбу́рдать, аю, ают. *Съесть что-либо жидкое.* Сбу́рдала весь суп без хлѣ́ба. Ви́дно, ись не захоте́ла.

Сбу́рови́ть, влю, вят, сов., перех. *Сместить, сдвинуть.* Всю по́стѣлю сбуро́вила, верту́шка э́кая!

Сварза́ть, аю, ают, сов., перех. *Шалостями или неосторожностью навести беспорядок, набе́докурить.* Гле́нь-ко, что тво́й-то сварза́л! Вот санапа́л!

Сви́рзать, аю, ают, сов., перех. *Сделать что-либо своими руками.* Вот сви́рзала тебе́ рукави́цы, носи́ топѣ́ря.

Сгу́зать, аю, ают, сов., неперех. 1. *Испугаться, струсить*. Чевó ты, дéвка, сгу́зала? Не бо́йся её. Это нáша соба́ка. 2. *Испугавшись, передумать, отказаться от ранее принятого решения*. Реши́ла Ни́на коро́ву-то продава́ть, а потóм и сгу́зала. Жа́лко ведь!

Сего́д, нареч. *Нынче, в этот год*. У меня́ пла́ха большáя, так карто́шки мно́го наро́стила сего́д.

Се́ра: ◇ **Се́ра липу́чая**. Неодобр. *Настырный, назойливый, надоедливый человек*. Отста́нь ты от меня́, се́ра липу́чая. Не проси́, не куплю́.

Серёдка, и, ж. *Середина*. Как spáть ложимся, так А́нка в серёдку между на́ми забира́ется.

Сде́лать, аю, ают, сов., неперех. *Наворожить*. Говоря́т, ей сде́лали, так она́ и боле́ет. // **Сде́лано**, кр. страд. прич. в безл. употребл. Сде́лано, так и разошл́ись.

Се́стошь, 1. Неопр. числ. Летóсь се́стошь я́год-то она́ наноси́ла. Се́стошь ска́зок то она́ нам наговори́ла. 2. Нареч. *Так много, столько*. Се́стошь прошлá, так улома́лась. Се́стошь прореве́ла, глупая. А заче́м спра́шивается?

Си́ченик, а, м. *Сочень*. Напеки́ си́чеников с капу́стой. Се́дни си́чеников влю́бе поёла.

Скленём, нареч. *До самых краёв, доверху, полно*. Ой, ве́дра-ти скленём нали́ла и та́шшыт! Ве́дь надса́дишься!

Склизко́й, ая, бе. 1. *Не создающий трения, такой, на котором трудно удержаться; скользкий*. Доро́га-то была́ слизка́я, гололе́д, вот я и упáла. 2. *Такой, который скользит, выскальзывает, который трудно схватить, удержать*. Грибы́-то слизкие́, ви́лкой тру́дно подде́ть. 3. *Испорченный (о мясе и других продуктах питания)*. Ой, капу́ста-то уже слизка́я ста́ла. Мясо слизко́е уже́, нельзя́ ись.

Скрыва́ть, аю, ают, несов., перех. *Закрывать трубу в печке*. Не скрыва́й, ещё́ голова́шек полно́ в пе́чи.

Сму́млять, яю, яют, сов., перех. 1. *Състь с аппетитом*. Конфе́ту-то ты бы́стро сму́мляла и опе́ть про́сишь. 2. *Сжевать что-либо твёрдое*. Суха́рь-то сму́мляла уже́?

Согреше́нье, я, ср. В знач. сказ. *Мучение*. Согреше́нье с ва́ми: ни днём ни но́чью споко́ю не да́ют мне.

Согреши́ть, у, ат, сов. неперех. *Измучиться, известись*. Согреши́ла я с сыно́м-то, не работа́ет нигде́ топе́рь.

Спас: > **Спа́су нет.** *О сильной боли.* Вчера́сь голова́ заболела́ спа́су нет.

Спрово́дить, жу, дят, сов., перех. *Отправить.* Вчера́ нагря́-лись, когда́ его́ в лёс-от спрово́дили.

Сти́брить, рю, рят, сов., перех. *Украсть.* Где я́блоки-те сти́бри-ла?

Сулема́, ы, м. и ж. **1.** *Неприятная на вкус еда.* Како́й ты сулемо́й меня́ накорми́ла! **2.** *Шаловливый ребёнок.* Да посиди́ ты, сулема́! На тебе́ игру́шку – игра́й тихо́.

Су́парень, рня, м. *Девушка, по внешнему виду и поведению похожая на парня.* Отпазга́ла де́вка косы. А пошто́! Што су́парень ста́ла!

Т

Та́мо, та́моко и та́мотко, нареч. *В том месте, там.* Посмотри́ в сундукé. Та́мо лежит кофта. Та́моко мно́го наро́ду было́. Та́мотка возьми́ подо́йник.

Тарза́ть, аю, ают, несов., перех. *Терзать, мучить.* Хва́тит котёнка-то тарза́ть.

Та́рка, и, ж. *Бидон.* Она́ на́м та́рку молока́ принесла́.

Творе́льник, а, м. *Большой глиняный сосуд, квашня.* Мне де́д но́вый творе́льник купил.

Темна́ть, ает, несов., неперех, безл. *Темнеть, смеркаться.* Вот и темна́ть уж ста́ло, а он ещё не пришёл. Осе́нью ра́но темна́ет на дворе́.

Тёмный: ♦ **Тёмная вода́ подступи́ла.** *Ослепнуть.* У Ива́на-то тёмная вода́ подступи́ла, ничего́ уже́ не ви́дит.

Тёта, ы, ж. *Сестра матери.* Тёта Кла́ва ско́ро прие́дет с Высо́кова.

То́кать, аю, ают, несов., неперех. *Биться сильными толчками (о сердце).* Вся в жару́, а се́рдце так и то́кает у меня́.

Толку́шка, и, ж. *Пест.* Возьми́ толку́шку, нато́лки клю́квы в тяпу́шку.

То́лнуть, ну, нут, сов., перех. **1.** *Толчком открыть что-либо.* То́лни двéри-то, пу́сть прове́трится. **2.** *Толчком нанести удар кому-либо.* То́лько попо́буй то́лни его́, я те́ зада́м! **3.** *Расколов скорлупу,*

вылить яйцо в кушанье. Замесила шаньги, яйцо толнула туда, сахарку посыпала.

Толо́чь, лку, лкут, несов., перех. *При полоскании белья давить его в ступе или в углублении во льду, чтобы освободить от мыла.* Бельё в бане стира́ла, а пото́м пошла́ полоска́ть на реку́ и толкла́ его в я́мке. ◇ **Толо́чь в ступе пестом.** *Говорить одно и то же попусту.* По ра́диво в ступе песто́м толку́т одно́ и то́ же кру́глый де́нь.

Топе́ря, топе́реча, нареч. *Теперь.* А топе́ря скóтного двора́ у нас в дере́вне не́т. Топе́реча я тебе́ расскажу́, как де́ло-то было́.

То́ркать, аю, ают, несов., неперех. *Стучать.* Вро́де кто́-то то́ркаёт в две́ри. Иди́ посмотри́.

То́ркнуться, нусь, нутся, сов. 1. *Удариться обо что-то, стукнуться.* Во ка́к голово́й о стёнку-то то́ркнула́сь. Не бу́дешь балова́ть топе́ря. 2. *Постучаться.* То́ркнулся он в две́ри, да ему́ не откры́ли. 3. *Упасть.* Не то́ркнись с пе́чи-то, санапа́л!

Тоскова́ть, ют, несов., неперех. *Болезнь, ныть.* Всю но́чь но́ги тоскова́ли у меня́.

Тошóй, ая, бе. *Очень худой, тощий.* Коро́ва-то кака́я тоща́я у ни́х. Боле́ет что́ ли?

Трепеска́ться, 1 и 2 л. не употр., аются, несов. *Болтаться.* Бе-жит, то́лько воло́сье трепеска́ется.

Тре́тий: ◇ **В тре́тьем го́де.** *В позапрошлом году.* В тре́тьем го́де я к сы́ну в го́род е́здила.

Тру́день, дня, м. *Трудолюбивый человек, труженик.* Мой хозя́ин тру́день был. Сам с утра́ до́ ночи рабо́тал и нас заста́влял.

Труни́на и Труньё, ы, собир. *Ветхая, изношенная одежда.* Вы́кинь ты э́ту труни́ну-то из сундука́! Много свякого́ трунья́ накопи́лось. Может на полови́ки возме́шь?

Тря́пнуть, ну, нут, сов., перех. *Ударить, стукнуть.* Он возме́й да по рука́м и тря́пни её.

Ту́та и Ту́то, Ту́татко, нареч. *Здесь, тут.* Ту́та наш до́м, а су́против него́ Ма́нин. Я ту́татко, иди́ ко мне.

Тю́ря, и, ж. *Кушанье из крошеного в воду хлеба, лука, чеснока с добавлением подсолнечного масла и соли.* Дава́й тю́рю сде́лаем, а друго́го ниче́го и не́т у меня́.

Тю́тя, и, м. и ж. *Безвольный мягкий человек.* Нашла́ ко́го выби́рать! Он ве́дь тю́тя.

Тяжелу́щий, ая, ое. *Очень тяжёлый*. Почто́ сама́-то мешо́к подыма́ешь! Он ведь тяжелу́шой. Пусть Ко́ля помо́жет.

Тя́желъ, и, ж. *Большой вес, тяжесть*. Эка тяжель-то! На́до на ло́шади везти́ на приста́нь.

Тя́мжить, жу, ат, несов., перех. *Просить настойчиво и долго*. Тя́мжила у меня́ три днѣ дѣньги-те на шу́бу и вы́тямжила-таки.

Тя́пать, аю, ают. 1. *Трогать, щупать, касаться*. Не тя́пай чѣсто́е-то полотѣнце, вы́мой с мы́лом ру́ки, как сле́дует. 2. *Окучивать*. Брат помо́г карто́шку-то тя́пать.

Тяпу́шка, и, ж. *Кушанье из размешанного в воде, молоке или простокваше толокна с добавлением сахара или ягод*. Наболта́ю тяпу́шки, я́год доба́влю и ем.

Тя́тя, и, м. *Отец*. Я ещё малѣшенькой была́, как на́шего тя́тю забра́ли.

У

Убаси́ть, шу́, сят, сов. перех. *Нарядно, красиво одеть, нарядить*. Во́но как до́чку-то убаси́ли, одна́ дак.

Увалáндаться, аюсь, аются. *Испачкаться*. Ой как, Петро́ша, увалáндался! Дава́й умо́ю тебѣ́.

Уволо́чить, чу́, чат, сов. *Выпачкать*. Занавѣску-то опѣть уволо́чили. Дава́й постира́ю.

Угони́ть, ню́, нят, сов., перех. 1. *Прогнать*. Угони́ла она́ мужика́-то. Бо́льно пил. 2. *Послать, отправить куда-либо*. В конце́ войны́ меня́ угони́ли на Да́льний Восто́к воева́ть.

Уѣмистый, ая, ое. *Вместительный*. Все́ уѣмится́ в одну́ то́рбу. Она́ уѣмистая у меня́.

Ужа́реть, ёю, ёют, сов., неперех. *Вспотеть*. Ну и доро́га! Пока́ шла́ вся ужа́рела.

У́жина, ы, ж. *Ужин, вечерний приём пищи*. Свари́ла карто́шки на у́жину. Е́шьте ребѣ́та.

Ужо́, нареч. *Очень скоро, сейчас*. Подожди́, ужо́ придут́ хозя́ева, так дадут́ тебѣ́ гра́бли.

Усва́шить, шу, шат, сов., перех. 1. *Потерять, спрятав где-либо*. Куда́ плато́к-то усва́шила. 2. *Испачкать*. Опѣть пере́дник-от усва́шила че́м-то.

Утира́льник, а, м. *Полотенце*. Утира́льник-то но́вый возьми́ в комо́де.

У́трева, нареч. *Завтра утром*. У́трева ра́но вста́ну.

Уча́ть, ну, нут, сов. перех. *Начать*. За столом всхо́датывать нам не дава́ли. Как учне́м всхо́датывать, дак ба́тько жи́во по́ лбу ло́жкой да́ст.

Ф

Фо́ртка, и, ж. *Форточка*. В фо́ртку-то не выпя́ливайся.

Фо́нничать, аю, ают, несов., неперех. *Капризничать*. А она́ да-ва́й фо́нничать перед ним. Он и уше́л из до́ма.

Форси́ть, шу́, сят, несов., неперех. *Щеголять*. В э́том пла́тье и на бесе́дах форси́ла.

Х

Ха́внуть, ну, нут, сов., неперех. *Зевнуть*. Опе́ть ты ха́внула. Ви́дно, спать хо́чешь.

Ха́мать, аю, ают, несов., неперех. *Зевать*. Смотри́, Ани́ота уже́ ха́маёт.

Хази́ть, безл., несов., неперех. *Сильно дуть в щели или откры-тое окно*. Хо́лодно в избе́ у них. Из все́х угло́в хази́т.

Хвоста́ть, шу́, шут, несов., перех. и неперех. 1. Перех. *Бить, ударять*. Ви́дно, тя́тя теб́я за де́ло хво́щёт. 2. *Парить в бане веником*. Я люблю́, когда ме́ня в ба́не ви́ником хво́щут. 3. Неперех. *Сильно лить (о дожде)*. Э́во как до́ждь-то хво́щёт, ви́дно ещё нескóро перестáнёт. 4. Неперех. *Быстро бежать*. Смо́три, тво́я де́вка по доро́ге-то хво́щёт?

Хле́бальный, ая, ое. *Столовый*. Где у теб́я хле́бальные ло́жки ле́жат?

Хлеста́ться, шу́сь, шутся, несов. *Горевать, убиваться*. Когда сы́н-то у́мер, как она́ хлеста́лась.

Хлобыста́ться, аюсь, аются, несов. *Париться в бане веником*. До че́го до́лго он хлобыста́лся-то в ба́не. Ве́дь жа́рко там.

Ходи́ть, 1 и 2 л. не употр. *Закисая, бродить, подниматься (о тесте)*. Дро́жки хоро́шие доста́ла, вот пиро́ги и хоро́шо х́дят.

Хóдко, нареч. 1. *С большой скоростью.* Вон как хóдко лóдка-то идёт по рекé. 2. *Скоро, быстро.* Хóдко он верну́лся домо́й. 3. *Интенсивно, с большой энергией.* Вон как у де́вок рабóта-то хóдко пошла́!

Ходóвый, ая, ое. *Бойкий, расторопный.* Де́вки о́ни ходóвые. Са́ми всё сде́лают, а ты посиди́ пока́.

Холóдное, ого, ср. , в знач. сущ. *Окрошка.* Мы на ўжину холóдное йли.

Храпови́к: ◇ **На храпови́к.** *О желании спать.* Набу́здалась щей, и на храпови́к.

Ц

Цапа́ть, áю, áют, несов., перех. *Чесать.* Чо э́то о́на всё го́лову цапа́ёт? Не завелóсь чегó там?

Ч

Челóмкаться, аюсь, аются, несов. *Целоваться.* Дава́й с тобо́й на проща́нье-то почелóмкаёмся.

Черепе́нька,и, ж. 1. *Старая, с отбитыми краями, трещинами посуда.* Налéй вон соба́ке сýпа в чере́пеньку. 2. Бран. *Голова плохо соображающего человека.* Поду́май своéй чере́пенькой, чтó ты на-де́лал!

Чесноко́вина, ы, ж. 1. *Головка чеснока.* Положи́ в огурцы́ три чесноко́вины, и ла́дно бу́дёт. 2. *О человеке, наевшемся чеснока.* Вот ве́дь чесноко́вина, за́пах на всю избу́ от теб́я.

Чи́сто, нареч. *Совершенно, совсем.* Усти́нья-то чи́сто как ма́ть ста́ла к ста́рости.

Чихво́стить, щу́, стят, несов., перех. *Ругать, бранить.* И дава́й о́на мужика́ чихво́стить, чтоб бо́ле не пи́л.

Чу́ни, ней и **Чу́нки**, нок, мн. *Небольшие сани, санки.* Чу́ни-то тя́тя сам де́лал себé и дру́гим. Бельё на реку́ поло́ска́ть я на чу́нках вожу́.

Чути́нку, нареч. *Совсем немного.* Отца́ чути́нку одну́ по́мню.

Чу́тко, безл. в знач. сказ. *Слышно.* На́м за стéнкой всё чу́тко.

Чу́ять и **Чуть**, чу́ю, чу́ют, несов., перех. *Различать, воспринимать слухом, слышать.* Не чу́ю ничегó, говорí громча́е. Я в мага́зине чу́ла, что ка́рточки ка́кие-то дава́ть бу́дут.

Ш

Ша́борить, рю, рят, несов. 1. Неперех. *Ходить, шаркая ногами.* Ктó там ша́борит? 2. Перех. *Искать.* Что ты та́м ша́боришь в шкафу́. Перемуди́шь всё опéть.

Ша́ять, аю, ают, несов., неперех. *Слабо гореть без пламени, тлеть.* Ещё в за́гнёте у́гли ша́ют.

Э

Э́тта, нареч. *Недавно, на днях.* Э́тта о́город поло́ла, да и занозы́-ла палец-то.

ЖИВАЯ СТАРИНА ДЕРЕВНИ КВАСЮНИНО

ФЕОФАН СЕМЁНОВИЧ И ЕННАФА ВАСИЛЬЕВНА ВАЛЬКОВЫ

ПРАДЕД ФЕОФАН СЕМЁНОВИЧ ВАЛЬКОВ

Родословная моей бабушки Надежды Феофановны, в девичестве Вальковой (1887-1963), таинственна, как по линии отца, так и по линии матери. Её отец – **Феофан Семёнович Вальков, мой прадед**. А мой прапрадед, Семён Никитич, по семейной легенде, пришёл вместе с отцом в шекснинские края откуда-то с южных мест. Внешностью он очень отличался от местных жителей, в основном, светловолосых, так как был смугл и черноволос. Его сын Феофан вернулся в Квасюнино после армии, где он дослужился почти до прапорщика, даже и офицерский мундир был сшит, но что-то помешало получить это звание. Был он, судя по некоторым событиям его жизни, человеком горячим и с авантюрной жилкой. Так, например, когда он встретил свою будущую жену, то настолько ею увлёкся, а была она красавица, что решил любым способом жениться на ней. Стал свататься, а Еннафа отказывает. Видимо, не хотела быть женой неимущего человека. Тогда он взял в долг у своего знакомого большую сумму денег и показал эти деньги невесте, убеждая её, что он, якобы, человек не бедный. Убедил её в этом, она поверила и вышла за него замуж. После свадьбы обман обнаружился, но было уже поздно.

Феофан стал сельским учителем, причём учил детей в другой деревне. Школы не было, дети собирались по очереди в крестьянских домах. Плата за учёбу была нищенской.

Родились свои дети: Алексей, Мария, Андрей, Надежда (моя бабушка) и Иван. Когда Надежде было пять лет, а Ивану два года, то есть в 1892 году, Феофан сильно простудился по пути домой: был март, дороги все развезло, он сильно промок. Умер скоропостижно, оставив жену Еннафу и пятерых детей. Похоронили его в том самом мундире прапорщика, в котором ему так и не удалось пощеголять при жизни.

ПРАБАБУШКА ЕННАФА ВАСИЛЬЕВНА

Эта ветвь нашего родословного дерева очень загадочна. В последние годы я попробовала разгадать некоторые загадки.

Моя прабабушка Еннафа, по семейной легенде, была побочной дочерью кого-то из рода помещиков Жемчужниковых. Сведения о том, кто была её мать, до нас не дошли. Вспоминали родственники и односельчане, что Еннафа очень отличалась по внешнему виду и поведению от деревенских баб. Крестьянским трудом не занималась, лечила травами, принимала роды, могла и погадать на картах, хотя была набожной, и до самой смерти ходила в церковь. Внука своего Шуру, душевно больного, всегда с собой брала, научила молитвам не только по-церковнославянски, но и по-гречески. Её странное замужество я описала выше. Прабабушка, рано оставшись вдовой, тем не менее, воспитала пятерых детей. Сыновья Алексей и Иван стали учителями. Иван закончил Московский университет. Умерла Еннафа Васильевна в 1923 году. Сохранилась фотокарточка прабабушки. Красивое лицо с тонкими чертами, очень спокойное. Таких лиц сейчас не увидишь.

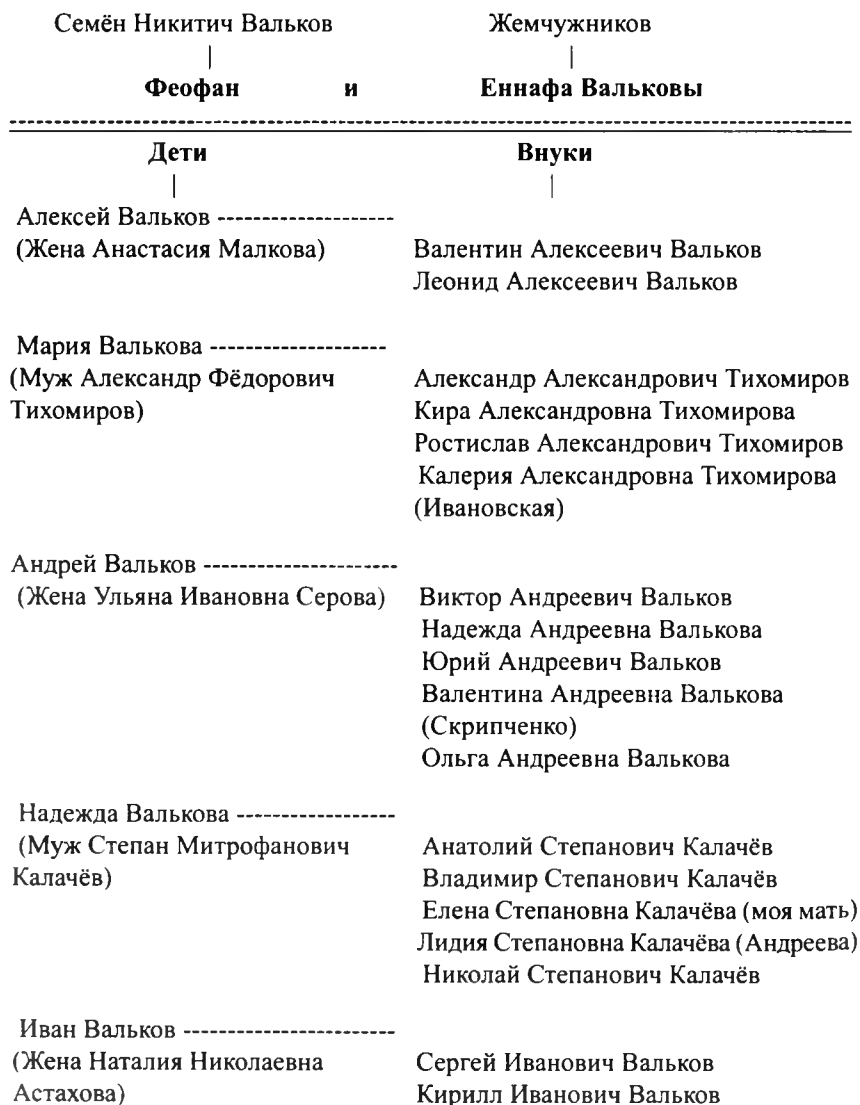

Еннафа Васильевна Валькова
в старости

Многие наши родственники задавали себе вопрос: кто же был отцом нашей прабабушки. Решила я обратиться в местный Вологодский архив, однако оказалось, что документы бывшего Череповецкого уезда в этом архиве почти отсутствуют, так как ранее это была территория Новгородской губернии. Тем не менее, я всё-таки нашла одно, но очень важное документальное свидетельство. Деревней Анисимово, в которой Еннафа жила до замужества, в середине девятнадцатого века владел отставной полковник **Жемчужников Лука Ильич**, а потом его дети. И всё, ничего более... Но главное,

что семейная легенда нашла подтверждение: связь между моей прабабушкой и родом Жемчужниковых существовала.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ВАЛЬКОВЫХ

ВАЛЬКОВЫ АНДРЕЙ ФЕОФАНОВИЧ И УЛЬЯНА ИВАНОВНА

ВОСПОМИНАНИЯ ЮРИЯ АНДРЕЕВИЧА ВАЛЬКОВА ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Андрей Феофанович Вальков родился 10.12.1880 г. в деревне Квасюнино. Его отец – Феофан Семенович, его дед – Семен Никитович, его прадед Никита, о котором было только известно, что он с юга приехал. Деда Феофана я не помню, а бабушку – мать отца – Еннафу Васильевну немного вспоминаю. Она умерла в 1923 году еще в старой нашей избе, когда мне шел пятый год. Когда ее увезли хоронить, я остался дома, а мыла в избе и готовила поминки Дуня Бокова и другие женщины. Я сидел на печке.

В это время строилась наша новая изба, состоящая из летних срубов в шесть окон: два на восток, три на юг и одно – на запад. Отдельными срубам – зимовка, шириной в половину летней. Поздней вторую половину составила пристройка в виде прихожей.

В маленькой нашей зимовке длинными зимними вечерами пряли: мама, баба Анисья, тетка Вера Быстрова и другие женщины. Рассказывали про домовых, про мужиков с ноготок, а бородка с венечек, про беглых голых баб, которые пугали по баням молодежь, иногда пели «Хаз Булат удалой», ямщицкие песни, о Ваньке-разлучнике, про Ваньку-убийцу.

И это все под лучину. Не было керосина. Коптилки (лампы без стекла) зажигали по праздникам.

Зимними днями с двух-трёх часов утра и до позднего вечера папа обычно уезжал с Иваном Крыловым в Сухаревскую за дровами. Привозили сухих. У нас была кобыла – Звездка. Пугливая и бес-

Вальков Андрей Феофанович
(1880-1941)

шабашная. Стася Тихомиров, возя на ней навоз, при возвращении с пустой телегой снес у Стафия Ухалкина крыльцо. Году в 1927 осенью мама поехала с бобой Анисьей убирать лен, бобы. Я поехал с ними. Пока они загружал одер снопиками льна, я ходил по стерне. Вдруг Звездка чего-то испугалась (наверное, какой-нибудь птицы) и со всех ног побежала, и прямо на меня. Сбила с ног и протащила по мне одер. Мама на руках принесла меня домой. Папа поругал маму, побил кобылу и продал ее.

Поехал в Череповец и на рынке купил за 30 рублей мерина Трояна. Безответный конь: на нем работали все соседи-безлошадники безо всякого возмездия.

Верхом ездить на лошадях меня приучил папа с 3 лет. Еще на Звездке. А Трояна я уже самостоятельно отводил (верхом) на привязь в польцо.

Для выезда в эту пору был куплен жеребец. Я уже позабыл, как его называли. Черный, рослый, красивый. Из его недолгой у нас жизни мне запомнились лишь три случая.

1. В Масленицу нас катал до Киселевского хутора папа. По деревне было ездить опасно. Все лошадиники катаются, а нашему молодому надо было больше простору и скорости. Даже и при езде к Кривоногову приходилось многих объезжать по боковому глубокому снегу.

2. Весной мама боронила на жеребце, и на повороте около Быстрова гумна он взыграл, да так, что набросил на себя железную борону и сам упал.

3. В какой-то срок в Чаромских была организована выставка. Туда папа поехал на Орлике (кажется, так называли!). И оттуда пришел пешком. Нашего жеребца, оказывается, купили для Советской Армии за 400 рублей. По тем временам это были большие деньги (Троян был куплен за 30 рублей).

Папа нас рано приучал к труду. Лет с 14 Виктор уже пахал. А сено косить мы начали совсем молодыми. На своем участке в Польце даже научился косить и я. Поскольку я был (и есть) левша, папа мне где-то достал и соорудил специальную косу под левую руку, что мне не давало идти прокосом с другими. И я косил вначале в стороне. Только подрастая, я научился вести прокос справа налево. Мы и

загребали, раскидывали копны, стояли на одре при перевозке сена в сеновал и уминали его в сеновале, чтобы уместилось побольше.

Папа знал и рассказывал много стихотворений и пел песни, когда мы впятером лежали на печи. Еще не умея читать, я от папы выучил стихотворение-балладу «По синим волнам океана» – «Волшебный корабль», перевод Лермонтова; «Точно море в час прибоя площадь Красная гудит...» – о казни Стеньки Разина, песню «Коробейники», стих «У лесной опушки домик небольшой» и некоторые ямщицкие песни.

Не учась в школе ни одного дня, тем не менее, для своего времени и возраста папа выделялся из среды своих ровесников: он матерно не ругался, умел читать и сколько-то читал, а задачи помогал мне решать вплоть до алгебры.

В 20-е годы он был членом исполкома сельсовета, в числе первых 10 семей вступил в колхоз, где занимал должность полевода.

Умел плотничать и столярничать, шорничать и подшивать обувь (сапоги и валенки). Всему этому от него научился и я. Эти навыки имеет и мой сын Михаил.

Папа научил меня и игре на балалайке. Была она у нас самой кустарной работы из толстых досок, но сделана звучной и достаточно приглядной. Поскольку я левша, то первое время папа для меня и настраивал балалайку под левую руку. Я, высунув и прикусив язык, научился играть «Русского», а позднее и народные песни. И перестроился на игру под правую руку.

Любимым местом игр и отдыха моим и моих друзей Володи Калачева, Леонида Смирнова и других были наши Кустики (заросли ивы, ольхи и осины на покосе в Польце). Здесь мы делали шалаши, полати, сочиняли стихи, делали захоронение стихов и своих сокровенных чувств и мыслей, а в речке Игайке и купались. Часто жгли костры, пекли картошку, яблоки, мечтали...

Папа прекрасно знал это и часто пугал нас или лаем собаки, воем волка, пением песен и др.

(Юрий Андреевич Вальков. 31.10.1980 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ ОЛЬГИ АНДРЕЕВНЫ ОБ ОТЦЕ

... Последними мы возвращаемся втроем.
Троян неторопливо идёт знакомою тропинкой.
И я, счастливая, сижу на нем. А сзади папа,
Таша дугу, размахивает тихо хворостинкой.

... От папы шутка нам и маме.
И каждый принимал ее, нисколько не сердясь.
Бывало мать обидится намало,
Но смотрит на отца с любовью, не косясь.

... Бывало, папа, поддавшись настроению,
Вдруг балалайку в руки брал
И начинал играть по-настоящему, по вдохновенью.
Не помню, что играл, но от души играл...

Андрей Феофанович Вальков – третий ребенок в семье, родился в декабре 1880 года. Женился поздно, на 32 году. Нравилась ему Мария Глебовна (Рогова) из более крепкого хозяйства, чем хозяйство Вальковых. Так он не делал даже попыток посвататься (она может быть и согласилась бы).

Будучи холостым, в период навигации бурлачил вместе с маминими братьями – дядей Матвеем и дядей Колей. Через них осмелился и жениться на маме, да и то, говорят, под хмельком.

К маме относился с уважением, ценя в ней природный ум, трудолюбие, выдержку. «И стречьком не стрекивал» – как говорила она. Но, имея шутливый характер, иногда, бывало, подшутит и нектати, чем обострял отношения в семье, так как мама плохо переносила шутки.

После женитьбы, в 1912 году, он вместе с мамой уехал из деревни и работал управляющим одного из поместий близ города Калязина.

Усадьба была небольшой, расположена на берегу Волги. Помещик с семьей приезжали в усадьбу очень редко. Таким образом, папа был полным хозяином. Мама ухаживала за скотиной, которую держали в основном для себя.

С ними жил и дядя Матвей в качестве сторожа.

В эти годы папа помогал папку Ване, своему брату. В каникулы папко Ваня приезжал вместе с друзьями отдохнуть, порыбачить.

Виктор, по-моему, родился там. Роды были трудными, даже приглашали врача из Ярославля.

Начались волнения крестьян в 1915-16 годах, и папа, от греха подальше, отказался от должности управляющего (к большому неудовольствию мамы) и вернулся домой, взялся за свое хозяйство.

Революцию воспринял без больших оваций, так как не любил никакого насилия, даже в свою пользу.

Помню, что он говорил: «Я отказался стрелять, пусть лучше меня убьют, чем я кого-либо». Чтобы зарезать свою скотину, мама вынуждена была обращаться к соседям. Папа даже курицу не мог зарезать. И вообще он очень гуманно относился к животным. И животные платили ему тем же. Троян (мерин) не знал ни кнута, ни мажуга (самое худшее, что мог сказать папа – это «собачье мясо»). Собака Верный не оставляла бывало папу ни в какой беде. А сколько разговора было у папы со скворцами, когда те прилетали и размещались в его скворечниках. Он мог часами наблюдать за улетающими журавлями и без конца кормить чаек.

На рыбалку, по-моему, он ходил не столько из-за рыбы, сколько побыть с природой наедине. Помню, закинет папа удочки, воткнет их концы в берег, а сам сидит со мной у костра, не разговаривает, а объясняет все звуки вечерней тишины, т.е. учит слушать и понимать язык природы.

Интересно с ним было ходить и в лес. Я никак не видела грибов, а он еще издали мне укажет елку, под которой следует искать, и я обязательно найду. Собирал папа грибы не спеша, с ножичком, любуясь на каждый гриб, составляя к нему прибасенку, которой я верила.

После 20-х годов в семье стал помощник – Виктор, бабушка Енаша присматривала за хозяйством и младшими Юрием и Надеждой, так хозяйство пошло в гору. Я помню, что до колхоза у нас было три коровы, две лошади и много мелкой скотины и кур с драчливым петухом.

Отец умел выполнять все крестьянские работы. Кроме этого неплохо владел топором и рубанком, имел смекалку в строительстве.

Шил, правда, не первоклассные, сапоги, ремонтировал всякую обувь, умел скроить верхнюю одежду.

Был грамотным. Незначительное время работал приказчиком в своей же деревне (магазин был у Парасковьи Федосеевны), кладовщиком только что образовавшегося колхоза.

Когда убедился, что руководить колхозом назначаются те, которые не могли наладить порядка в своем хозяйстве, уехал работать на водном транспорте.

Вначале, так году в 30-32-м, бурлачил вместе с дядей Колей на Неве. Зимовал на стеклозаводе в г. Б. Бычок, работал сторожем. Затем, следующую навигацию работал водоливом на барже-нефтянке по Мариинской водной системе. В эту навигацию я была с ним, благодаря чему узнала азы бурлацкой жизни.

На следующую навигацию врачебная комиссия не допустила отца к плаванию (порок сердца), и он устроился столяром в школу № 2 г. Череповца.

Квартиру ему дали при школе, ул. Ленина, д. 35, наверху, напротив лестницы. В этом здании размещались школьные мастерские: первый этаж – слесарная и второй этаж – столярная.

Здоровье папы ухудшалось, кроме порока сердца, у него обнаружился катар желудка. И много за эти годы пришлось расстраиваться. Последнее время папа выполнял должность швейцара в школе, т.е. сидел и подавал звонки с урока и на урок.

Характер имел мягкий, ни одного в семье физически не наказал, доброжелательный. Умел найти подход почти к каждому. В семье старались его не расстраивать. Никогда отец не читал моралей, нотаций.

Много курил (даже по ночам), любил выпить, но в меру, да и средства не позволяли. Как я помню, они с мамой вдвоем зарабатывали только 100 рублей, а поллитра водки стоили 6 рублей. Учились Юрий, Валентина и я, да Виктор служил в армии, так «тянул» на папиросы. Так что было не разгуляешься в 30-е годы. Пшеничный хлеб, песок, растительное масло да неизменная треска – вот основная наша еда того времени. Правда, 1,5 – 2 года в городе мы держали корову, а затем козу, так было свое молоко.

...Отец «на якорь» встал в Череповце.
На тихой пристани, что школою зовется.
Столярку папе дали... затем дежурил, сидя на крыльце,
И помогал, когда сапог иль валенок вдруг у кого порвется.

...Тяжелая болезнь. С собою совладать порой нет сил...
Ничто уж не поможет, молись хоть всем богам.
Тогда тихонько Авку* он просил,
Чтобы купила, принесла ему 100 грамм...

...Нет, не в стихах и не в каких-либо других заслугах,
И не был ты носителем каких-либо идей.
Живешь ты, папа, в нас – обыкновенных людях.
И ровно через 100 шагает по земле другой Вальков Андрей... **

(Воспоминания Ольги Андреевны Вальковой)

Наша семья

Отец, Вальков Андрей Феофанович (1880-1941), мать, Ульяна Ивановна Серова (1883-1971), и их дети: Виктор (1915-1942), Надежда (1916-1995), Юрий (1918-1986), Валентина (1920-1921), Валентина (1923-2011), Ольга (1925-2005).

Родители поженились примерно в 1910-1911 гг. и вскоре уехали в окрестность г. Калязина, в усадьбу помещика, где папа работал управляющим. Виктор родился там.

Ульяна Ивановна Валькова
(Серова). 1883-1971.

* Так звали в семье дочь Валентину.

** Речь идёт о правнучке Андрея Феофановича.

Перед революцией они приехали домой, в д. Квасюнино, и стали жить вместе с бабушкой, Енафьей Васильевной Вальковой, вести хозяйство.

В 1923 году бабушка умерла, но уже хозяйство «становилось на ноги» и к 1929 году было крепким середняцким. Хорошими помощниками были Виктор (от рождения крупный и здоровый) и Надежда (могла нянчиться).

Жили, в основном, в зимовке, т.к. «перёд» (летняя изба) был только что построен и не проконопачен, да и печка была не сложена. Все надворные постройки были в порядке, кроме бани, которую готовили сменить и поэтому сломали.

С началом коллективизации расцвет своего хозяйства остановился, а потом уже в 1930 году хозяйство пошло к упадку. Коровы, сбруя, телеги и другой хозинвентарь были взяты в колхоз. Участок отрезали, оставили несколько соток около дома. Начались неурожай, вернее, хлеба из колхоза давали мало. Отец, вначале работавший счетоводом и кладовщиком в колхозе, видевший бесперспективность колхоза, уехал в г. Ленинград к маминому брату – Николаю Серову, который работал шкипером на речных судах.

В самые голодные (1932-34гг.) мама вынуждена была обменивать на хлеб утварь хозяйства, одежду, обувь, даже мои куклы. Дом опустел. От голодной смерти спасла корова (давала больше 20 литров молока в сутки) да всяческие «ухищрения» мамы. Хлеба в колхозе не давали, а продовольственные налоги с каждого хозяйства брали, независимо от того, есть скот на дворе или нет.

Трудно было прокормить корову. Сена по трудодням давали, что и на ползимы не хватало. Надо было как-то покупать. А как? Если уже ничего в хозяйстве нет. Опять мама что-то придумывала.

В это время Виктор окончил сельскохозяйственную школу и работал председателем колхоза в Буграх. Валентину мама отправила к нему (одним ртом меньше), меня на лето – к папе (ещё стало полегче), потом Иван Феофанович Вальков (брат папы) подбрасывал немного из еды и одежды. Таким образом, никто из семьи не умер от голодной смерти. А сколько в деревне и поумирало или уехало из деревни, вернее, от голода.

Папа по состоянию здоровья был вынужден оставить водный транспорт и остался в Череповце. Работал в школе № 3 (Социалистическая, 50) вначале столяром, а затем вахтером. Юрий поступил в Череповецкий педтехникум. Надежда работала в школе учителем начальных классов. Все они жили вместе на ул. Ленина, 35.

Маму из колхоза не отпускали, да всем было и нельзя уезжать из деревни, т.к. основным источником нашего существования и в середине 30-х годов была корова. Потом у мамы в деревне жил больной брат мамы – дядя Матвей: с ним должен быть человек.

Вначале меня отправили в город (училась в 3-м классе в здании криуля, учительница – Смирнова Парасковья Кирилловна), потом меня сменила в городе Валентина, т.к. в деревне ей пришлось бы идти в 5 класс уже в село Чаромское, в 6 км от Квасюнина.

Я четвертый класс заканчивала в Квасюнине, жила с дядей Матвеем. Мама к нам наезжала эпизодически из города, чтобы взять молочные продукты, скопленные нами, да нас проводить.

В Рождество 1937 года умер дядя Матвей. Зима была холодная, голодная, трудная. Хоронить дядю приехал Юрий (мама уже была в деревне). Они с дядей Степаном (муж сестры отца Надежды) сделали гроб, пригласили еще одного мужчину и вчетвером похоронили дядю Матвея около Черноезерской церкви (она была позже разрушена). Тихо поплакала мама, угрюмо постояли мужчины – на том и кончилось погребение. Дяде Степану и мужчине мама поставила бутылку водки, сообразив немудреную закуску. Так вот и помянули усопшего.

Юра сразу же после похорон уехал в город, а мама ненадолго задержалась, чтобы оставить нас с коровой на попечение. Попечителем была боба Анисья Малкова, очень добрая и отзывчивая одинокая женщина. Она в то время работала уборщицей в школе. В 4-м классе учила нас Анна Александровна Хренова.

Несмотря на трудную жизнь, молодежь и подростки жили с большим патриотическим подъемом. Принимали участие в районном смотре художественной самодеятельности, но до Москвы не дошли. Но на Всесоюзной хозяйственной выставке в Москве наш колхоз «Верный путь» принял участие. Ездил Николай Приемышев (это прозвище, не помню фамилию его) с битюгом – Потькой, кото-

рого привезли к нам переселённые из Карело-Финской ССР финны. У нас в деревне их было 10 семей. Забегая вперед, отмечу: осталось, укоренилось три семьи.

Ну а в пятый класс меня взяли в город вместе с коровой. Маму колхоз с грехом пополам отпустил к семье, т.е. законно мы воссоединились.

Виктор к этому времени отслужил действительную (служил в Череповце), уехал зарабатывать деньги в Архангельск. Юрий заканчивал педтехникум и должен был вскоре работать. Мама устроилась уборщицей в школе, Надежда работала в Ивачевской начальной школе, а мы с Валентиной должны «грызть» науки...

1938-39 г.г. беспокойные. На Западе «расцветала» фашистская Германия, у нас – Финская кампания. В магазинах стало пусто. Хлеб развозили в мешочках по домам (по количеству едоков), но его хватало. Корову стало содержать трудно из-за корма, перешли на козу.

Юрия призвали в Армию (Северный флот, Соловецкие острова), у папы здоровье стало совсем плохим. Хозяйство держалось, в основном, на маме.

Тревожное чувство не покидало.

У Виктора родился сын – Эдуард (мать – Зина Куцентова) в Ленинграде, но он работал в Архангельске и не состоял с ней в законном браке (тогда это было модно), поэтому вынужден был платить алименты. Виктор хотел уехать из Архангельска, но его не отпустили: закон (без согласия предприятия не уйдешь с работы) да женщина, которая приложила все усилия, чтобы его не отпустили. Папа, узнав об этом, так расстроился, что чуть не прогнал Виктора, приехавшего в отпуск.

Письма от Юры приходили редко. Кроме Надежды писать ему письма было некому: папа болел (нельзя расстраиваться), мама неграмотная, меня нескоро заставишь. Возможно, писала Валя под диктовку мамы.

По-прежнему жили бедно: пшеничный хлеб, песок, растительное масло, треска да кости для шей. Молоко свое.

Но молодежь ходила в кино в Соляной, ухитрялась одеваться в разные сарафанчики, форсить в полутканевых-полурезиновых спортивных тапочках.

По-прежнему все молчали друг с другом и кричали «Ура!», увидев с экрана Сталина. В феврале 1941 года умер отец. У всех на душе тяжесть утраты и молитва: «Слава Богу – не попал в другие места».

На похороны приехал Виктор, Юра не успел приехать (слишком долго добирался с места службы). Погребение и скромные, тихие поминки.

С уходом папы вскоре мы переехали с Ленина, 35 на Советский пр. 67 (в марте-апреле). Еще больше утратился душевный покой, прошли счастливые (в какой-то степени) дни.

На лето 1941 года я опять уехала в Квасюнино, к своим квасюнинским друзьям, к своему детству, беспечности. Квасюнинские подростки принимали посильное участие в сельскохозяйственных работах, особенно во время сенокоса. Некоторые из них впервые брали косу в руки, но в основном все ходили загрывать сено, а потом отвозить его в стога. Все умели запрячь и распрячь лошадь, ездить верхом. Любили собираться вместе на берегу Шексны или Игайки, где устраивали незатейливые игры, рассказывали прочитанные книги, учили друг друга плавать.

Река Шексна!

Сколько поколений любовалось тобой! Какое вкусное и питательное сено было с твоих берегов! Как интересно было гулять молодежи вечерами на твоих просторах! А детвора целыми днями была в твоих объятиях. И ты была благосклонна к нам: ни один (на моей памяти) человек не утонул. И мы ее не оскверняли, ходили оправляться в кусты.

Между берегом (сенокосным) и полями был смешанный лес -«выгорода», где пасся скот и в котором много росло грибов: рыжиков и белых. Мы, детвора, любили встречать пассажирские пароходы. Тогда были белые двухэтажные колесные красавцы с названиями: «Клим Ворошилов», «Коммунист», «Феликс Дзержинский», которые плавали от Рыбинска до Чайки. Как сейчас вижу: выворачивается пароход из-за криуля, дает гудок (по гудкам некоторые различали пароходы), а затем грузно пристает к пристани. Мы больше любовались самим пароходом и пассажирами на нем, чем теми людьми, которые приехали, т.к. знали, что к нам никто не придет. И почему-то уже равнодушно смотрели вслед уходящему пароходу.

Иногда, шутя, «переругивались» с рабочими грузовых судов, пароходов, барж, гонок, крича: «Нет ли старого шкипера на мясо?!» В ответ получали разное: или едкую брань или шутливо-наставительный урок. Некоторые, кто побойчей, любили «кататься» на гонках. Переплывали Шексну сильные и смелые.

22 июня 1941 года, воскресенье, Десятое воскресенье – наш престольный праздник в Квасюnine. В каждом доме гости, веселье. А мы, по возможности, нарядные бегаем по деревне кучками, а потом приходим в клуб к Римме Кудряшовой, к 12 часам, чтобы послушать концерт цыганской песни. Римма настраивает ламповый приемник (на батареях), и вдруг в 12.15 объявляют, что будет выступать нарком иностранных дел В.М. Молотов. Так мы первыми в деревне узнали о начале войны и побежали по деревне, по домам...

Позднее приехал «нарочный» из районного центра, вручил призывные повестки: «Немедленно явиться в райвоенкомат!» И наши первые защитники, отрезвевшие от такого известия, стали отправляться под звуки гармошек, плача и причитаний. Вся деревня провожала призывников до речки Игайки, а жены еще дальше. Из этого призыва вернулись только Леонид Беляев и Костя Буторин (умер в июле 1989 года), который получил ранение, не доехав до фронта.

Узнав о начале войны, я сразу же поехала домой в Череповец. В августе 1941 года нас уже пригласили в школу и стали мобилизовать на разные работы, в основном, на уборку овощей в совхоз «Комсомолец». Валентину мобилизовали по комсомольскому призыву на 2-3 дня на оборонные работы, и увезли... под Валдай. Больше двух месяцев о ней не было ни слуху, ни духу...

Была семья из семи человек. Дружная семья. Часто мы пятеро, еле втискиваясь на печи, (одному Виктору места надо было за двоих) пели. Репертуаром заведовал и запевадой был Виктор. С детства он немного заикался, а пел хорошо и мощно, а мы на разные голоса ему подпевали. Мама говорила, что чувствовала себя самой счастливой в эти минуты. Так песня и укоренилась в нашей семье. Пели всякие: и про ямщиков, и про несчастную любовь, и блатные (в меру). Но позднее пели на стихи Есенина, Некрасова и других поэтов.

Стихи вслух любил читать Юра. Помню: еще при свете чуть ли не коптилки он читал Некрасовские «Мороз-Красный нос», «Ари-

на – мать солдатская». Особенно нас волновало стихотворение Плещеева. «На лесной опушке домик небольшой. Там бывать любил я летнею порой...» Под конец этого стихотворения мы плакали. И теперь при воспоминании о нём у меня наворачиваются слезы. Как-то мне казалось, что доброта того старика переплетается с добротой папы. А Никитинские стихи во многом отражали жизнь мамы, которая росла круглой сиротой и испытала бедность всех бедностей, но сумела выйти победителем из нищеты и встать твердо на ноги.

А вот у меня этой жилки – «добиваться самой» – нет. Как мама говорила: «Под лежащий камень вода не течет». Много она знала пословиц и поговорок, а иногда именно к месту применит стихи или строки из песен.

Итак, к осени 1941 года мы остались дома трое: мама, Надежда и я. Недавно похоронили папу, переехали с Ленина, 35 (еще не привыкли к новому месту), неудачные наступления (вернее, отступления) на фронте, беспокойство за Авку, как-то там Юра? – все не вызывало радости и оптимистического настроения. Потом меня одолели проклятые чирьи: и на лице, и на ногах. Мама говорила – от худосочья, и лечила меня то печеным луком (накладывая его), то намыленным льном, то подорожником, то... еще не помню чем. А они: один сойдет – два «скачат». Долго мучилась я. Одноклассники за это время все урожаи поснимали и успели сесть за парты.

Я пошла в 9-й класс, мы уже платили за обучение по 150 рублей в год. Мама где-то как-то ухитрялась их раздобыть, т.к. она сама получала гроши, да и у Надежды зарплата (учительницы) не ахти какая. В общем, сводили кое-как концы с концами.

В магазинах уже было пусто. Стояли в очередь за керосином, солью, спичками. Появился «богатый» рынок, стоимость всего уже начала исчисляться сотнями, а народ получал небольшие десятки.

Началось длительное ожидание всего... Да и теперь еще ждем, а 1989 год! Опять трое: Надежда, Валентина и я.

«Под лежащий камень...» и мама, твердо памятуя это, подобно некрасовским женщинам, включилась в жизнь военного времени, находя самые разумные и реальные решения. Подключилась к ней и Надежда (устроилась кассиром в к/т «Горн»), да и я «присоседилась» к завмагу № 6 (клеила талончики, была уже карточная система).

В октябре-ноябре пришла с окопов Валентина. Слава Богу, жива и здорова (позднее переболела тифом). Чтоб больше комсомолочку не отправляли никуда, решили – пусть работает санитаркой в госпитале (их уже много было в городе). А мама поехала в деревню Андруково к своей двоюродной сестре Анне Шмониной помогать в уборке, чтобы подзаработать картофеля.

Наступало тяжелое существование, борьба за выживание. В городе много военных, много пьянства, много бесправия, много... всего.

От Юрия письма приходили редко, он был на одной из полярных радиостанций – радист морской разведки. Скупно сообщал о себе Виктор, что родился сын Владимир, что о Зине и сыне Эдике ничего не знает.

Наступала зима 1941 – 42 года. Скучные сводки с фронта, боевые фильмы о прошлых подвигах русских – «Александр Невский», «Адмирал Нахимов»; киносборники о подвигах наших бойцов на фронте (действительных и желаемых).

А жизнь продолжалась: кто-то рождался, кто-то умирал (таких было больше), кто-то женился, кто-то разводился. Люди, по-моему, меньше стали ссориться, стали терпеливей. А терпению нас учили очереди за очередной пайкой хлеба. Иногда целыми сутками стояли впустую (хлеб для простого населения не привозили), иногда вместо хлеба давали горсточку зерна: хочешь – перерабатывай на муку да сам пеки хлеб, хочешь – вари кашу из зерен, а не то – зерна грызи. Иждивенческая карточка давала 250 грамм хлеба, служащим – 400 грамм, а рабочим (по их категориям) – 500-600 грамм.

Так вот и жили. Много написано о тех временах. А как подумаешь, так сразу начинаешь горбиться. Что греха таить: ведь, чтобы выжить шли на компромисс с совестью, но на воровство, на предательство не все шли. Да разве можно назвать воровством картошину, взятую на поле во время уборки, картошину, а не килограмм. Или случайно оброненную фразу – предательством?

Настоящие воры и предатели жили и не тужили, а за их воровство и гнусность расплачивались честные люди.

Нашу семью «черный ворон», слава Богу, миновал, но мы не были уверены в завтрашнем дне (забирали ночью).

Ну а молодежь всегда остается молодой. Со своими проблемами, со своими взглядами, со своими любовью, женитьбами и прочее. Для них как бы в тумане вся житейская трудность. Хочу замуж, и все!

Новый 1942 год встречали, как обычно, без застолий. Но под подушки положили «амулеты» и загадали сон. Значит, собирались жить.

В один из дней (после обеда) января-февраля неожиданно вошел Виктор в боевой форме. Заскочил. Его часть направлялась из Архангельска на Волховский фронт. Радость вместе со слезами. Радость – встречи, слезы – едет на фронт. Как хлопотала мама около него, я не помню, но быстро все пошли на вокзал, т.к. его состав могли отправить в любое время. На вокзале, да и около своего вагона-телятника, Виктор вел себя непринужденно, весело. Мы стояли в молчании, переступая с ноги на ногу. Дали направление, состав тронулся. Виктор браво вскочил в свой вагон (не без помощи солдат), помахал нам. Поезд показал свой хвост и ушел. Домой пришли молчаливые, как после сна.

Жизнь пошла в ожидании писем от Виктора, и оно пришло, но только одно. Уже где-то в конце апреля из военкомата пришел «товарищ» и вручил извещение о гибели Виктора и о пенсии за него. Мама очень переживала эту потерю и отказалась от пенсии в пользу сына Виктора – Владимира.

Отступление на фронте, гибель близких и знакомых, голод. Я училась в 9-м классе, Валентина с Надеждой работали, мама – опять, как в 30-е годы – между городом и деревней. От Юры приходили редкие письма.

Осенью 1942 года из Ленинграда выехала к нам семья дяди Коли (брата мамы). Комната у нас была не больше 18 кв. м, нас было четверо (да печка с мебелью половину занимали), так что им пришлось жить в другой квартире (на Соборной горке). Галина (старшая племянница мамы) за кочан мороженой капусты угодила в тюрьму, тетя Маша умерла от голода (естественно, пайки не хватало, а подработать не сумела). Лизу (младшую племянницу) отправили в Крохинский детский дом, т.к. мама не могла взять ее на свои плечи, чтобы кормить за свой паек.

Летом 1943 года я Лизу привезла из детского дома, т.к. я уезжала в институт, а Валентина ещё раньше уехала вместе с госпиталем в Петрозаводск, и у мамы появились возможности «поддержки» и для Лизы.

К осени 1943 года дома были Надежда с Лизой. Мама жила в д. Андруково, работала в колхозе «Броневик», я – в г. Черемхово Иркутской области училась в эвакуированном из Ленинграда горном институте. Так и были до конца войны.

Летом 1944 наш институт возвратился в Ленинград, Валентину «перекинули» на Восточный фронт, Юра – по-прежнему на Полярной радиостанции. Так-то и встретили День Победы.

19 октября 1945 года у Надежды родилась Наташа (отец ее к тому времени умер), прибавилось хлопот в семье. Лиза уехала в Ленинград в ремесленное училище. Потом демобилизовались Юра и Валя. Началась сложная гражданская жизнь. Голод 1947 года еще больше осложнил обстановку, но семья жила дружно. Молодые дружили, ходили на танцы, устраивали свою жизнь. Старые – ворчали.

Мне пришлось оставить институт в Ленинграде после воспаления легких и последующего осложнения. Окончив в 1948 году Череповецкий учительский институт, я отправилась в д. Голузино Сямженского района на работу в сельскую школу.

Юра устроился в Бабаевском леспромхозе радистом и остался на всю жизнь в г. Бабаево. Валентина вышла замуж, Надежда воспитывала Наташу, а мама... Мама, как могла, всем помогала. Ей некогда было болеть, и она никогда никому не жаловалась на свои боли.

Я проработала в Голузино 15 лет. На лето приезжала домой. Ко мне все относились лучше, чем я заслуживала. Почему? Да и они, наверное, не могут ответить – почему. Я очень смешна, порой – страшна, и непохожая на всех. Так уж позаботилась природа.

В 1963 году Надежде (к тому времени она заведовала детским садом) дали однокомнатную квартиру, Валентина с семьей жили в своей квартире в Макаринской роще, мама осталась одна на Советском проспекте и мне они предложили переехать в Череповец к маме. Что я и сделала...

(Воспоминания Ольги Андреевны Вальковой)

УЛЬЯНА ИВАНОВНА ВАЛЬКОВА

*Не кукуй кукушка в лесе
На осине проклятой.
Сядь на белую берёзку -
Покукуй над сиротой.*

Жила в Череповце после войны на Советском проспекте в маленькой комнатке старушка. Звали её Ульяна Ивановна. Славилась она тем, что все земляки деревенские, что стали недавно городскими, в гости к ней ходили и искали в беседах с ней душевного утешения. Была она мастерица рассказывать, слушать, утешать, а то и поругать, коли было за что. Не любила она, когда при ней люди ссорились или других за глаза осуждали. Она такому собеседнику обычно говорила: «Не поддерживай! На поддержку не купишь красную телушку, а пёструю, и то бесхвостую».

Ульяна Ивановна Валькова
(Ссрова) в молодости

Давно умерли её собеседники и она сама. Только не умерла та живая сила доброты и правды жизни, которая была в каждом их слове и поступке. Мы этой добротой и правдой до сих пор держимся в мире, часто сами этого не осознавая. Но приходит сокровенная минута, и оглянется человек на прошлое, и всколыхнётся в нём родное тепло, и согреет его сиротеющую в холодном мире душу.

В моём архиве сохранилась почти дословная запись рассказа Ульяны Ивановны о своём детстве, которое проходило в последнее десятилетие девятнадцатого века. Вот эта запись, сделанная в 1963 году.

* * *

Я по четвёртому году после мамы осталась. Отца чутинку одну помню. Как мама умерла, за ним на Назарово ездили. Пьянчушка был.

Осталось нас четверо после матери. Митрию, старшему было годов четырнадцать, Матвею – около двенадцати, мне – четвёртый год, а Николаю и двух не исполнилось.

Митрию пришлось обрядиться, самому хлеб печь на поду. Один раз хлеб кувылял-кувылял в муке, да в лохань кулыбыш и угадал.

Приютили меня сначала Евдичи. Жена Марфа была очень хорошая. Ребят своих шестеро перемое и меня, не свою, вымоет. Вшами не травила, нечо и говорить. А муж у неё был не пьяница и не разгула, а воришко. У нас, сирот, муки полмешка унёс. Марфа-то как узнала об этом, так и жунула ему. Брат мой Матвей пришёл к нему и спрашивает: «Где муку-то взял?» А он отвечает и как всегда принахривает: «Где... На пристане». Вывели его всё-таки на чистую воду. Он муку-то назад к нам и притуганил.

С шести лет я жила в няньках у кабатчика. Конечно, няня не велика: ребёнка качала, цветы поливала, пол мела. И повадилась одна соседка ко мне ходить и подговаривать, чтобы я шкаф-от хозяйский отперла, а она денежек-то и выудит. Я мала была да смекнула, Оксинье-то, своей хозяйке, всё и рассказала. Тем от беды и избавилась.

Когда поболее стала, меня к псаломщику порядили в няни. Псаломщик очень хороший мужчина был, добросовестной. А хозяйка была так себе: не даст ни обутки, ни оболочки – иди снег выметай на мосту. И вот что приключилось со мной однажды: разбила я у хозяйюшки чашку фарфоровую. Я так болела за эту чашку – реку слёз пролила. Эдакая-то маленькая-то да и просила Бога: «Господи! Прикрой ризой нетленной эту чашку». Пока и жила не спросили о чашке! И по сю пору не спросили!

Потом меня взял священник. У него дочка была мне ровесница. Батюшка взял меня за сиротство. Перво жила и мало чего делала по дому, а поболее стала – поболее и спрос. Просфоры пекла, за коровами ходила. Жила в этой семье годов восемь.

А потом вот что случилось. У Микулича-то на квартире учительница жила. Она узнала, что есть в деревне сирота беспризорная, и отправила меня в Рыбинск в мастерские учиться. Я там жила года два, нашто. Были мы три сироты среди других на побегушках. А всего было четырнадцать деvушек. Вот как-то кухарка мне и гово-

рит: «Девка, ты, девка. Топерь ты становишься порядошная, доносишь ты свои виски, кто оденет?». Это мне на уста и намоталось. Зашел брат Митрий навестить – я за него и уцепилась. Когда я поехала домой, хозяйка со мной расплатилась – дала материи шерстяной на платье. Глупа, так чево?! Ещё отдавала она мне старую швейную машину, знаешь, челнок-от с дырочками. Да куда она мне.

А братья мои ходили на судах, пока я в таких волнах была.

Приехали домой, натопили свою хижину, и стала я жить дома с младшим братом Николаем. Старшие братья только к зиме с судов приезжали, муку привозили. А к лету наступал у нас с Николаем великий пост. И стала я смекать, как дальше-то жить. Уговаривала братьев взять нетёлочку, а они не решались. Вот раз весной они уехали на суда, а я пошла к Башмачку, нашему соседу. Он перегоняшивался – шпикулировал скотом-то. Он мне и говорит: «Девка, дам я тебе нетёлочку, значит. Если сразу за деньги берёшь – то плати 8 рублей, а если ждать мне, так заплатишь потом 16». Я и согласилась поневоле на 16 рублей. Где деньги-то взять? Они ещё и не заработаны у ребят-то.

Привела нетёлочку домой. Двор был – хоть на тройке поезжай. Поставила я нетёлочку в подызбицу и порадовалась: обзавелась своей животинкой. Потом уж раз навоз есть, так и земельки взяла полдуши. Малое дело, чево-же. Стала огороды городить, огородами заниматься. И всё в душе радуюсь: вернутся с судов братовья, а у нас и коровушка есть и земелька своя.

И пошла жись всё-таки полегче.

* * *

Удивляет в этом рассказе мудрое отношение к бедам и несчастьям, несуетность, мужественная надежда на избавление, целому-дренное неумение осуждать кого-либо, отсутствие всякого желания сваливать на других тяжесть собственной судьбы. Единственное, что иногда позволяла себе Ульяна Ивановна, так это пошутить, сказать, например, тому кто жалуется на свою жизнь, одну из своих бесконечных прибауток и поговорок, вроде такой: «Ты, парень, шилом патоки не хлёбывал».

(Людмила Григорьевна Яцкевич-Калачёва)

ВАЛЬКОВЫ
ИВАН ФЕОФАНОВИЧ И НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

ВАЛЬКОВ ИВАН ФЕОФАНОВИЧ (1887-1966)

Иван Феофанович Вальков – младший сын Феофана Семёновича и Еннафы Васильевны. Его судьба во многом отличается от судьбы его братьев и сестёр. В

детстве, обучаясь в Чуровской церковно-приходской школе, он проявил себя очень талантливым учеником. Его направили учиться дальше – в Новгородскую учительскую семинарию. Там на него обратил внимание один преподаватель, который взял его и ещё одного ученика к себе, поддерживал их материально и подготовил для поступления в Московский университет. Иван Феофанович поступил на историко-филологический факультет и успешно его закончил. Потом был участником 1-й мировой войны. По возвращении с фронта в

г. Череповец включился в педагогическую деятельность и в работу молодой группы кооператоров, увлечённых идеей помощи возрождающейся русской деревне. На волне военного коммунизма за работу в кооперации был подвергнут репрессиям и отправлен в Московскую Бутырскую тюрьму (1920 г.). Ввиду полного отсутствия обвинительных материалов из тюрьмы освобождён в 1921 г. и зачислен преподавателем русского языка и литературы в Череповецкий педагогический техникум.

В 1919 году Иван Феофанович женился на Наталье Николаевне Астаховой, о которой пойдёт речь далее. В 1920 году родился сын Сергей, а в 1922 сын Кирилл.

Высокая эрудиция и гражданская принципиальность Ивана Феофановича снискали ему любовь и уважение среди коллег и многочисленных учеников. Несмотря на значительные трудности, он отказывался от вступления в компартию и сохранял православные традиции внутри своей семьи. Брак с Наталией Николаевной Астаховой (старшей дочерью Н.П. Астаховой) расширил его опыт знакомства с русской дворянской культурой.

В конце жизненного пути И.Ф. Вальков являлся ведущим методистом Ленинградского института усовершенствования учителей, возглавлял ленинградскую авторскую группу составителей всесоюзного Букваря (1954 г.), публиковал статьи в журнале «Начальная школа».

Несмотря на университетское образование и брак с дворянкой, Иван Феофанович никогда не терял связи с родной деревней Квасюнино. Каждое лето ездил навещать родственников, его сыновья дружили со своими деревенскими двоюродными братьями и сёстрами. В тяжёлые для деревни тридцатые годы Иван Феофанович помог многим родственникам перебраться в Череповец и там устроиться на работу и учёбу. Среди квасюнинских жителей он пользовался уважением и любовью.

В конце войны Иван Феофанович овдовел. Очень тяжело он и его сыновья переживали преждевременную смерть жены и матери. Сестра Надежда Феофановна поехала к ним на помощь. Жила у них целую зиму, старалась всячески скрасить их сиротство. Потом они неоднократно приезжали к ней в Череповец и на Квасюнино.

Вспоминаю, и до сих пор трогает до слёз, его последний, прощальный приезд в Квасюнино летом 1865 года. Несмотря на смертельную болезнь, он приехал из Ленинграда вместе сыновьями. Встречали его на пристани родственники. Бережно положили на телегу с сеном и повезли в деревню. Там его водили по всем памятным местам, и было видно, как он с ними прощается. Потом вернулись в Череповец. Как-то вечером Сергей и Кирилл устроили вечер поэзии: читали свои и чужие стихи. С какой любовью смотрел на них Иван Феофанович!

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ВАЛЬКОВА (АСТАХОВА)

Женой Ивана Феофановича была Наталья Николаевна, старшая дочь дворян Николая Аполлоновича Астахова и Натальи Петровны Астаховой (Логиновой). Ниже привожу краткие сведения о них.

Астахов Николай Аполлонович (1870-1944). Офицер Гренадерского полка в С.-Петербурге. Впоследствии – зять командира этого полка, генерала П.П. Логинова (пра-правнука **А.И. Ганибала**). Состоял в дружеских отношениях с однополчанином и соседом в здании гренадерских офицерских казарм – **Ф.Ф. Кублицким-Пиоттух** (семья А.А. Блока). После революции 1917 г. вместе со своей семьёй переехал в г. Череповец, где жил и трудился до выхода на пенсию. Как специалист по лесному хозяйству работал в Череповецком леспромхозе. Активно занимался озеленением города: проектированием и выращиванием новой части Соляного сада, насаждением и реконструкцией бульваров, созданием фрагментов зелёных насаждений вдоль Советского пр., у Соборной горки и др. В качестве самодеятельного художника участвовал в оформлении некоторых театральных постановок. Семья Н.А. Астахова, являясь хранительницей многих русских дворянских традиций, внесла значительный вклад в развитие культурной жизни г. Череповца накануне 2-й мировой войны.

Астахова (урожд. Логинова) Наталия Петровна (1875-1949). Дочь генерала П.П. Логинова (прямого потомка **А.И. Ганибала**), участника нескольких военных походов. В юности была близка к аристократическим кругам С.-Петербурга. Троюродная сестра Н.Н. Врангеля. Получила хорошее музыкальное образование; проявила способности к музыке, отмеченные композитором **Н.А. Римским-Корсаковым**. После замужества поддерживала дружеские отношения с **М.А. Бекетовой** (матерью А.А. Блока). В годы революционных потрясений перебралась вместе с мужем и семьёй в г. Череповец, где всецело отдалась пропаганде музыкального искусства среди рабоче-крестьянской молодёжи, заполнившей учебные заведения. Преподавала музыку и пение в Череповецком педагогическом техникуме, в средних школах. Организовывала концерты, хоровые ансамбли, музыкальные постановки. В качестве пианистки

возглавляла музыкальный квартет, который сопровождал в городском театре спектакли детского балета, руководимого её младшей дочерью Татьяной Николаевной Янсон. О деятельности Н.П. Астаховой сохранились многие воспоминания, в частности – в книге череповецкой писательницы Н.М. Ивановой-Романовой.

Наталья Николаевна Валькова (Астахова) также оставила заметный след в культурной жизни города Череповца в 20-30 гг. В семье она была хранительница лучших дворянских традиций, что, несомненно, отразилось на судьбе её сыновей – Сергея Ивановича и Кирилла Ивановича.

КАЛАЧЁВЫ **СТЕПАН МИТРОФАНОВИЧ И НАДЕЖДА ФЕОФАНОВНА**

КАЛАЧЁВ СТЕПАН МИТРОФАНОВИЧ (1890-1954)

Моя мать, Калачёва Елена Степановна (1922-1997), родилась в 1922 году в деревне Квасюнино Шекснинского района. Отец её, **Степан Митрофанович Калачёв (1890-1954)**, крестьянствовал до той поры, пока в деревне не начался голод после насильственной коллективизации, и ему пришлось в 1937 году покинуть родную деревню и уехать с семьёй в г. Череповец, где он работал до самой смерти вахтёром на проходной завода «Красная звезда».

Степан Митрофанович Калачёв
в молодости

Его отец **Митрофан, мой прадед**, был работающим человеком, но большим молчуном. Эта его особенность связана была с тем, что пришёл он в Квасюнино с хутора. Говорили, что его дед был мельником, так что молчаливый характер моего деда Степана – черта

родовая. Жена Митрофана, мать моего деда Степана, **Мария** заболела туберкулёзом и рано умерла. Осталось шестеро детей: Степан – старший сын, Николай, Сергей, Ефросинья, Анна, Андрей. Когда дедушка сватался к моей бабушке, Надежде Феофановне, то её многие отговаривали выходить за него за муж: «Куда на такую большую семью идёшь!» Однако вышла за Степана и хорошо сделала. Прожила за ним, как за каменной стеной. Был он всегда ровным, спокойным, жалел её – не посылал на тяжёлые работы, даже сам за скотом ухаживал.

Правда, пришлось и много печали пережить – умерли от туберкулёза, видимо, заразившись от матери, младшие сёстры Степана Ефросинья и Анна, брат Андрей. Помню, мне бабушка так жалостливо рассказывала историю о сестре Степана – Ефросинье. Была она очень красива. У неё был жених, которого она провожала в армию и по дороге сильно простудилась, попав под проливной дождь и ветер. С тех пор стала болеть. Жених, вернувшись из армии, жил в Череповце, и когда узнал о том, что она тяжело больна, привёз врача, лекарства. Но ничто уже не могло ей помочь – она умерла. Тогда он попросил у отца отрезать у неё косу – себе на память. Отец разрешил, а потом жалел об этом, поскольку жених проливал над этой косой слёзы долгое время. И не хотел ни на ком больше жениться. Тогда его мать сожгла эту косу в печке.

У Степана был младший брат – **Сергей Митрофанович**. В Квасюнино и на Копосихе жили его дочери – **Ефросинья, Нина, Вера и Валентина**. Сын **Иван** погиб в Отечественную войну, а самый младший – **Анатолий** живёт в Череповце. Вспоминается мне жена Сергея Митрофановича **Устинья**. Во времена моего детства, приезжая в Квасюнино, я дружила с её внучкой, моей троюродной сестрой Майей. Мы нередко забегали к этой доброй, кроткой старушке с тайной надеждой – не угостит ли она нас чем-либо. Начало 50-х годов было голодным временем, мы недоедали, а молодой организм требовал пищи. Как-то раз ей нечем было нас угостить, и тогда она натворила серых оладушек, видимо, из ржаной муки, и на рыбьем жире напекла их для нас.

Сергей Митрофанович Калачёв

Подсолнечного масла у неё не было. С каким аппетитом мы их ели! А ведь в детском саду я с трудом после строгих уговоров могла проглотить ложечку рыбьего жира. Вот что значит, когда еда приготовлена с любовью!

Дочери Устиньи унаследовали её гостеприимство и доброе отношение к родственникам. Неоднократно мы у них бывали в гостях и всегда нас встречали с любовью.

Дочь Сергея и Устиньи Калачёва Вера
с мужем Валентином Смирновым

Был у Степана Митрофановича двоюродный брат **Стафий Калачёв**, их дома стояли рядом. Это был крестьянин необыкновенно трудолюбивый, но деспотичный по отношению к своей семье. Летом он со всей семьёй в поте лица трудился в поле, все спали по два – три часа в день. Но и зимой не очень то выспаться в такой семье: зимами Стафий не сидел без дела тоже. Днём и ночью он делал сани, лодки и разную деревянную утварь, необходимую в крестьянском хозяйстве. Круглосуточно в избе стоят стук. Выпивал этот мужик редко, но метко. Это случалось иногда после успешной продажи своих изделий на ярмарке. В таких случаях его умный конь, которого Стафий очень любил, сам привозил хозяина, мертвецки спящего в санях. Анна, его необычайно кроткая жена, выходила с детьми на крыльцо и все вместе заносили своего кормильца в избу. Но, бывало, Стафий возвращался только навеселе. Как-то раз он решил подшутить над своими близкими и притворился сильно пьяным. Его с большим трудом занесли в избу, и тут он вскочил и громко захохотал, радуясь своей жестокой шутке. Но детей он очень любил, особенно свою младшую дочку, которую он ласково называл

Галинушка. Так её стали звать все деревенские – до самой старости.

Судьба этой семьи в советское время сложилась трагически. Когда началась коллективизация, у Стафия забрали коня. Он отвёл своего любимца на колхозную конюшню, пришёл домой, лёг на лавку и тихо умер. Его жену Анну в военные годы посадили в тюрьму за сбор колосков, а Галинушку забрали в ФЗУ, где она не смогла вытерпеть страшный голод и притеснения и сбежала в родную деревню, где её, арестовав, отправили в тюрьму. Сыновья Стафия и Анны погибли на фронте в сороковых годах.

Но вернёмся к деду Степану Митрофановичу Калачёву. Во

Степан Митрофанович в армии (сидит крайний справа)

время Первой мировой войны его взяли в армию, и он служил в Финляндии. Сохранилось несколько его фотографий этого периода. Бабушка с маленьким Толей ездила его навестить, и потом долго вспоминала о непривычном для неё быте финнов.

Вернувшись домой, дед стал по-прежнему крестьянствовать. В 20-е годы он разобрал большую часть старого дома и оставил только зимовку, где семья должна была жить, пока не построят новый дом. Но началась коллективизация, порушившая все планы, и большая семья так и осталась в маленькой зимовке.

Дед Степан очень не хотел уезжать из Квасюнина в город Череповец в 30-е годы: уже и семья перебралась и устроилась жить в общежитии педучилища, а он ещё год один жил в опустевшей зимовке. Перебравшись в Череповец, он стал работать вахтёром на заводе «Красная звезда». Получал маленькую зарплату, подрабатывал – всем знакомым и родственникам подшивал валенки и ремонтировал другую обувь. Для этого сам пропитывал варом суровые нити. Я наблюдала, как он это делает.

И в городе дед не мог отстать от крестьянских привычек. Так, в голодные военные годы, когда он за пуд ржи в зерне продал свою зимовку, то сделал ручную мельницу – *жернова*. Она состояла из деревянного каркаса и двух камней (жерновов), к одному из которых была приделана ручка. Когда мололи зерно, то держась за ручку, крутили камень, а из желобка сыпалась мука. Мне этот процесс очень нравился, я просила покрутить жёрнов, мне давали ненадолго, он был тяжёлым для меня.

Дед Степан очень любил во всём порядок: все свои инструменты он держал в особой тумбочке. В небольшой кладовке у него тоже всё лежало на своих местах. Ходил он обычно в солдатской форме, всегда чистой и аккуратной. Был у него, правда, для праздника один дешёвенький костюм, но его он надевал редко. Курил самосад, но не пил вина. Был очень во всём смиренным.

Дедушка умер, когда мне было 10 лет. Всю жизнь он был очень крепким здоровым человеком, несмотря на все лишения. Помню, как он, словно молодой, таскал полные мешки с картошкой, которую мы выращивали на выделенном нам участке. А было ему в то время около шестидесяти лет. Однако и его настигла страшная бо-

Братья Степан Митрофанович (слева)
и Сергей Митрофанович Калачёвы

лезнь – саркома. Когда он начал жаловаться, что ему трудно носить воду, так как болит нога, то было это для нас очень странно слушать – все привыкли к его богатырскому здоровью. Дедушку лечили, но рентгеновские снимки не сделали, говорили, что нет плёнки. Мне особенно было жаль дедушку, когда он уже не мог встать с постели и к нему на дом участковый врач вызвал хирурга. Хирург пришёл очень злой, требовал, чтобы дедушка встал, кричал: «Симулянт!» А дедушка, вечный труженик, беспомощно, чуть не со слезами отвечал: «Не могу». Когда всё-таки хирург стал ощупывать больную

ногу, то по-прежнему злобно, но потише, спросил его: «Где ты, дед, сломал свою ногу?» А он тихо ответил: «У себя на кровати». Сделали операцию, отняли ногу, но было уже поздно – болезнь дала метастазы. Помню, как я бегала к нему в больницу через весь город. Когда дедушку после операции привезли домой, то он подождал меня, ласково погладил и поцеловал. Это запомнилось, так как обычно дедушка был по-крестьянски суров и внешне неласков. Это он меня благодарил за то, что я часто навещала его в больнице. Через полтора года Степан Митрофанович умер. Это была осень 1954 года, и тогда (до Хрущёвских гонений на церковь) ещё разрешали приглашать священника на дом. Я тогда болела ангиной и лежала на маминой кровати с высокой температурой в той же комнате (нашей единственной), где лежал на столе умерший дедушка. Пришёл старый священник, видимо, тот самый, который меня крестил пять лет назад, и отпел раба Божия Степана.

Остатки дома Степана Калачёва в 50-е годы

КАЛАЧЁВА НАДЕЖДА ФЕОФАНОВНА (1885-1963)

Всё своё детство и юность я провела, живя в дружбе со своей бабушкой – Надеждой Феофановной Калачёвой. О её многотрудной жизни я узнала лично из её рассказов.

Надежда Феофановна родилась в семье Феофана Митрофановича и Еннафы Васильевны Вальковых. Отец, Феофан Семёнович Вальков, умер, когда ей было всего пять лет. Девочке очень хотелось учиться, но проучилась она всего один год. Надо было помогать бедной семье и девочку отдали в няньки. Тем не менее, Надежда Феофановна всю жизнь любила читать. Брала книги у Александра Фёдоровича Тихомирова, мужа старшей сестры Марии Феофановны. Потом училась дома вместе со своими детьми-школьниками. Переехав в Череповец, она очень много читала, беря книги из богатой библиотеки педучилища. Я так и запомнила свою бабушку с книгой в руках. Её брат, Иван Феофанович, закончивший Московский университет, говаривал: «Завидую я тебе, Надя, ты столько книг на своём веку прочитала!»

Надежда Феофановна Калачёва
(Валькова) в молодости

В молодости бабушка была высокой красивой девушкой. Она рассказывала, как горбилась, стоя в церкви, чтобы не выделяться среди своих низкорослых подруг. В зареченскую церковь она ходила часто. Вспоминала она и величественные крестные ходы с иконами Богородицы, когда особенно сильно проявлялись религиозные чувства крестьян.

В молодости Надежда Феофановна была влюблена в односельчанина из зажиточной семьи – Фёдора Рогова, но ему родители не позволили на ней жениться. Вышла замуж в 28 лет, что по деревен-

ским меркам считалось поздно. Однако выбор сделала хороший. Её муж, мой дед, Степан Митрофанович, был добрым, спокойным работающим крестьянином. Родились дети: Анатолий, Владимир, Елена, Лидия, Николай.

В центре в верхнем ряду заведующая деревенскими яслями
Надежда Феофановна Калачёва, слева от неё –
её сестра Мария Феофановна Тихомирова, справа её дочь – Лидия, 1933 г.

Бабушка вспоминала о дореволюционной жизни: «Жили бедно, в труде, в заботах о хлебе насущном, но какой свободной и весёлой была жизнь. Как умели и молиться, и веселиться!» Однако после революции жить в деревне становилось всё труднее. В тридцатые годы начался голод. Чтобы спасти детей, устроили так называемые «ясли», в которых кормили всех детей, независимо от возраста. Бабушку, поскольку она была грамотной, выбрали заведующей этими «яслями».

Начались беды. Старший сын Анатолий умер от воспаления лёгких восемнадцати лет в 1933 году. Второй сын Владимир погиб в боях под Ленинградом двадцати четырёх лет в 1943 году. Эти две утраты легли тяжёлым грузом на материнское сердце. Она рано начала болеть, поэтому во время войны нигде не работала и получала иждивенческий паёк 250 граммов хлеба. Можно было бы и умереть с голоду, но её поддерживал муж, Степан Митрофанович, и до лета 1943 года она получала по аттестату деньги за сына Владимира. Когда он пропал без вести, то эта помощь прекратилась.

Бабушка знала много старинных легенд, частушек, местных слов и поговорок. Мне удалось записать только часть того, что довелось услышать от неё и её подруг (см. разделы «Устное народное творчество», «Народная лексика деревни Квасюнино», «Край студёной смиренной доли...»). Часто к бабушке приходили её квасюнинские родственницы, которые, как и она, тоже теперь жили в Череповце. И тогда начинались бесконечные воспоминания и рассказы – и всё о жизни в Квасюнине. К месту иногда звучали и частушки о родной деревне. Вот некоторые из них:

Анатолий Степанович Калачёв
(1914-1933)

Надежда Феофановна Калачёва
(Валькова) в старости

Вы прощайте, сенокосы,
Все луга зелёные.
Прощай, Квасюнино-деревня,
Девушки весёлые.

Вдоль Квасюнина идём,
Идём да поворотимся.
На краю милашкин дом –
Ночевать попросимся.

Из переднего окошечка
Квасюнино видать.
Я помру из-за милёночка –
Никто не будет знать.

В Квасюнине почти все жители имели характерные прозвища, некоторые из них сохранились в моей памяти: *Калач*, *Валёк*, *Пестерь*, *Бутора*, *Жубрик*, *Башмак*, *Сластёна*, *Налетушка*, *Япониha* (у неё муж был на войне с Японией). Как-то, вспоминая о квасюнинских мужиках, бабушкины подружки вспомнили и шутливую песню «про квасюнят» (так себя называли жители этой деревни), в которой были точно подмечены их черты характера и повадки. Мне удалось записать только часть песни:

Из Квасюнина ребят идёт гужом:
Федю Рогова – в телегу запряжём,
А Стафия – повозничать,
А Беляева – модничат,
А Гореву – кнутом погонять,
А Жубрику – сзади бежать.

Песня эта была сочинена кем-то ещё до революции. В советское время судьба упомянутых в ней мужиков сложилась тяжёлой. Гореву раскулачили и выслали. Стафий, после того, как отобрали в колхоз его любимую лошадь, пришёл домой, лёг на лавку и тихо умер. Беляева раскулачили, и он тоже вскоре умер. Фёдор Рогов, раскула-

ченный, уехал из родной деревни. А Жубрик (Иван Зайцев) был бедняком и раскулачивал своих односельчан. Вспоминали, как он тряс вещами раскулаченных у магазина, но никто не хотел их покупать, так как многие односельчане молча сочувствовали репрессированным семьям. Впоследствии он вырастил двух сынов – Михаила и Петра, ставшего председателем колхоза, дочь – труженицу Еликаниду, которую в деревне ласково называли Линушкой.

Как писал поэт Н. Некрасов о времени падения крепостного права в России в 60-е годы XIX, «распалась цепь великая, ударила – одним концом по барину, другим – по мужику». Эта крылатая фраза в послереволюционное время получила новое звучание. Крестьяне также тяжело страдали, как и господа.

Уже живя в Череповце, Надежда Феофановна очень скучала по своей утраченной малой родине и каждое лето ездила в Квасюнино, а когда я подросла, брала и меня собой. Лучшие мои детские впечатления – это воспоминания об этих поездках. Уже после войны, во времена моего детства, многое в нашей городской квартире сохранилось от квасюнинского быта: сохранилась икона Спасителя, сохранились домотканые полотенца, сохранился обычай радушно

Надежда Феофановна Калачёва с младшим сыном Николаем. 1955 г.

принимать гостей из родных мест, пеклись, когда была мука, и квасюнинские пироги – налетушки и рыбники. Запомнилось, как к нам приезжали погостить Раиса Ивановна Тихомирова, её дочь Тамара и её сестра Клавдия, приезжала Устинья, жена уже умершего к тому времени брата Степана – Сергея Митрофановича, Настасья, жена также уже умершего брата Надежды Алексея, приезжала двоюродная сестра деда Степана Еликанида (по деревенски её звали Великонидой) и другие родственники.

Особенно мне запомнилась колоритная фигура **Демкаря**. Так его называли в деревне, поскольку он жил на хуторе Дёмкино за рекой. Он носил длинные кожаные сапоги, сшитые собственноручно, одет был очень чисто, аккуратно, имел длинную бороду, от него веяло запахом мёда, поскольку он имел пасеку. Дед Александр умел лечить разные болезни. Вылечил у себя язву желудка белой глиной, в которую добавлял мёд. Перед едой он доставал кисет, в котором вместо табака лежали белые шарики этого самодельного лекарства и принимал их. Глаза у него были удивительно синие и весёлые. Однако я его побаивалась, видимо, потому, что он был лесной человек, далёкий от нашей городской суеты. И было в нём что-то неведомое мне.

Александр Демкарь

Во время войны остатки нашего деревенского дома продали племяннице Степана Митрофановича – Ефросинье Калачёвой за пуд ржи. Помню, как-то бабушка, когда мы шли с ней по деревне, подошла к дряхлым остаткам своего дома и тихо, печально пропела:

Походили ноженьки
По этой по дороженьке.
Походили по траве –
Ходили да надарове.

Надарове – это значит напрасно, попусту, зря. Но я думаю – не напрасно жили наши бабушки и дедушки. Наш русский писатель В.М. Шукшин писал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту ... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами ... Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания – не отдай всего этого за понюх табаку ... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

(Воспоминания Людмилы Григорьевны Яцкевич-Калачёвой)

Более подробно я написала о жизни бабушки, дедушки и их детях в рассказе, который помещаю ниже.

ВОСКРЕСЕНИЕ НА ШЕКСНЕ

К весне 1933 года разруха от коллективизации в северных русских деревнях дошла до края бездны. Но и на краю бездны, заглянув в неё, не потеряли мужики головы и сохранили живую душу. Особенно яркой свечой горела душа у крестьянских детей, рождённых в годы войны, революции и разрухи. Через этих крестьянских детей Русь выживала и снова воскресала, распятая на кресте двадцатого века.

Степан и Надежда воспитывали пятерых детей. Старший, Анатолий, уже учился в педучилище в Череповце. Второй сын, Владимир, собирался последовать за горячо любимым старшим братом. Оба писали стихи, знали не только Пушкина, Лермонтова и Блока, но и помнили наизусть и пели стихи Клюева и Есенина. «Откуда это у моих детей?» – спрашивала себя не раз Надежда. И всегда молчаливый Степан отвечал: «От Бога!»

А Владимир, философствуя в свои четырнадцать лет, писал:

*Родился я в голодный год.
Полон страданий и невзгод.
Но годы шли. Хоть тихо я
Но всё же рос. И мне поля
Любимым верным другом стали ...*

Иногда он пугал родителей и сестёр недетскими пророческими стихами. Вот одно из них:

*Я уйду... Как берёза по ветру
Золотые листья роняет.
И угасну по раннему утру,
Как по утру звезда угасает.
На дороге захоженной мост
Чаща ив закрывает, звеня.
Вы свезите на старый погост,
Под крестом положите меня.
Пропойт обо мне лишь во ржи
Лебеда в предосенней тоске.
Прокричат журавли у межи
На холодном безмолвном песке.*

Мужики, оставшиеся в деревне после коллективизации, решили: первое дело – надо детей от голода спасать. Председатель предложил устроить так называемые «ясли», в которых удалось в эти тяжёлые времена спасти от голодной смерти многих детей, начиная с действительно ясельного возраста и кончая шестнадцатилетними,

которые одновременно выполняли роль и детей и нянек. А воспитателем был здесь сам голод. С его помощью и поддерживалась безупречная дисциплина и неукоснительный порядок. Перед началом трапезы за длинным деревянным столом в бывшем доме богатого мужика Демидова, погибшего в первые годы революции, крестьянские дети, маленькие и большие, сидели смирно. Бойкая девушка Фрося, раздавая миски и ложки, командовала: «Что молчите? Запевай!» И первая начинала:

Мы кузнецы, и дух наш молод.

Куём мы счастья ключи.

Вздымайся выше наш тяжкий молот,

В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи...

И при словах «стучи, стучи, стучи ...» все дети начинали стучать, кто ложкой о миску, кто ладонями по деревянному столу. Всеобщий восторг нарастал... И действительно, казалось, что они были счастливы в этот миг, несмотря на истощённые лица и тонкие ручки и ножки. Как же не радоваться? Ведь сейчас дадут есть! Обед состоял из каши и кружки молока! Дома давно этого не было...

Заведовала этими «яслями» Надежда, которую на этот пост выбирали всем миром: надо было, чтобы человек был честный, добрый и заботливый. Таких баб было много в деревне. Но выбрали её – как более образованную (читать и писать умела) и с твёрдым характером.

Муж её Степан, мужик работающий и смирный, тем временем спасал оставшийся скот: под его командой ездили в лес рубить ветки, мельчили их и парили в больших котлах. Тем и кормили весной бедных коровушек. Так проходила весна, а осени в деревне теперь были тоже невесёлыми.

Вспоминая деревенские вёсны прошедших лет, Владимир с болью в сердце сочинял такие отроческие стихи:

Шелестит листвами тополь,

Звуки гаснут на ветру.

Кобелиный слышу вопий

По весеннему утру.

*Мне знакомы эти звуки,
Песню слышу о былом.
После долгих дней разлуки
Посетил я отчий дом.*

*Это в прошлом мае было,
Это милая пора.
Кобели встречая выли
У заросшего двора.*

*И мои односельчане
Тихо кланялися мне.
Поклонился старой бане
И овину на гумне.*

*Но не вижу только межи
У зелёного конца.
«Тятя, наше поле где-же?»
Дрогнул голос у отца:*

*«Наше поле запахали
Новой лошадьё стальной»
...Рано росы отблестили,
Отгорел закат ржаной. ...*

Временами наваливалась на Надежду и Степана чёрная тоска-кручина, но тужить было некогда: и день и ночь в работе и в заботе. Согревала родительское сердце и надежда на старшего сына: закончит скоро Анатолий училище, глядишь, и в люди выйдет.

Вот уж долгая голодная и холодная зима за плечами, март наступил. Солнечным деньком ехал Степан из леса с ветками на коровник. Видит – председатель к нему бежит, кричит издали: «Степан! Зайди сейчас ко мне!» Слез не спеша с саней, обмёл валенки на крыльце, зашёл в контору к председателю. А тот: «Степан! Вот телеграмму тебе свояк из Череповца прислал» – и замолчал, будто слова в горле застряли. Взял молча Степан клочок бумаги и прочи-

тал: «Ваш сын Анатолий умирает от воспаления лёгких в больнице. Срочно приезжайте. Иван». Степан опустил голову, постоял молча да так и пошёл ни слова не говоря на улицу.

Слух раньше его принёс в дом страшную весть. Дочери-подростки плакали, маленький Коля им вторил, Владимир сидел под иконами, уткнувшись головой в руки. Надежда с потухшими серыми глазами на красивом тонком лице уже собиралась в дорогу. Кому же, как не матери, быть рядом с сыном в последние минуты его жизни! В избу начали собираться родственники и соседи. Решили, что повезёт Надежду в город её брат Андрей, а Степан останется дома с детьми и хозяйством.

До города было вёрст шестьдесят, но мартовская дорога уже сильно растаяла и превратилась в рыхлое месиво, поэтому добрались до Череповца только на следующий день к вечеру. В приёмном покое городской больницы ей холодно сказали: «Ваш сын умирает, но посторонним вход воспрещён. Карантин». Как ни умоляла врача, как ни плакала – не дали побыть матери у постели умирающего сына! В изнеможении устроилась она в коридорчике на полу, ожидая утра и страшных вестей. Сердце замерло и, казалось, превратилось в лёд ... Рано утром вышел врач, поморщился и сказал, глядя в сторону: «Ваш сын умер в двенадцать часов ночи. Можете забрать тело».

Хоронить Анатолия повезли в деревню. Весеннее солнце беспощадно слепило глаза, снег за прошедшие сутки почти полностью стоял с дороги, и лошади, всхрапывая и кося глазом, с трудом тащили тяжёлые дровни с гробом. К вечеру, совсем выбившись из сил, завернули к дому, стоящему на окраине деревни недалеко от Шексны, покрытой набухшим, потемневшим льдом. Тревожный ветер гулял на просторе речных далей, безжалостно рвал и теребил ветви прибрежных ив, берёз и тополей.

Робко постучал в двери кнутом Андрей. Через минуту в окно выглянула немолодая женщина, осмотрела внимательно Надежду с братом, дровни с гробом и пошла открывать двери. Вошли в избу, перекрестились на образа и перевели измученный взгляд на хозяйку. Та всё поняла, и когда, наконец, Андрей выдавил из себя фразу: «На санях не добраться. Надо за телегой ехать ...» – она тихо от-

ветила: «Гроб на дровнях поставим в сарай, там у нас теперь чисто. А ты, милая, пока у меня поживи. Даст Бог, мужик-от скоро с телегой вернётся».

Андрей быстро распряг лошадь, попоил, покормил её сеном и, не дав как следует отдохнуть себе и ей, в ночь отправился верхом дальше.

Надежда, казалось, с трудом понимала, что вокруг происходит. Она на всё смотрела с мёртвым равнодушием. Мария, так звали хозяйку, ни на минуту не спускала с неё глаз, нянчилась с ней, как с ребёнком. Прошли ещё сутки, в течение которых Надежда просидела у окна, неотрывно глядя на реку. На попытки хозяйки разговорить её, заставить вместе поплакать и облегчить тем ношу непомерного горя, она или отмалчивалась, или говорила всегда одну и ту же фразу: «Паренёк-то мой в городе холодал и голодал, вот и помер». На второй день утром, когда Мария уходила за водой на колодец и немного задержалась с любопытствующими соседками, объясняя им, кто и зачем у неё остановился, Надежда вышла из дома и быстро пошла по тропинке к проруби. Мария с высокого берега издали увидела её, бросила вёдра и кинулась за ней. Догнала у самой кромки чёрной полыньи ... Чтобы не вспугнуть, тихо подошла сзади и ласково взяла за руку: «Надя! Вспомни о своих деточках! Ведь их у тебя ещё четверо! Не осироти бедных». Надежда вздрогнула, словно просыпаясь, неимоверным усилием заставила себя отвести непослушные глаза от бездны и посмотрела на плачущую Марию. А та ей опять: «Пойдём, милая в дом, погреемся чайком». Послушалась как-то бессознательно и почти равнодушно, побрела назад.

Вернувшись в дом, Мария посуровела и сказала Надежде про-никновенно: «Велико твоё горе, матушка! Но вспомни Богородицу и её слёзы у креста распятого Сына!» После короткого молчания продолжила: «А сынка своего отпоёшь в церкви, как приедете. И возьмёт Христос к Себе твоё невинное чадо. Только молись Спасителю». Надежда начала едва заметно оживать, взглянула на иконы, рука сама начала креститься по давней, тысячелетней привычке всех русских женщин. Из глаз полились слёзы – и обе женщины, упав перед образами, тихо заплакали. Впервые за все эти страшные дни...

Ещё одни сутки миновали. Как родная мать, выхаживала Мария свою незваную гостью. Слёзы сменялись разговорами, в которых в основном говорила хозяйка, а гостя только слушала и лишь изредка что-то отвечала. Наконец, христианское смирение кроткого сердца Надежды победило открывшуюся перед нею бездну отчаяния. Она нашла силы встретить приехавшего на телеге мужа. Твёрдо стоя на ногах, нашла слова, чтобы смягчить первый страшный удар встречи мужа с мёртвым сыном.

Вернулись в родное Квасюнино и похоронили юношу на заречном кладбище, недалеко от белокаменной церкви, в которой его и отпели, как отпевали до этого всех его предков последние триста лет.

Весна, лето и осень прошли в безутешном оплакивании погибшей молодой жизни. Но тайна смерти равносильна только тайне рождения новой души. После смерти брата Володя стал часто задумываться, погружаясь в какие-то пока неясные грёзы и образы. В пятнадцать лет, когда сердце страстно рвётся вперёд, неудержимо спешит навстречу неизвестному, страшно испытать внезапную остановку стремительного полёта, резкий разрыв, казалось, извечно прочной цепи жизни. И тогда вдруг душа погружается в сон наяву, то есть летит в таинственном пространстве духа:

Сон

Посвящается дорогому Толе.

*Светит месяц, светит ясно.
Звезды жемчугом мерцают –
Образ Толи посылают.
Взмыть хочу ... но всё напрасно!
Вдруг поднялся. Полетел
В изумрудное пространство,
Жизни лучшее убранство.
Тихо. Песенку запел.
В синей дымке я заметил:
Кто-то машет мне рукою.
Сонной я поник главою.*

*Взгляд приветливый он бросил –
Мне застлал глаза туман,
Слёзы градом покатились,
А уста в лёд превратились...
Сон ли это? Иль обман?*

В начале октября, перед Покровом, решили последний раз перед зимой побывать на могиле Толи, отслужить в церкви панихиду. Переехали на пароме по тёмной осенней воде Шексны и пошли к Чёрному озеру, где стояла старинная белокаменная церковь и при ней располагалось кладбище. Места эти издавна были овеяны таинственными легендами о святом пустыннике Антонии, на его мощах и была позднее построена церковь. Поэтому и назывались эти заречные лесные места пустынью. После литургии и панихиды в церкви, страшась смотреть на свежую могилу родного человека, долго стояли, растворяясь душой в печальной тишине осеннего кладбища и обступивших его со всех сторон облетающих лесов. Наступил краткий миг умиротворения. Зазвонил на колокольне одинокий колокол.

В тот же вечер Володя написал стихотворение, над которым потом долгие годы проливала слёзы его мать. Предчувствия не обманывали поэтическую душу юноши. Вот это стихотворение:

Завещание

*Как умру, вы меня схороните
На кладбище пустыни сырой.
Рядом с братом средь белых берёз
Положите увядающей ранней порой.
Положите к востоку главою,
Чтоб мне видеть, как солнце взойдёт.
И с весёлой, румяной зарёю
Кто-нибудь на могилу придёт.
На могиле насыпьте повыше
Круглый холм из сырого дерна.
И не будет спокойней и тише
Моего бесконечного сна.*

*Дикий камень на холм положите,
Будет славный мне памятник он.
И осенней порой навестите,
Как услышите утренний звон.
Звоном утренним, ранним, весенним
Будет чувства иные будить.
Нет, не буду ночами осенними,
Как таинственный призрак, бродить.*

Когда тишина и покой вечности настигает юную душу, у неё вдруг открываются духовные очи: она прозревает. И тогда рождаются такие стихи:

Июньское утро

*Разбуди меня завтра рано,
Только птица чуть песнь запоёт,
Когда в синем и бледном тумане
Свет июньского утра блеснёт.*

*И не трудится в поле крестьянин,
И не выгонил стадо пастух.
Пробужусь я от сладких мечтаний.
Пока звёздный свет не потух
И по рани зарёй золотистой
Не осветится спящий восток,
Пока капли росы серебристой
Не уронит дорожный листок.*

*И пока нетух белокрылый
Не встряхнёт крылом ночи сон,
Не раздастся так сердцу милый
Старой церкви протяжный звон,
И над тихой, спящей рекою
Не рассеется бледный туман, -
Я восстану бодрой душою -
И развеется ночи дурман.*

Родные стали замечать, что Володя даже внешне изменился: глаза смотрели как-то вглубь себя и одновременно вдаль, он стал собранным, не по-детски сдержанным.

Перед ним по-новому открылась пронзительная прощальная краса родного края:

*Люблю тебя, о, край мой синий,
С немою тишиной болот,
С сухим плетнём перед овином,
С крапивой жёлтой у ворот.*

*Люблю, когда у наших окон
Блестят листвою тополя,
Когда с цветущею осокой
Шумит по утру конопля.*

*Где брюквы голубая тина
Плеть широкий сторожит,
Где на заре перед овином
Овёс ромашкою звенит.*

*Вдыхать люблю я в день осенний
Дремоту жёлтой лебеды,
И над уснувшею деревней
Тальянки звонкие лады,*

*И по утрам над крышей ветхой
Берёзовую гарь печей.
И грезит с ивовой веткой
Дощатый мост через ручей.*

*И грезит месяц о прошедшем
Над далью синюю полос.
Грустит о страннике ушедшем
Цветущая листва берёз.*

*Соломы нежное дыханье,
Всегда немая ширь полей,
Коней предупреннее ржанье
И крик осенних журавлей.*

*Когда весёлой песни голос
Звенит в нескошенной траве
И ветер треплет мои волосы
На бесталанной голове.*

*Где в утренней, дремотной рани
Когда-то песни пелись мне,
Желтеют осенью багряной
Скирды соломы на гумне.*

*Люблю я песнею весёлой
Дремотный лес оповестить.
Широкие поля и сёла,
Я не могу вас не любить!*

*С черемухой цвести я буду,
Её молчанью научусь.
И вижу я везде и всюду,
Тебя, берёзовая Русь.*

Владимиру открылась сила и мощь родимой земли, её живые
ключи:

*Ключ студёный, ключ холодный,
Напои водой меня.
Под листвою прошлогодней
Ты бежишь, струёй звеня.*

*Напои дыханьем лета,
Блеском солнечных лучей,
Ночью, днём и на рассвете
Тихим трепетом речей.*

*Напои водой игривой
Поздним вечером коня.
Пусть тряхнёт он белой гривой,
Золотой уздой звеня.*

*Он помчит меня далёко,
Пыль взовьёт из-под копыт.
Поле синее широко,
Даже конский глаз не зрит ...*

*Пробегают через ниву
Серебристый ключ в реку.
Так неси же конь игривый,
Бей копытом на скаку.*

*Радуйся дыханью лета,
Блеску утренней травы.
Пропояю я на рассвете
Песню светлую души.*

Как-то приехал летом из Череповца дядя Владимира. Иван Феофанович приходился Надежде братом. Это был крестьянский сын-самородок, которому ещё до революции удалось закончить Московский университет. Получивший прекрасное образование, трудолюбивый и неизменно тихий и скромный, он женился в 1919 году на умной, образованной девушке из старинного дворянского рода, укrywшегося от бури революционного Петрограда в тихом провинциальном Череповце. В его семье все любили поэзию, музыку, сами сочиняли стихи, пели.

Он преподавал в педагогическом училище, но родные места не забывал. Однажды вечером, после прогулки, сидели гости на крыльчике и разговаривали с деревенской роднёй, любуясь закатом, полыхавшим над полями и лесом. Незаметно речь зашла о поэзии. Гости, уже зная, что Володя пишет стихи, стали его расспрашивать, как это вдруг проснулся у него поэтический дар, попросили прочитать что-нибудь. И вот юноша начал:

*Я подслушал песни эти
В нежном шёпоте берёз,
Вешним утром на рассвете
В серебристом блеске рос.*

*Напою слова сияньем
Ранней утренней зари.
В свежем трепетном дыханье
Тихо грезят пустыри.*

*Хорошо петь утром вешним,
Когда в грусти сердцем чист.
Мне про мир иной, нездешний,
Придорожный шепчет лист.*

*И ручей мой серебристый
Звонок, весел, говорлив.
Он звенит в траве росистой,
В голубом покое нив.*

*Ранним утром при дороге
В грусти ивы отцвели.
К одному концу в тревоге
Все дороги жизни шли.*

*Простираю в грусти взоры
На несжатой полосе.
Дремят ветхие заборы,
Лебеда звенит в овсе.*

*Я покину это поле
У зелёного конца,
Нагружусь наутро вволю
У дощатого крыльца.*

Всех сидевших на крыльце прочитанные стихи пронзили, как родная музыка, способная всколыхнуть сокровенные глубины души. Иван Феофанович, вытирая непрошенные слёзы, проговорил сестре: «Да, Надюша, наберись мужества. Тяжело на Руси быть матерью крестьянского поэта ...». Все молчали, переживая услышанные стихи и слова Ивана Феофановича ...

Володя вдруг неожиданно поднял опущенную голову и начал отрешённо:

*Я из тех, что недавно ушли
В мир иной, беспредельный и вечный.
До меня на заре отцвели
В нежной грусти берёзы-свечи.
Ранней осенью жёлтые листья
Облетают с посохших деревьев.
И в осеннем ветреном свисте
Чуть слышны переборы слов.
Вянет, вянет трава пожелтелая,
И качается ветхий забор.
Сыплет листья глава облетелая,
Пережитым туманится взор.*

*... Отзвучали песни ваши
В звоне веток отцветших берёз.
Над просторами чёрных пашен,
На межах пожелтевших полос.
Но под вечер синий, весенний
Ваших песен звучат бубенцы.
Только Клюев, Орешин, Есенин
Над родными полями певцы.*

*Ах, поля, перелески, заборы,
Я хотел бы петь, жизнью горя.
Да моя в белый вечер скоро
Догорит золотая заря.*

Мать затревожилась: она не воспринимала стихи сына как поэтическую условность и не знала, что тему ранней смерти в творчестве юных поэтов принято называть штампом романтической поэзии. И через несколько лет оказалось, что она – единственная из слушателей – поняла стихи сына в истинном их пророческом смысле. Ивану Феофановичу тоже стало не по себе. Он вздохнул и сказал: «Прошу тебя, Володя, не называй имена этих поэтов, когда будешь учиться в городе, при чужих людях. Это опасно теперь».

Осенью Володя стал учиться в педучилище. Череповец был тогда небольшим городом, но уже успел приобщиться к новой советской культуре, к поэзии новых советских поэтов. Володя пишет новые стихи, в которых намечается противостояние разных культур, разных миров. По образному строю мыслей и по оценке сегодняшней России его стихи перекликаются с поэзией Николая Клюева. Видимо, сборники стихов уже арестованного и сосланного в Сибирь поэта ещё не успели изъять из библиотек провинциального городка. Бережно хранились стихи опального поэта в домашних библиотеках и в памяти студентов – в основном деревенской молодёжи.

Юрий Андреевич Вальков (слева) и Владимир Степанович Калачёв.

В те годы, когда уничтожалась духовная культура деревни и её «последние поэты», вдруг начал бурно развиваться новый деревенский фольклор: крестьяне и их дети стали писать стихи, повторяя в них, с большей или меньшей степенью оригинальности и талантливости, образы и поэтические мотивы любимых поэтов – Есенина и Клюева. Обычно считают, что поэзия профессиональных поэтов, как полноводная река, питается многочисленными ручейками народной поэзии, устного народного творчества. Так оно и есть, но в тридцатые годы реку поэзии пытались повернуть в новое, искусственное русло, в страну коммунистических призраков и идеологических химер, то есть в никуда. Вот тогда и воскресла пленённая река в многочисленных тихих, но чистых ручейках: народная поэзия – в поэтах-крестьянах. В одной только деревне Квасюнино можно было насчитать более десяти поэтов. Кроме Владимира, стихи писали его брат Анатолий, двоюродные братья – Юрий, Сергей, Кирилл Вальковы, муж его тётки Марии Александр Фёдорович Тихомиров.

Весной 1936 года семнадцатилетний Владимир написал большое стихотворение, которое так согрело бы сердце сосланного в Томск и обречённого на скорую гибель поэта Клюева. Если бы он знал, что его поэзия вдохновляет молодых поэтов – юношей, родившихся в его родных северных краях! Вот это стихотворение:

*Вам не петь о жизни старой,
О синеющих просторах,
Об изломанных амбарах,
О разрушенных заборах.
Голубых полей овсяных
И соломы нежный шёпот
И по улице уснувшей
Не услышать конский топот.
Не услышать в нежной сени
Песни дремлющей соломы,
Не увидеть в день осенний
Ячменёвые хоромы.
За растворенным окном
Песни прошлого не слышать.*

Не увидеть над прудом,
Как осина листом дышит
Не услышать в день весенний
Песни жёлтой лебеды,
Над уснувшею деревней
Зазвеневшие лады.
Не видать вам, как мечтают
Ячменёвые просторы.
Об ушедших вспоминают
Развалённые заборы.
Зачарованною песней
Не лелеять нежно слух.
На заре в рожок древесный
Петь не будет вам пастух.
Ведь самим вам не ответить,
Где у вас есть отчий дом.
И вам грусти не заметить
Над синеющим прудом.
Не услышать над болотом
Крик тоскливый кулика,
За весёлою работой
Грустных песен мужика.
Да, в деревне рождены
Мои грустные мотивы.
Для моих стихов даны
Голубеющие нивы.
Вы родились в городах,
Где лишь камень да железо.
В ваших крепнущих стихах
Гулкий посвист паровоза.
В моих песнях голубеющих
Грусть-тоска неизъяснимая
И веселье в поле зреющем,
До небес перевозносимое.
В вашей жизни только слышится:
Сталь, бетон и снова сталь.

*Наши хаты – деревянные,
Золотые верхи крыш.
Под окном благоуханная
Голубеющая тишь.
Ваша улица – бетонная
Не тоскует в городах,
Синей далью опьянённая,
В голубеющих садах.
Ваша песня не сживается
С жёлтой рожью на гумне.
Жёлтый колос вспоминается,
Зачарованному мне.*

В этих ранних поэтических опытах деревенского паренька оживают образы и чувства гениального Клюева.

Перед войной Владимир служил в армии в Москве, поэтому в начале войны оказался на штабной службе, был адъютантом генерала Кокарева. Но всё время просился на передовую. Однако с ним, как с хорошим адъютантом, генерал не хотел расставаться. И только летом 1943 года Владимир в должности старшего лейтенанта оказался на передовой под Ленинградом. 25 июля этого же года он погиб в бою около Синявина.

На фронте он написал много хороших стихов, познакомился со многими поэтами, переписывался с ними. Как и любой искренний поэт, Владимир обладал пророческим даром и предвидел свою раннюю смерть.

Надежде Феофановне и Степану Митрофановичу пришлось пережить смерть и второго сына. Его кратковременные приезды в первые годы войны были для них утешением. Владимир заезжал на один-два часа, а иногда и на несколько минут, когда по делам службы был в командировке и проезжал мимо родного города. Он появлялся стремительно: выкладывал в качестве подарка продукты своего офицерского пайка, оставлял свои новые стихи, в рукописи или опубликованные во фронтовой газете, жадно расспрашивал о жизни всех родственников и, растревожив родителей, мчался снова на вокзал. Мать умоляла: «Володюшка, останься хоть на сутки

дома!» Но от не мог этого сделать. В последний раз, видимо, предчувствуя, что больше не бывать ему в родительском доме, Владимир попросил сохранить все его рукописи и сборники стихов других поэтов, подаренных ему с автографами, в деревянном сундучке до окончания войны. Этот сундучок не раскрывался до 1956 года. Мать всё ждала возвращения сына и не могла поверить до конца, что его нет в живых.

Накануне того дня, когда пришло известие о гибели сына, ей приснился кошмарный сон, будто на их дом напали красные отвратительные крысы, загнали её в кухню, и она пытается спастись от них, кричит, умоляет кого-то о помощи. Появляется соседка Зинаида и выводит её оттуда. На другой день, когда она одна изнемогала под тяжестью полученного извещения (дома никого не оказалось в этот момент), на помощь ей действительно пришла Зинаида, которая услышала через стенку её рыдания и поспешила на помощь.

После такого удара здоровье Надежды Феофановны уже нельзя было поправить. Но жизнь продолжалась ради других детей – двух дочерей и сына, для которых она всегда была утешением и отрадой.

В двадцатом веке русское крестьянство приняло на себя самые страшные удары враждебных России сил. Мы должны это помнить и передавать потомкам.

Из книги Л. Г. Якуевич-Калачёвой «Вологодская нива».

– Вологда, 2004.

ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА КАЛАЧЁВА
(1922-1997)

Родилась Елена Степановна в крестьянской семье в деревне Квасюнино. Её отец Степан Митрофанович Калачёв и мать Надежда Феофановна (в девичестве Валькова) жили в родной деревне до 1937 года, откуда пришлось уехать из за голода и колхозного бесправия в Череповец. Там семья (родители и четверо детей) ютилась в маленькой комнате общежития пединститута. Матери, моей бабушке Надежде Феофановне, удалось с помощью брата Ивана Фео-

фановича устроиться работать комендантом этого общежития. Все были рады, что есть угол, где можно преклонить голову, и есть в тумбочке – хлеб и сахарный песок. Елена и её брат Владимир учились в школе, а затем в педучилище. Брат Николай и сестра Лидия были школьниками.

Война прервала эту сравнительно благополучную жизнь семьи. Владимир воевал под Ленинградом и там погиб под Синявином в страшных боях. Елена и Лидия работали в госпитале, а потом Лидия уехала работать в другой город, а Елена добровольно пошла на фронт. С зимы 1942 по лето 1944 она служила в морской пехоте на полуострове Рыбачий. Там она познакомилась с моим отцом Григорием Ермолаевичем Ермолаевым, офицером. Я родилась в ноябре 1944 года в Череповце.

После войны мы жили в деревянном доме с мезонином на углу, на пересечении Красноармейской и Социалистической улиц, недалеко от Красноармейской площади, которая в те времена представляла собой зелёную лужайку с разрушенной церковью посередине. Движения по этой части города тогда почти не было, поэтому меня рано стали отпускать гулять на эту площадь. Помню, тогда я очень любила встречать маму после работы. Приходила на площадь заранее и долго ждала, когда она появится из-за угла – с улицы Советской. Как мы обе радовались встрече!

В молодости мама постоянно занималась рукоделием (некоторые её вышивки сохранились у меня до сих пор). Это занятие позволило ей скрасить наше довольно бедное существование. Она шила мне одежду из старых вещей, так как в послевоенные годы трудно было что-либо купить в Череповце, да и зарплату она получала маленькую. Помню до сих пор, как мы вместе с ней делали ёлочные игрушки перед Новым годом. Получалось очень красиво. А главное, сколько радости было!

Когда я пошла в школу, мама приучала меня к прилежанию и самостоятельности. Благодаря её стараниям, я стала хорошо учиться. Радостно было идти домой с отличными оценками в тетради и дневнике! Помогала мама и в воспитании детей своей сестре Лидии, которая тогда жила с семьёй в Смоленской области: её сын Володя жил у нас в пятилетнем возрасте целый год. Нянчилась она и

с маленькой племянницей Надей, дочерью брата Николая, когда его жена училась в институте и уезжала в Ленинград на сессию.

С раннего детства я слышала от своей бабушки и мамы рассказы о дяде Володе. Когда подросла, стала читать его тетради и записные книжки со стихами. Жили мы дружной семьёй: бабушка Надя, дедушка Степан, мама и я. К нам в гости приходило много родственников и знакомых, которым мы всегда были рады. Ведь в те времена люди жили естественной, своей, а не чужой, жизнью, и телевизор не заслонял и не убивал её, как это, к сожалению, бывает сейчас.

После возвращения с фронта в 1944 году и до 1976 года мама работала в пединституте лаборантом, последние 20 лет в кабинете педагогики. Кроме основной работы в кабинете с книгами и со студентами, она, по просьбе зав. кафедрой Михаила Георгиевича Хитаряна, много работала в череповецком и ленинградском архивах и собирала материалы по истории народного образования в Череповце. Эти материалы сначала хранились в кабинете педагогики и в институтском музее, а где они сейчас, я не знаю. В институте преподаватели и студенты маму очень ценили и уважали как добросовестного и ответственного работника. При этом она была всегда очень скромным и мирным человеком.

Мать посвятила себя своим близким и мне. Со школьных лет я чувствовала, что все её жизненно важные интересы сосредоточены вокруг меня. Она очень хотела, чтобы я после института училась дальше – в аспиранте. Это её желание исполнилось. В 1966 году я поступила в аспирантуру на кафедру русского языка ЛГПИ им. А.И. Герцена, стипендия была небольшая, и мать, несмотря на свою очень маленькую зарплату, посылала мне деньги все три года учёбы. И так всю свою жизнь: отказывалась от необходимого, чтобы помочь дочери и её семье. Она не боялась никаких трудностей. Вот у меня родилась первая дочь Светлана, у нас с мужем в Гомеле нет своей квартиры, а на частной квартире ребёнка не разрешают держать. Что делать? Мать находит хорошую няню (свою двоюродную сестру Киру Александровну) и берёт внучку к себе в Череповец, хотя сама ещё работает. Светлана жила у неё почти два года, пока мы не получили свою квартиру. Помогала она воспитывать и вторую мою дочь Лену. Тогда она ушла с работы, хотя ей этого не

очень хотелось, и переехала к нам в Гомель. Она прожила в нашей семье 21 год (с 1976 по 1997) и всегда была нашей опорой и утешением. За это время она ни разу не поссорилась со своим зятем, такой уж характер был! А я вот чувствую за собой вину, так как иногда я её огорчала своим вспыльчивым характером.

Мама многое сделала для сохранения памяти о своём брате Владимире Калачёве. Бережно хранила семейный архив со стихами и письмами брата, переписывалась с журналистами. Её стараниями в шестидесятые-семидесятые годы появились публикации о Владимире в областной и центральной печати. Меня она также привлекла к этому делу. Будучи ещё студенткой в 1964 году я опубликовала в академическом журнале «Русская литература» письмо известного поэта Н. Асеева, адресованное Владимиру.

Каждое лето мы ездили в гости в гостеприимный дом нашей родственницы и моей крёстной Раисы Ивановны Тихомировой (в девичестве Голубевой). Ходили в Кривоногово (так назывался лес, принадлежащий деревне) за ягодами и грибами, гуляли в польце, сидели на берегу Игайки или Шексны. И с горечью осознавали, что мы здесь уже не хозяева, а лишь гости. Но всю жизнь мать и бабушка любили свою родину – деревню Квасюнино сокровенной любовью... И мне привили эту любовь.

О нашем чувстве к родной деревне хочется сказать словами Николая Рубцова:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

(Воспоминания Л.Г. Яцкевич-Калачёвой)

**ТИХОМИРОВ
АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ И ЕГО СЕМЬЯ**

Александр Фёдорович и Мария Феофановна Тихомировы
с сыновьями Александром (стоит справа) и Ростиславом,
дочерью Кирой.

**АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ ТИХОМИРОВ
(1874 -1942)**

Мария Феофановна Валькова вышла замуж за своего односельчанина Александра Фёдоровича Тихомирова. Деревенский мужик,

выучившийся грамоте, Александр Тихомиров ещё до революции собрал большую интересную библиотеку, выписывал журналы «Нива», «Всемирная панорама». Уехал в Белозерск и там дослужился до пристава. Во всём любил порядок, но особенно ценил тишину и мир, поэтому и фамилию себе подобрал подходящую – Тихомиров. Его родовая деревенская фамилия была Башмаков, так как кого-то из его предков за что-то прозвали Башмаком. Его старший сын Александр, деревенский поэт и юродивый Христа ради, однажды, желая пошутить над строгим отцом, сочинил о нём эпиграмму:

*Васькин брат, Славухин дядя,
Из породы Башмаков ...*

Отцу стихи понравились, он любил в людях смирение и сам готов был услышать о себе справедливые слова. Тихомиров любил поэзию, сам писал стихи, много поэтических сборников было в его домашней библиотеке. Его лучшим другом был учитель Шубин, который в 30-е годы был репрессирован и погиб в тюрьме.

В годы разрухи и коллективизации Александр Фёдорович написал поэму, подобную поэме Николая Клюева «Погорельщина», и сам читал её вслух родственникам и друзьям. В сороковом году кто-то донёс властям. Тихомирова арестовали и посадили в тюрьму, которая находилась на острове в Белозерском районе, где он и умер от голода в первый год войны. Текст поэмы бесследно исчез, но до сих пор среди его родственников ходят легенды о том, как Тихомиров, кем-то предупреждённый о предстоящем аресте, положил все свои поэтические произведения в холщовый мешок и закопал в саду за домом ...

О его талантливости рассказывали многие односельчане. Так, Ольга Андреевна Валькова вспоминает: «Кипела жизнь в клубе: художественная самодеятельность, струнный оркестр (руководитель Тихомиров Александр Фёдорович), даже старушки вышли петь (дополнительно кормили), я выступала с матросским танцем, играл Минька Сеготкин. А как пел хор! Помню, стены клуба дрожали от могучих басов, когда они исполняли «Ревела буря, гром гремел..» Много остроумия, юмора, культуры нес со сцены, уже будучи в по-

четном возрасте, Александр Федорович Тихомиров. Когда жители окрестных деревень узнавали, что в концерте участвует Александр Фёдорович, то в клубе яблоку некуда упасть».

В быту с родственниками он был очень строгим. Не разрешал никому пользоваться своей посудой. Родственники вспоминали смешной случай. В отсутствие родителей его дети и племянница жены – Лида Калачёва играли одни в доме. Конечно, разбаловались и, когда решили поесть, то озорная Лида расхрабрилась, взяла ложку Тихомирова и поела ею. Когда он пришел домой и увидел свою оставленную на столе ложку, то шутиливо грозно спросил: «Кто ел моей ложкой?» Все испугались, зная его крутой нрав, и притихли.

Слева – Мария Феофановна Тихомирова (Валькова),
на руках у неё дочь Калерия, рядом с ней стоят дочь Кира и сын Александр.
Справа – её сестра Надежда Феофановна Калачёва (Валькова) с
сыном Анатолием. 1916 г.

Маленькая Лида набралась храбрости и сказала: «Дядя Саша, я вашу ложку хорошенько облизала». Тихомиров только крякнул.

Александр Фёдорович очень любил свою младшую дочь Калерию. Бывало, зимой пойдёт к родственникам и её, маленькую, носёт за пазухой своего полушубка.

Дом Тихомирова отличался от других деревенских домов своей планировкой, красивой мебелью, изготовленной самим хозяином. Висело большое зеркало в резной раме, стояли большой стол на резных фигурных ножках, такое же кресло и т.д. (В 50-60 годы мне довелось увидеть остатки этого былого убранства, когда я была в гостях у Раисы Ивановны Тихомировой)

Александра Фёдоровича арестовали и посадили в тюрьму в 1938 году. Тюрма находилась в Белозерском районе, на острове. Заключённые не знали, что началась война, и не понимали, почему их почти перестали кормить, и почему нет посылок с воли от родственников. Об этом свидетельствует последнее письмо Тихомирова, адресованное моим дедушке и бабушке, в котором он писал о том, что умирает от голода и умоляет прислать ему посылку с продуктами. Но шёл 1942 год и все родственники в Череповце сами голодали, и им нечего было послать бедному заключённому.

В начале перестройки Кира Александровна Тихомирова подала документы на реабилитацию отца. Умер он в тюрьме 23 марта 1942 года, а оправдали его 21 марта 1990 года. В «Книге памяти Вологодской области» есть такая запись:

Тихомиров Александр Фёдорович

Родился в 1874 г., д. Квасюнино Пришекснинского р-на Вологодской обл.; КОЛХОЗНИК К/Х «ВЕРНЫЙ ПУТЬ» ПРИШЕКСНИНСКОГО р-на. Проживал: д. Квасюнино Пришекснинского р-на Вологодской обл..

Арестован 17 ноября 1938 г.

Приговорен: ВОЛОГОДСКИМ ОБЛАСТНЫМ СУДОМ 20 апреля 1939 г., обв.: 58-10 ч.1 УК РСФСР.

Приговор: 10 ЛЕТ ИТЛ, ИТК-14 г. БЕЛОЗЕРСКА, УМЕР 23.03.42г. Реабилитирован 21 марта 1990 г. Верховным судом РСФСР.

За этими скупыми строками таится трагедия большой крестьянской семьи.

Дочери Кира и Калерия Тихомировы были уже на своих ногах, работали учительницами далеко от Квасюнина, в Череповце, поэтому не пострадали.

Его арест был страшным ударом для его сыновей, Ростислава и Александра, живших в деревне. Ростислава, работавшего завклубом в Квасюнине, поговору арестовали в 1941 году. Сидел он в ленинградской тюрьме, и после начала войны все вести от него пропали. В девяностые годы, по заявлению дочери Тамары Ростиславовны, он был посмертно реабилитирован.

Старшего сына Александра в деревне считали блаженным и ласково называли Шурентий. Он по-своему был очень умён, писал стихи. Бабушка Еннафа научила его молиться, водила в церковь. После ареста отца и брата он остался без средств к существованию. Разделяла с ним свой скудный хлеб Раиса Ивановна, жена Ростислава, его брата. На ее попечении была также и маленькая дочь Тамара. Во время войны Шурентий от голода и по недомыслию наелся соли и умер.

Дом Тихомировых в 50-е годы

Далее публикуется рассказ о невестке Александра Фёдоровича Раисе Ивановне Тихомировой и ее сестре Клавдии Ивановне Голубевой.

О Б Е Т

Вы – соль земли.
(Мф., 5:13)

Шёл беспокойный 1905 год. Второе лето подряд было дождливо и холодно. Деревня Высоково, хоть и стояла на высоком месте, бедствовала от длительной непогоды. В полях и на огородах ничего не росло. Многие деревенские мужики уходили «на суда», как в тех местах принято было выражаться, то есть нанимались матросами и грузчиками на пароходы и баржи, плавающие по Шексне, по всей Мариинской системе.

Семье Голубевых тоже, как и всем в деревне, жилось в эти годы несладко. Родители выбивались из сил, чтобы хоть как-то прокормить своих детей. Но никогда они не роптали на Бога, как это бывало в иных семьях. Правда, до беспорядков, как в других местах России, в этих краях дело не доходило. Зимогоров, то есть бродяг и бездельников, было мало. Народ здесь жил в основном тихий и трудолюбивый.

Семья Голубевых отличалась особой набожностью. Хоть и простовато было в доме – одни столы да лавки, но в красном углу светились старинные иконы, свято соблюдались все православные праздники и обычаи. И вот однажды в воскресенье, помолившись всей семьёй в церкви, пришли они домой. Отец с матерью были как-то по-особенному торжественны и сосредоточенны. Собрали они всю семью за столом и объявили свою родительскую волю: старшей дочери Наталии – идти в монастырь. По благословению священника, такой обет дали они Господу Иисусу Христу ради того, чтобы помолить у Бога благодатную жизнь для деревни. «Много монастырей на Руси, – сказали они, – но ни в одном из них нет людей из нашей деревни, нет того, кто бы дённо и ношно молился за нас, грешных, и за всю Русь».

Дело непривычное и для тех далёких времён. Как это так? Не по своей, а по родительской воле в монастырь идти! По своей-то воле Наталья уже собралась было замуж за Алексея, а не в монастырь. А было ей тогда шестнадцать лет.

Прошла неделя в несложных сборах, поскольку и собирать-то особенно нечего было. Запряг отец лошадь. С тихими слезами села в телегу Наталья, и тронулись в путь по извивающейся в широких полях и перелесках дороге – в сторону пристани на реке Шексне.

Алексей, бледный, тоже с тихими слезами на глазах, долго стоял на своём крыльчке и взглядом провожал отъезжающих, расставаясь навеки со своей невестой ... Вот и скрылась повозка за поворотом дороги. Алексей взбежал по лестнице на чердак и ещё оттуда пытался разглядеть из окна что-то вдали полей. Деревня стояла на возвышенности, и из чердачного окна открывались необъятные и печальные в ненастную погоду просторы, в которых растворилась его любовь. Он медленно спустился с чердака, пошёл на сеновал и пролежал там почти неделю, не обращая внимания на угрозы и брань своих родственников. Но надо сказать, все в деревне как-то с уважением отнеслись к его горю. Никому и в голову не приходило посмеяться над его причудами. А вскоре все об этом забыли.

Наталью привезли в Ярославль. Отцу удалось устроить её послушницей в один из женских монастырей. И потянулись, а потом побежали и даже полетели дни и ночи в новом месте, среди новых людей и как будто в новом летоисчислении.

Военные и предвоенные бури внешнего мира мало волновали испокон веков устоявшийся монастырский быт. Здесь была своя – невидимая брань. В те годы в монастыре, где стала жить Наталья, оказалось довольно много таких же, как и она, молодых и духовно неопытных девушек. Но строгая и справедливая игуменья, смирение и терпение послушниц делали своё дело. Главное – была у них наивная, детская вера в своего Небесного Жениха, Господа Иисуса Христа. Эта вера постепенно возрастала, преодолевая страдания любви земной – разлуки с родными и любимыми. А страдания эти поначалу были, казалось, непереносимыми. Бывали и такие случаи, когда молодая послушница убегала из монастыря к своему земному избраннику.

И вот наступил 1917 год. Двенадцать лет, проведённые в монастыре, постриг, сделали своё дело. Это было уже другое существо – такое же кроткое и смиренное, как и раньше, только эти кротость и смирение были уже одухотворёнными, и потому превратились в невидимую, но могучую силу. *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное».*

Много было таких скромных монахинь по русским монастырям в те годы. Духовные плоды созрели. Начиналось время жатвы.

Смерч революции разнёс Христовых сестёр по земле русской в разные её концы. Многие из них удостоились принять мученическую кончину за веру православную. Наталья с несколькими сёстрами-монахинями вернулась в родную деревню. Встретили их сначала тепло и уважительно. Все они были хорошими мастерицами-рукодельницами, поэтому без работы и хлеба не сидели... Пока у самих крестьян хлеб был. Потом начались тяжёлые годы богоборчества и раскрестьянивания.

Затаились Наталья с сёстрами от внешнего мира. И начался монашеский подвиг, едва ли посильный для многих из нас. Сколько было ночных молитвенных бдений, сколько слёз пролито за ближних и дальних, и даже за тех слепых соотечественников, разоряющих Русь. Поняла Наталья в те молитвенные часы и дни весь смысл родительского обета перед Богом. Вот для чего было ей даровано отречение от земной любви и земной радости. Но её кроткая душа не возгордилась, она даже не осознала сама в себе, что стала она Ангелом-Хранителем родной деревни. В других деревнях и иконы уже снимали, и в церковь, даже когда она еще не закрыта была, забыли ходить. А у них в Высокове долгое время всё оставалось по-прежнему. Когда закрыли храмы в ближайших деревнях, начали тайно ходить к Наталье и просить её молитв во всяких бедах, окрестить младенцев, почитать псалтырь по умершему. Много её земляков, родившихся в те годы, гуляют по всему белому свету, освящённые её крещением и охраняемые её святыми молитвами. Жаль только, не у всех душа воцерковилась, когда они стали взрослыми людьми.

Но были среди них и такие, кто сохранил свою душу от бурь двадцатого века и вынес её из всех житейских бед чистой и такой же

смиренной, какой была сама их крестная мать – монахиня Наталья (в иночестве Нимфодора).

О таких, как она, духовных защитниках России, написаны стихи архиепископа отца Иоанна Шаховского:

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

Всё сковано порукою землею –
За зверем ночь, простор – за белой птицей.
Но кто укроется за белизною,
За ангела кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они.
Нет утаённой их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь на самой громкой лире.
И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвами, как звезда,
Хранят рожденье, пестуют кончину.
Но сколько оскорблений, сколько слов
Мир говорит об ангелах впустую –
«Всё существует средь земных основ,
И только ангелы не существуют!»
Хранитель ангел, если и любя,
Твой шёпот я поранил невниманьем,
Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности навстречу.

* * *

Родные сёстры Раиса и Клавдия были племянницами монахини Натальи и её крестницами. Они очень её почитали и называли по-местному *крёска*. Хотя и жили сёстры всю жизнь рядом, но свой

земной крест пришлось им нести каждой по-своему. У каждой был свой духовный путь и своя судьба. С молодых лет они очень различались характерами. Раиса, младшая, была в молодости жизнерадостной толстушкой. Её приветливые глаза весело поблёскивали на круглом румянном лице. Она любила и умела петь. Голос у неё был высокий, грудной и очень сильный, переполненный жизнью молодой души. Когда за праздничным столом после долгих уговоров она решалась запеть, лицо её преображалось: становилось серьёзным и отрешённым. Таким оно у неё было только в минуты молитвы, когда её никто не видел. Как и молитва, пение для неё было делом серьёзным и несуетным. И там и тут она открывала душу. Она и пела, и молилась всей своей душой. И слушать её без слёз было невозможно: её пение потрясало и очищало сердца слушателей.

Старшая сестра Клавдия была высокой, крепкого телосложения, физически сильной крестьянской девушкой с тихим и рассудительным голосом и смиренным взглядом живых глаз на строгом лице. Хотя она была старше Раисы, но всегда жила как бы при ней, во всём ей покоряясь в повседневных домашних заботах. Однако младшая сестра совершенно справедливо говаривала: «Клава у нас – упрямая». В чём же заключалось упрямство смиренной Клавы не сразу можно было понять. Видимо, оно незаметно проявлялось в том, что она упорно следовала по одной, однажды избранной ею дороге и старалась не свернуть с неё. Что же за чудная это дорога вела её по жизни, с внешней стороны, казалось, заполненной одним тяжёлым крестьянским трудом? Многие ли её разгадали? ...

Теперь, когда прошло много лет, оглядываясь назад, пытаешься понять этот путь. Всё упирается первоначально в какие-то мелочи жизни, отдельные детали, которые, как камни на дороге, мо-
стят собой этот простой и чистый жизненный путь.

Молодость сестёр прошла в предвоенные и военные годы. Коллективизация, а затем война тяжёлыми колёсами переехали жизнь и судьбу их семьи. Раскулаченные родственники и друзья, попавшие в тюрьму или уехавшие скитаться по чужим краям, голод, тяжёлая работа в колхозе за неоплаченные трудовни.

Но молодость брала своё. Раиса стала участвовать в клубной самодеятельности и вскоре вышла замуж, переехала жить в Квасю-

нино, деревню мужа. Клавдия же осталась жить незамужней в старом родительском доме.

Но очень скоро, года через четыре, судьбы их снова сравнялись. Обе они остались после войны одинокими, никому не нужными женщинами. Нет, нужны они были своим маленьким дочерям. У Раисы была родная дочь, а у Клавдии – приёмная. Сначала свёкра, а потом и мужа Раисы за полгода до войны поговору арестовали. Одного отправили в одну из белозерских тюрем, а другого в ленинградскую тюрьму. Перед смертью в тюрьме свёкор написал письмо родственникам, в котором сообщал, что умирает с голоду, умолял прислать посылку с продуктами. Из всего следовало, что бедный старик даже не знает о том, что «на воле» идёт жестокая война, сын сидит в ленинградской тюрьме, а невестка с грудной дочкой сами едва не умирают от голода ...

Муж Раисы после ареста как в воду канул. После войны ходили слухи, что один односельчанин видел его, якобы в осаждённом Ленинграде на земляных работах – на окопах. Осталась Раиса без мужа, без средств к существованию. Даже доброе имя было отнято. С горя навалилась болезнь, и стала она неспособной к тяжёлому крестьянскому труду. Да и не рвалась она в колхоз после того, как так жестоко расправились с её семьёй. Жила она с маленькой дочкой на случайные заработки: шила, пускала квартирантов, держала овец, кур, возделывала небольшой огород.

Раиса Ивановна Тихомирова
(Голубева) в молодости

Тем временем дом без хозяина ветшал, протекала крыша, от этого гнили полы и стены. Сад за домом дичал. Только по-прежнему в старом доме в красном углу сияли иконы, да всё выше и выше над домом поднимались посаженные когда-то ещё свёкром и мужем у обочины дороги черёмухи и тополя, как бы защищая вдовый дом от чужих и злых людей. В ненастные ночи деревья уныло и тревожно шумели, предвещая новые печали.

Каждое утро, рано встав, Раиса долго молилась перед иконами. Вечер также заканчивался долгим молитвенным стоянием. Церкви в округе были давно закрыты. В одной разместились ремонтные мастерские, а рядом с заречной церковью расположился лагерь для заключённых, да вырыли песчаный карьер. И негде, казалось, найти защиты...

Но Бог всё видел. *«Блаженны плачущие, ибо они утешатся».*

Наступили пятидесятые годы. Время обманчивых надежд и перемен. Раиса, с отчаяния от беспросветной нужды, приютила у себя условно освобождённого из ближайшего лагеря заключённого. Вспыхнули было надежды: поправит мужик дом, заведёт хозяйство. Легче будет жить и веселее. Но за наивную доверчивость женщина была наказана. Только кончился срок – тот, кого она уже считала своим мужем, исчез, не попрощавшись даже. В тот год подобная история случилась не в одном деревенском доме, но когда в деревне узнали, что Раиса ожидает ребёнка, многие стали осуждать её. Ведь ей нельзя делать то, что можно другим! С удивительным мужеством и достоинством несла она свой новый крест. Она не жаловалась никому и никого не смущалась: всё случилось так, как суждено было случиться.

Родился её сынок светлой июньской ночью. В тот вечер, когда она уже почувствовала приближение этого события, неожиданно нагрянули гости: тётушка из Череповца и дядюшка с сыном из Ленинграда. Верная своему природному дару гостеприимства, она из последних сил приняла дорогих гостей, чем могла угостила, и, уложив спать мужчин, вызвала в сени тётушку и призналась ей, что пришло ей время рожать, и поэтому просит тётушку похозяйничать без неё в доме, да присмотреть за дочерью.

Роддом находился километрах в шести от деревни, в большом селе Чаромское, поэтому ошеломлённая новостью тётушка попыта-

лась было убедить Раису взять с собой провожатых и с этой целью намеревалась будить мужчин. Но Раиса категорически отказалась от помощи и почти бегом исчезла из дома.

По дороге, в кустах при переходе через небольшую речку, неожиданно ей встретился молодой односельчанин. «Куда это ты, Раиса собралась, не на гулянку ли?»- изумлённо пошутил он. И она в тон ему ответила: «На гулянку!» А у самой сердце ёкнуло от испуга. Пошла дальше, преодолевая боль. Наконец, добралась до родной деревни Высокова, до родительского дома, где жила сестра Клава. «Клава, помоги!» – только и успела вымолвить она, повалившись на пол. Клава бросилась во двор, с трудом подняла на ноги уставшего за день быка, на котором она возила молоко с фермы, запрягла и, усадив стонущую сестру в повозку, тронулась в путь...

Всю ночь не спавшая тётушка просидела у раскрытого окна. Рано утром к дому подъехала повозка, запряжённая быком, и в дом тихо вошла Клавдия. Тётушка бросилась к ней навстречу и, увидев как всегда тихую улыбку на её лице, облегчённо вздохнула. Клавдия сообщила: «Родился мальчик, едва довести успела!»

Послевоенная судьба Клавдии складывалась не так бурно, но не менее драматично. В середине войны умерли её родители и двоюродная сестра, оставив на её попечение маленькую девочку. Клавдия, привыкшая жить как птица Божия, не думая о своём пропитании, тут затужила. Но крепкое здоровье и трудолюбие помогли её вырастить приёмную дочь. Каждое утро, вставая в четыре часа, она запрягала старого ленивого быка в повозку, загружала в неё на ферме тяжёлые бидоны с молоком и ехала из Высокова в Квасюнино, в деревню сестры. Там, на маленькой сыроварне она разгружала эти бидоны, а потом грузила их уже с «обратой», как здесь называли сыворотку.

Пока шёл процесс обработки молока, она заходила, как правило, к сестре. Та её угощала, чем Бог послал, чаще всего картошкой с хлебом да чаем из самовара, а в воскресенье и в праздники – пирогами. Бык с повозкой терпеливо стоял во дворе. Ожидая хозяйку, он нередко ложился на траву прямо в упряжке, закрывал глаза, погружаясь в дремоту. Оводы налетали тучей, но он был невозмутим. Трудно потом было Клавдии снова поставить его на ноги и за-

ставить двигаться. За день таких рейсов приходилось делать летом – три, а в другие времена года – два раза. Последний раз повозка, загружённая бидонами с обратной, медленно продвигалась по просёлочной дороге поздно вечером, когда уже почти все жители деревни, утомлённые дневными заботами, давно спали.

Клавдия Ивановна Голубева в молодости

Как тяжело приходилось Клавдии! Да тяжело... Но и она, как и Раиса, не жаловалась на судьбу. На лице её постоянно светилась тихая улыбка, а походка до самой старости была лёгкой и неслышной. *«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».*

* * *

Примерно раз в год сёстры ездили в город Череповец. Ездили в разное время и с разной целью, но обе останавливались у городской тётушки, которую они по деревенскому обычаю звали «боба Надя».

Раиса приезжала обычно перед Рождеством или перед Пасхой. Привозила обязательно деревенские подарки: замороженную баранину или козлятину, мороженые яблоки, связанные из овечьей шерсти рукавички и носки. Все эти царские, по тем временам, подарки гостя с какой-то особенной добротой и любовью вручала хозяевам. Особенно её приезды любила внучка тётушки – Люся.

Однажды, как обычно, Раиса приехала перед Пасхой. Всю страстную неделю, утром и вечером, она проводила в церкви на службах. Днём отдыхала или вела задушевные разговоры с тётушкой о прошлом и нынешнем житьё-бытьё. Во время одного из таких разговоров они решили окрестить Люсю на пасхальной неделе.

Старый священник, её крестивший, был добр и приветлив. В те годы детей крестили редко. Кто боялся преследований, а кто уже давно отбилсЯ от родных православных корней. Раисе удалось убедить священника не делать записей о крещении, чтобы не было нежелательных последствий на работе у матери ребёнка. Ему было не привыкать крестить тайно. На прощанье он подарил девочке два крашенных яичка и две конфетки, а затем ласково благословил её. В тот год Пасха была ранней, на улицах ещё не стоял снег, дул холодный, пронизывающий ветер, но на душе у девочки была какая-то ранее незнакомая небесная радость.

С тех пор она каждое лето рвалась в деревню – к своей любимой крестной матери, с которой у неё навсегда соединилось это радостное чувство жизни. *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».*

* * *

Клавдия обычно приезжала в Череповец в начале лета, сразу как только посадит огород. Приезжала она продать на рынке оставшуюся от прошлогоднего урожая картошку. Её сильные, безотказные руки справлялись с большими мешками, нагружая их сначала у дома на телегу, с телеги – на лодку, с лодки – на причал пристани, с причала – на пароход, с парохода – на подводу городского мужика, возившего грузы на городской рынок. В те годы картошку в Череповце раскупали мгновенно. И вот Клавдия, уставшая, но снова на-

груженная уже городскими продуктами: буханками хлеба, батонами, баранками, сахаром, пряниками, – шествовала к тётушке, бобе Наде.

Обычно она, в отличие от сестры, не задерживалась и уезжала в тот же день вечером или на другой день. Работа в колхозе не позволяла ей оставаться дольше. Клавдию угощали обедом и чаем. После удачной продажи картошки держалась она торжественно, ела не торопясь, любила обстоятельно поговорить с тётушкой, так как ей редко приходилось бывать в гостях, да ещё у городских. Как правило, почувствовав её блаженное состояние, на колени к ней забирался тётушкин кот Мурзик, которого она не гнала от себя и во время еды, несмотря на уговоры тётушки, призывающей «шугануть бесстыжего». Однажды кот, долго и терпеливо наблюдавший за ложкой с супом, которую Клавдия держала в руке и никак не могла донести до рта во время затянувшейся речи, вдруг одним махом лапой выхватил из ложки кусок мяса и исчез с ним под кроватью, к неописуемому восторгу внучки Люси. Все бросились ругать и чуть ли не бить кота за нахальство, и только Клавдия продолжала безмятежно улыбаться, как ни в чём не бывало...

Если она оставалась ночевать, то во сне нередко всю ночь кашляла и стонала. Тётушка не спала и всё думала: «И у Клавдии силам есть конец». Утром, жалея гостью, она ей внушала: «Что ты, Клава, не лечишься от кашля! Да и работу-то больно тяжёлую на себя взваливаешь. Ведь не мужик!» Клавдия только в ответ блаженно улыбалась, аккуратно складывая вытрясенные на крыльце простыни, на которых она спала. Ритуал трясения простыней утром после сна она совершала каждый свой приезд, несмотря на категорические протесты тётушки и улыбки проходящих мимо соседей по дому.

* * *

Так шли годы. Сёстры постепенно старели, а их дочери росли и вставали на ноги в своей самостоятельной жизни. В шестидесятые-семидесятые годы жизнь становилась побогаче, уже не изнуряла так нищетой и голодом простых людей. Стала отстраиваться деревня Квасюнино, расположенная в удобном месте на реке Шексне.

Дочь Раисы закончила десятилетку, стала работать дояркой, дали ей ссуду на новый дом. Стала Раиса жить с дочерью в новом жилище, с тоской поглядывая на стоящий напротив через дорогу совершенно уже непригодный для жилья старый дом. Перенесли из него на новое место незамысловатую мебель, старые иконы. Только сердце её осталось там, за дорогой – за старыми черёмухами и тополями.

С молодости присущий ей дар гостеприимства расцвёл в ней в те годы с особой силой. Многие городские родственники ездили к ней каждое лето. Всех она принимала – близких и дальних – с неизменным грудным смешком и искренней радостью. Гостям казалось, что они её осчастливили, словно преподнесли ей драгоценный подарок своим приездом. Привечала она и нищих, даже цыган приветливо встречала, а они об этом знали и, заходя к ней в дом, были на удивление скромны.

Городских гостей особенно удивляла её вера в Бога, тихая и простая, без ханжества и гордыни, столь заметных у новообращённых, пока они не накопят немного в своей душе целомудренного смирения. Молилась Раиса ранним утром, когда гости спали, и поздним вечером, когда они или были где-то на прогулке, или уже в постели. Неизменно она пекла вкусные пироги с яичком и сметаной или с картошкой, называемые по-местному «налитушки», варила щи для угощения дорогих гостей, а сама вела за столом весёлые разговоры и ничего не ела. И только иногда смущённые гости нечаянно видели её трапезу, состоящую из варёной картошки, чёрного хлеба и чая в прикуску с сахаром. *«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».*

* * *

К старости переехала на Квасюнино и Клавдия в купленный подешёвке старенький домик. Как и многие другие дома в Высокове, её родительский дом совсем развалился, и жить в нём стало невозможно. Да, тогда многие дома, вслед за погибшими на войне хозяевами, стали быстро рушиться и гибнуть, не находя опоры. От крепкой когда-то деревни осталось на холме несколько домов.

Слева направо Клавдия Ивановна Голубева,
Раиса Ивановна Тихомирова (Голубева), их односельчанка Олимпиада

Давно умерла монахиня Наталья – ангел-хранитель этого селения, полей и лесов. В шестидесятые годы народ стал жить материально лучше, но разразились два новых народных бедствия: укрупнение деревень за счёт разорения «неперспективных» селений и затопление полей и лесов из-за строительства Волго-Балта. Свободно гулял ветер произвола по голому пространству вырубленных лесов и незасаженных полей. Собирался этот ветер повернуть северные реки вспять, чтобы текли они в чужие земли и обезводили свою родную почву. Однако проснулись народная совесть – писатели, родом из северных деревень. Их поддержали другие русские люди, не утратившие мужество говорить правду и защищать родную землю. Отстояли свои реки.

Но продолжалось духовное опустошение края. Народ, лишённый духовных радостей, искал радость в вине. Нарастала эпидемия пьянства.

Да только тайна народной души пока не была осквернена чужеземием. Эту тайну берегли как зеницу ока Фёдор Абрамов, Василий Белов, Николай Рубцов.

На память от монахини Натальи осталась сёстрам чудная икона, блистающая живыми красками и излучающая какой-то радостный покой и свет. Изображена была на ней Богородица Дева Мария на облаке, а внизу – святые, выстроившиеся в ряд, словно бы для защиты и благословения молящихся. Были среди них и апостол Андрей Первозванный, и святой великомученик Георгий Победоносец, и святитель Николай, и святые Фрол и Лавр. Икона была большой и помещалась в старинном деревянном киоте под стеклом. После смерти тётушки Клавдия никогда с ней не расставалась. Привезла она её с собой и на Квасюнино. Эта икона будто освятила и осветила своим ликом новое убогое жилище русской крестьянки. Она стояла на старом деревянном ящике в красном углу. Когда Людмила, внучка городской тётушки, вошла впервые в хижину Клавдии, то была потрясена символическим смыслом открывшейся картины: казалось, сошлись здесь вместе страшное убожество жизни земной и высокая очищающая красота жизни небесной. Долго она стояла поражённая, не замечая навернувшихся на глаза слёз. И что-то сдвинулось в её уже успевшей очерстветь душе, и снова вспомнился день крещения, пробудились детские воспоминания о том, как её водили с собой на службы в церковь бабушка и крёстная. Вспомнилась вся прошедшая жизнь, и захотелось душе всё начать сначала, очиститься от грязи уже накопившихся грехов, житейских печалей и забот. В сердце зарождался словно бы обет перед Богом, требующий от неё духовного пробуждения....

Тамара Ростиславовна
Тихомирова (Красушкина). 1961 г.

Клавдия уже не могла заниматься прежней тяжёлой работой и пасла общественное стадо коз и овец. Это новое её занятие, как и

старое – бесконечные поездки по полевой дороге на телеге, гружённой бидонами, были связаны с уединением и долгими часами молчаливого созерцания природы. Её простая душа, казалось, соединялась с окружающим миром, и в такие часы ей было ведомо всё, что происходит тайно и явно кругом: она понимала, о чём шумит лес и поле, куда плывут облака и за чем летит по небу птица, о чём думают и что замышляют её подопечные овцы и козы. Как-то раз шла Людмила с родственниками в лес по грибы и увидела такую картину: на обочине полевой дороги сидела Клавдия в белом платочке и в этой позе бодрствования спала. Стадо паслось вдалеке и, казалось, уже готово было убежать от своего дремлющего пастуха. Когда городские разбудили Клавдию и предложили ей свою помощь подогнать овец поближе к ней, чтобы ей не бегать за ними по кочкам и довольно высокой траве, она спокойно, с улыбкой ответила: «Да куда они денутся! Вожак-то у них умной. Меня с голосу послушает. А так вы их только распугаете. Овца – тварь настырная, себе на уме. Она знает, где трава получше растёт, туда и бежит». От этих слов повеяло на городских чем-то далёким, древним и давно забытым ...

Как-то, разговорившись за самоваром, Клавдия подробно описала городским гостям, как она во время пастбы приручила ворону, которая из наглого агрессора и воришки, подбиравшегося к её мешочку с едой, превратилась в её друга, развлекавшего её своими неожиданными выходками в долгие часы одинокого пастушеского бдения в квасюнинской поскотине.

Клавдия была в те годы старой и одинокой. У её родных была своя жизнь и свои заботы. Воспитанная ею девочка-сирота, выросла, вышла замуж и жила где-то далеко в городе. У Раисы был полный дом внуков и большое хозяйство. Но сёстры по-прежнему дружили. Зимой, когда деревню заметало снегом, и ночью в морозном небе сиял месяц, Клавдии не было скучно – она жила зиму в доме Раисы, вместе со всем многочисленным семейством её замужней дочери. Убогая хижина Клавдии стояла пустой и не топленной до весны, до тёплых дней.

Летом домик, выросший в землю, утопал в высокой траве и зелени окружающих её берёз, черёмух, рябин и тополей. Свой участок Клавдия по немощи уже не могла возделывать, и он превратился в

прекрасный луг с душистыми травами. Когда Людмила приходила навестить старушку, то любила вместе с ней побродить по этому лугу, посидеть на нём и посмотреть с его высоты на виднеющиеся вдаль перелески и блестящую под солнцем реку. Нередко старушка, не имея ничего другого, дарила её букет прекрасной мяты. Уходить от неё не хотелось: всегда казалось, что покидаешь райские куши.

Шли годы. Незаметно подошло Клавдии время умирать. Стояло жаркое лето 1990 года. В доме Раисы на диване тихо мучилась Клавдия, ей становилось хуже и хуже. Вот и совсем невестому стало. Побежала племянница звонить в больницу, вызывать скорую помощь, а её оставила одну, так как все остальные были на работе. В это время пришла из соседней деревни к Раисе в гости её крестница Людмила, приехавшая накануне издалека навестить родные места. Клавдия узнала её и, преодолевая удушье и боль, обрадованно её приветствовала слабым кивком головы. У неё ещё хватило сил спрашивать вошедшую о жизни, о том, надолго ли и с кем приехала, как будто это не она сейчас у Людмилы на глазах испытывала предсмертные муки, как будто это так и надо.

На следующий день поехала Людмила навестить Клавдию в больницу, куда её увезли накануне. Она лежала на кровати у входа в переполненную палату и с трудом дышала. Глаза её, широко открытые, с расширенными зрачками, темнели на бледном лице. Она словно бы пристально во что-то всматривалась. «Видишь там ...» — едва слышно говорила она и напряжённым взглядом и слабым движением руки показывала куда-то перед собой. Людмила ничего не видела, но её охватил необъяснимый трепет человека, присутствующего при таинстве смерти праведника.

На следующий день Клавдия умерла. Это был Петров день. В гробу она лежала непривычно нарядная, в белой в мелкий цветок батистовой кофте, в белом платочке, лицо сияло неземной радостью. *«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».*

* * *

Сороковой день падал на 20 августа. Накануне, в воскресенье, в большой праздник Преображения Господня, Людмила поехала кре-

стить свою троюродную сестру Галину с сыном Андреем и дочерью Ириной в посёлок Шексна, за пятнадцать километров от Квасюнина. День выдался на удивление жаркий и лучезарный. В тот год церковь в посёлке помещалась в покрашенном в синий цвет большом крестьянском доме на крутом берегу реки. Дом был пожертвован на доброе дело одним из местных жителей, так как возродившаяся православная община не знала, куда голову преклонить: все старые церкви в округе были разрушены.

Во время литургии в церкви стояло столько людей, что зайти в неё было невозможно. Вокруг по прибрежным тропинкам бродили толпы приехавших и пришедших креститься людей: старых, молодых, детей. Дети бегали, перекликались. Было шумно и как-то тревожно. Над всей кажущейся суетой нависло какое-то оцепенение ожидания. Вдруг из дома, превращённого в храм, вывели на крыльцо под руки высокую девочку-подростка, бледную, как полотно. Она медленно начала оседать на руки сопровождающих её людей. Мужчины бросились на помощь и положили её на траву. Рядом охала и плакала её бабушка, взывая к окружающим: «Помогите!» Моментально вспыхнул спор. Одни прыскали на девочку и её бабушку принесённой водой, успокаивали: «Не бойтесь! Это искушение перед крещением! Скоро пойдёт. Помолимся о ней!» Другие, испугавшись, требовали немедленно вызвать скорую помощь и везти домой или в больницу. Победу в общем смятении одержал откуда-то взявшийся решительный деловитый мужчина. Он требовательно сказал старушке: «У меня машина. Садитесь. Я вас отвезу домой». Старушку уговаривали остаться. Но куда там! Страх овладел ею полностью! «Что я скажу родителям, если что-то случится с Ниной!» – приговаривала она сквозь слёзы. Девочка уже приходила в чувство, но ещё не понимала, что с ней происходит. Бабушка с мужиной помогли ей подняться, посадили в машину – и помчались. Только пыль завихрилась по просёлочной дороге.

Людьми вспомнились в эту минуту монахиня Наталья и её родители-крестьяне. Как мы слабы и маловерны стали. Есть ли теперь сильные духом люди, способные заключить обет с самим Богом?! Не о таких ли людях говорит в Евангелии Иисус Христос: *«Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделать её*

*солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её на по-
прание людям».*

Но вот служба закончилась. На улицу вышел молодой высокий священник с кротким, умным взглядом – отец Роман. И все пошли на церковный двор, если можно так назвать довольно большое пространство за домом-храмом, огороженное простой деревянной изгородью. Священник остановился в центре двора, а все встали по окружности вокруг него. Народ собрался самый пёстрый: вперемишку стояли дети, взрослые, старики, деревенские и городские жители, приехавшие на лето в деревню. Все взоры устремились к отцу Роману. Солнце было в зените и сильно пекло, даже не верилось, что всё это происходит на берегу северной русской реки. Священник стоял с непокрытой головой под палящими лучами и проповедовал о смысле таинства крещения. Стояла напряжённая тишина. В заключении он попросил: «Если кто-то из вас пришёл сюда ради моды или праздного любопытства, то прошу вас – уходите. Сейчас начнётся не развлечение, а таинство. Вас много – более ста человек, и поэтому продлится оно долго. Подумайте хорошо, ещё раз проверьте своё сердце. Готово ли оно?» Наступила длительная пауза Ни единая душа не отошла прочь. Все стояли, с трепетом ожидая начала.

Домой вернулись только вечером. Людмила зашла к Раисе и сказала: «Сегодня и я стала крестной матерью. Теперь и у меня есть крестники». Раиса в ответ улыбнулась и пригласила: «Приходите завтра на пироги поминать Клаву. Сороковой день».

Единственное богатство, оставшееся после смерти Клавдии – чудесная икона, сначала сиротливо стояла в опустевшем доме. Но вот прошло года два, и нашёлся добрый человек, который восстановил церковь в селе Сизьма, недалеко от того кладбища, где похоронили Клавдию. Её племянница, по завещанию тётушки, перенесла образ в новую церковь. И теперь перед этим старинным образом останавливаются благоговейно сотни прихожан и, глядя на икону, вспоминают то, что казалось давно уже забыто и потеряно – любовь к Богородице-заступнице и её Божественному сыну Иисусу Христу.

Раиса пережила сестру на четыре года и затем повторила предсмертный путь Клавдии: ни жалоб, ни печали, а только бесконечная

доброта к остающимся здесь, в этой жизни. Они обе исполнили обет перед Богом, данный их предками. Исполним ли мы его?

Из книги Л. Г. Яцкевич-Калачёвой «Вологодская нива».
– Вологда, 2004.

На берегу Игайки.

На переднем плане слева – потомственный деревенский
пастух Павел Морозов, справа – Тамара Ростиславовна Тихомирова,
родственники Вальковы

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ШЕКСНЕ

Восстание, охватившее в конце 1918 года ряд волостей Череповецкого и Вологодского уездов, известно в истории как Шекснинское. По своим масштабам и продолжительности оно уступает Ярославскому, Тамбовскому и другим крупным выступлениям крестьян против большевиков. Все эти восстания, включая Шекснинское, заканчивались разгромом, последующим расстрелом наиболее активных участников и массовыми репрессиями. После некоторой передышки, называемой НЭПом, уничтожение лучших крестьян продолжилось во время коллективизации, а оставшихся обрekli на нищую жизнь колхозных рабов. И даже расцвет колхозов в 1970-1980-е годы, как теперь видится, был лишь агонией, перед той разрухой, в которую нынче опустилась русская деревня. А начиналась война с деревней тогда, в 1918 году.

Приведённый ниже исторический очерк основан на документах того времени, опубликованных в краеведческом альманахе «Череповец» (вып. 1 и 2), а также на воспоминаниях жителей Шекснинского района.

* * *

Лето 1918 года выдалось хорошим, урожайным. Накосили сена для скота, натеребили льна, убрали рожь, картошку и другую огородину. Хотя и не хватало мужских рук, но ничего, управились. Казалось бы, радуйся крестьянская душа, да навалилась беда, какой и старики не припомнят.

Сначала волостное начальство объявило каждому двору налог, да такой, что оторопели крестьяне. Конечно, никто добровольно своё добро никуда не повёз. Потом приехал в деревню отряд солдат на подводах. Старшим у них был здоровенный матрос с маузером на поясе. Ходили по дворам, искали спрятанное зерно, а что находили, забирали полностью. Бабы цеплялись за мешки, голосили. Солдаты матерились, били их прикладами по рукам, грузили мешки в подводы. Потом рассказывали, что в соседней волости мужик вышел на солдат с топором, и был застрелен на месте.

Конечно, ничего бы не нашли чужаки, да свои подсказывали, из тех, что бедняцкий комитет образовали. Было таких на деревне

всего-то три человека, а сколько вреда наделали. И не то беда, что они бедные, а то, что лентяи да завистники.

И ещё одна напасть – в Красную армию забирают, уже многие и повестки на мобилизацию получили. А ведь обещала новая власть «мир народам», но вновь гонят на войну, да воевать-то не с немцами, а со своими, русскими.

В избе Фёдора будто траур по покойнику. Причитает жена, подчитав оставшиеся запасы. Затихли дети. Сам хозяин сидит за столом и сжимает кулаки: «Вот ведь как обернулись нам декреты столичной власти, ведь теперь и до марта не дотянуть». Старик отец приподнялся с лежанки: «Бога мы прогневили, по грехам нашим и наказание». «Чем же прогневили?» – спрашивает Фёдор. «А летом, когда царя нашего расстреляли со всей семьёй, разве кто поминал убиенных? И панихиды по ним никто не заказывал. А ведь сказано в писании: *не прикасайтесь помазанным Моим...*»

* * *

Как обычно, к началу декабря потеплело. Снег, выпавший в середине ноября, начал таять. Река Шексна, начавшая было уже затягиваться ледком, вновь открылась.

Гудел колокол в Чаромском, созывал людей на волостной сход. На площади перед волостным правлением яблоку негде было упасть. С высокого крыльца говорил старый крестьянин:

- У меня два сына на Германской погибли, а теперь третьего забирают. Коммунисты только год у власти, а замордовали нас, крестьян. Стон стоит по деревням. Скоро впору с сумой по миру идти. Нет, нам такая власть ни к чему! Мы за Советы, но без коммунистов!

Поднялся на крыльцо подпоручик Николай Шерстнёв. Он был из крестьян-староверов Ягановской волости, тридцати лет отроду. В 1914 году он закончил школу прапорщиков, на войне отличился храбростью, за что был награждён Георгиевским крестом и произведён в офицерское звание.

- Коммунисты долго у власти не продержатся, их дни сочтены. Из Архангельска идут наши войска вместе с союзниками-англичанами. Из Сибири идёт Чехословацкий легион. Мужики! Хватит сидеть по углам, как тараканы. Кому дорог свой дом, беритесь за оружие! В

Чуровском уже сформирован полк. Соединимся с ним, пойдём на станцию Шексна. Захватим этот важный железнодорожный узел, потом на Череповец ...

Вынесли из правления мобилизационные списки и другие бумаги, сожгли на площади. Заодно бросили в костёр сорванный с правления красный флаг. Военком и другие члены исполкома давно разбежались. Тут же начали формировать военный отряд. Добровольцев нашлось около 120 человек. Ключей от склада с оружием не нашли, взломали двери, раздали винтовки, но всем не хватило. Кто-то принёс из дома свои, но всё равно половина отряда оказалась без оружия, маловато было и патронов.

В тот же день после обеда двинулись в Чуровское. В этом большом торговом селе, где были почта, телеграф, телефон, находился штаб восстания. Там прошёл ещё один бурный митинг. Оказалось, что кроме чаромских и чуровских, восстали также крестьяне из Поченковской, Усть-Угольской, Петреневской, Ягановской, Почаевской, Ивановской, Даргунской, Братковской волостей. Везде громили исполкомы, попавших под руку активистов били и сажали под замок.

На ночлег чаромские разбрелись по избам родственников и знакомых. Часть заночевала в большом добротном доме, который раньше принадлежал священнику, а летом, когда объявили декрет об отделении Церкви от государства, был отобран под здание военкомата. Священник Николай Соколов вместе с семьёй уехал куда-то, и с тех пор стоящая рядом церковь Рождества Богородицы бездействовала.

Утром 1-го декабря повстанцы собрались на площади возле церкви и сделали перекличку. Седой полковник и ещё три офицера выбрали тех, кто имел оружие и знал военную службу. Получился отряд триста человек.

- Ну, ребятки, кого хотите командиром? – обратился полковник к крестьянскому воинству.

- Шерстнёва! – раздалось сразу несколько голосов.

- А может кого постарше чином?

- Нет, давай нам Шерстнёва, он наш генерал.

Мужики засмеялись. Кличка «генерал» была дана Шерстнёву ещё в детстве за то, что был заводилой в ребячих играх и любил по-

командовать. Конечно, были в штабе восстания офицеры старше его по званию, но Шерстнёв был свой, крестьянский. Среднего роста, худощавый, он отличался неукротимой энергией и редкой способностью увлекать за собой людей.

Разделили отряд на роты и взводы, командирами которых назначили бывших унтер-офицеров и фельдфебелей. Колонной по два во главе с Шерстнёвым двинулись на станцию Шексна. Следом на санях везли продовольствие, медикаменты, фураж. Дисциплины в войске было мало, шли шумно, смеялись, сбивали строй. Лишь на подходе к станции затихли, подтянулись. Версты за две до станции командир скомандовал: «Привал! Можно перекусить». Сам он напряжённо смотрел вперёд, ждал, когда вернётся разведка. Наконец, на дороге появилось двое конных. У одного из них за спиной сидел кто-то третий в солдатской шинели и в островерхой шапке с красной звездой. Когда они спешили, Шерстнёв бросился к этому третьему и обнял его. «Митя, дорогой, я уж думал, ты пропал!» Он повернулся к стоящим рядом соратникам: «Это поручик Белов, два месяца служил у красных по нашему заданию. Тоже из местных. Ты, Митя, звезду-то оторви, а то ещё шлёпнут тебя наши». Тот послушно снял шапку, вывернул наизнанку и снова надел. Было видно, что поручик сильно устал.

- Ну, давай, докладывай обстановку, – торопил его Шерстнёв. – Вот здесь рисуй, на снегу. – Он поманил к себе командиров рот. Все склонились, глядя на план, который поручик саблей вычерчивал на снегу, и слушали его рассказ.

- Всего в отряде охраны 70 человек. Про восстание они, конечно, знают. Так, что подойти незаметно нам не удастся: у них часовые на башне сидят.

- Пулемёты у них есть? – спросил Шерстнёв.

- Было два, – отвечал Белов. – Теперь нет. Я ночью бойки вынул, а запасных у них нет.

- Ну, молодец, поручик! – Шерстнёв радовался как ребёнок. – Значит, сделаем так: ты берёшь роту, идёте в обход через Барбач, выходите вот сюда. Ротой командовать сможешь? – Тот кивнул. – А мы выйдем сюда, начнём перестрелку и будем вас дожидаться. В общем, возьмём их в клещи. А потом вместе атакуем.

Шерстнёв построил первую роту, представил им командира и объяснил боевую задачу.

Бой за станцию продолжался недолго. Когда красноармейцы увидели, что окружены большими силами, то побросали оружие и сдались. Но несколько человек во главе с командиром укрылись в паровозе и продолжали отстреливаться. Их огнём было ранено трое повстанцев. Паровоз развёл пары и тронулся в сторону Череповца. Повстанцы открыли по нему шквальный огонь, но паровоз продолжал набирать скорость.

– Переводи стрелку на тупик! – кричал Шерстнёв железнодорожнику, размахивая перед ним револьвером. Тот помчался исполнять приказ. Паровоз на большой скорости въехал в тупик и опрокинулся на бок. Из чадающего нутра вылезли трое оставшихся в живых. Их застрелили подбежавшие озлобленные повстанцы. Убитыми также оказались машинист и кочегар паровоза.

Взятых в плен заперли в станционном помещении и поставили караул. Кое-кто из них захотел перейти к восставшим. Белов взял к себе в роту трёх молодых прапорщиков, которых хорошо знал.

Захват станции восставшими был серьёзным ударом для Советской власти: нарушалось железнодорожное сообщение, а также телеграфная и телефонная связь Петрограда с Вологдой, с Северным фронтом, с Уралом. В Вологде, в штабе VI Армии срочно был разработан план по ликвидации восстания. Планировалось выступление на станцию с двух сторон: Вологды и Череповца. Уже 1-го декабря в район Шексны со стороны Вологды прибыл вооруженный отряд красноармейцев под командованием И.В. Василевского в составе одной роты и пулемётного взвода. Однако, едва отряд выгрузился из вагонов, как был окружён повстанцами. Большинство красноармейцев предпочло сдаться, а часть прорвалась и спаслась бегством. В перестрелке командир отряда был убит.

Ночью 2-го декабря поезд с череповецким отрядом, численностью в сто человек, двинулся к Шексне. Командовал отрядом череповецкий военный комиссар В. Я. Королёв. Сначала было решено захватить деревню Курово, где, по предположениям, находились руководители восстания. Однако, несмотря на ночное время, красноармейцы были встречены сильным ружейным огнём и поспеши-

ли укрыться в поезде на платформах, за мешками с песком. Поезд двинулся в сторону Шексны, обстреливая деревни, расположенные вдоль железнодорожного полотна, но возле Усть-Угольского переезда остановился: пути были завалены старыми рельсами и шпалами. В это время начался сильный обстрел поезда из придорожных кустов, подходящих к самой железной дороге. Состав срочно дал задний ход и вернулся в Череповец.

Так повстанцы во главе со своим крестьянским генералом отбили две атаки.

День 2-го декабря проходил спокойно. Повстанцы развезли по домам раненых и тела убитых. Разбирались с трофейным оружием, делили боеприпасы, отсыпались. Все понимали, что спокойствие это временное, затишье перед бурей. Шерстнёв поскакал в Чуровское комплектовать новые отряды. В Чуровском, в штабе восстания, шумно спорили о том, как действовать дальше. Бывшие офицеры Иванов, Колчановский, Соколов, а также полицейские Цветков, Чистоткин считали, что надо немедленно захватить Череповец, благо гарнизон там слабый. Укрепиться в городе и дожидаться подхода Белой армии из Архангельска. А крестьяне Железнёв, Шурыгин, купцы братья Лохичевы считали, что надо держать оборону вокруг своих волостей и поднимать восстания в соседних уездах.

Шерстнёв предложил сначала все силы собрать на станции Шексна, сделать засады вдоль железнодорожного полотна, чтобы встречать поезда красных, быстро нападать на них, разоружать и предлагать присоединяться к восставшим. А уже потом, укрепив свои силы, двинуть на Череповец.

Большинство поддержало этот план. Во второй половине дня Шерстнёв привёл на станцию новый полк и расквартировал в ближайших к железной дороге деревнях. Были посланы конные нарочные по деревням за новыми бойцами. Они возили с собой отпечатанные и размноженные воззвания крестьянам, подписанные Шерстнёвым.

* * *

В Череповце, действительно, войск было немного. Рано утром пришёл долгожданный бронепоезд из Тихвина, и к полудню 3-го

декабря этот грозный состав с тремя орудиями приблизился к станции Шексна. Начался артиллерийский и пулемётный обстрел деревень, расположенных вблизи железной дороги. Первыми же залпами разбили колокольную церковь в деревне Овинцы. Вскоре огонь пушек перенесли на Чуровское. От мощного артиллерийского огня повстанцы, находящиеся в селе, дрогнули. Отряды, готовые идти к станции, стали редеть: мужики разбежались по домам.

Руководство Вологодскими частями было поручено Четвергову и его заместителю Муравьеву. Их командный пункт разместился на станции Чёбсара.

В деревне Квасюнино крестьяне, услышав пушечные залпы, вышли на улицу и с тревогой всматривались в сторону станции Шексна, до которой по прямой было всего 12 километров. У кого-то там был сын, у кого-то отец или брат. В это время прискакал всадник в солдатской шинели на взмыленной лошади.

– Мужики! – закричал он, – Собирайтесь на помощь своим братьям. Постойм за Русь Святую против извергов и нехристей!

Мужики переглядывались, чесали в затылке.

– Куда нам с вилами против пушек и пулемётов, – сказал рассудительный Игнат.

В это время на станции шёл кровопролитный бой. Повстанцы сражались с подошедшими из Вологды частями VI Армии и с череповецким отрядом. У повстанцев кончались патроны, а атака красных отрядов нарастала. Шерстнёв командовал отходить по заросшей ельником ложине, примыкающей к железной дороге. Сам возглавлял отряд прикрытия. Благодаря этому, большинство крестьян ушло живыми. Победённые, они расходились по своим деревням.

К вечеру станция была полностью в руках красных. Утром 4-го декабря восстановили железнодорожное сообщение, а к пяти часам дня на станцию прибыл бронепоезд «Степан Разин» из Ярославля. Он доставил конный отряд ЧК в пятьдесят всадников под командованием Я.М. Брука – начальника железнодорожного вологодского Губчека. (Насмешкой выглядит то, что бронепоезд был назван большевиками именем знаменитого предводителя крестьянского восстания). В первую очередь чекисты занялись поиском главарей и активистов восстания. Пятнадцать человек направили в деревню Царёво

Ягановской волости, где мог скрываться Шерстнёв. Проводником вызвался быть восемнадцатилетний комсомольский активист из Чу-ровской волости Павел Сахаров. В своих воспоминаниях, записанных им в 1967-69 годах, он подробно описывает эту экспедицию.

На десяти санных подводах, мобилизованных у местных крестьян, чекисты отправились на задание. Гнали коней во весь опор, пока не добрались до пристани «Анисимовские гряды» у деревни Квасюнино. Там уставших коней отпустили домой, а сами на лодках переправились через реку Шексну. Перевозчик подтвердил, что вчера ночью он перевозил через реку вооружённых людей, похоже, что офицеров.

- Говорили между собой, что с утра собираются в церковь. Праздник у них престольный – Введение. Значит, в Царёво едут, там ведь церковь Введенская.

В деревне Анисимово мобилизовали свежие подводы и помчались дальше. Последующие события П.П. Сахаров описывает так.

«Как ни торопились, но в деревню Царёво мы прибыли поздно вечером. Деревня уже спала, и в доме Шерстнёва тоже было темно. Без звука окружили дом. Это был добротный дом, всем своим видом показывающий, что здесь живёт крепкий, богатый кулак. Стоял он на краю деревни, как-то особняком от других домов. Несколько человек поднялись на крыльцо и вежливо постучали в дверь. Никто не вышел на наш стук. Стали стучать громче. Вдруг дверь быстро открылась, в её раме появляется сам Шерстнёв с пистолетом в руке. Раздаются почти в одно мгновение два выстрела, и дверь вновь захлопывается на запор. Двое из наших оказались ранеными, к счастью, неопасно для жизни. Все наши попытки голыми руками взломать дверь оказались тщетными. Пришлось послать людей в деревню за топорами, а пока стали из винтовок простреливать дом в окна, в двери, в обнаруженные другие слабые места.

Наконец, дверь была сломана. Осторожно вошли в дом, но никаких признаков жизни никто не подавал. Тщательно обыскали каждый уголок дома, для чего были мобилизованы в деревне фонари. Но Шерстнёв как сквозь землю провалился, не нашли. Лишь к утру обнаружили в хлеву под коровьей кормушкой труп человека, одетого в военную форму без погон. Вытащили на свет. Никаких доку-

ментов у убитого не оказалось. Труп был ещё тёплым, видимо, одна из пуль, что пускали мы сквозь стены во время простреливания дома, и оборвала жизнь этого человека. Собранные жители деревни Царёво заявили, что этого человека они видят первый раз в жизни, что это, видимо, кто-то из гостей Шерстнёва... А сам Шерстнёв от нас ушёл, из рук ушёл.

На дальнейшем пути арестовали еще в деревне Речная Сосновка братьев Петряковых – активных помощников Шерстнёва. Тоже расстреляли на месте. В течение последующих двух недель работы карательного отряда, с которым теперь я ездил как равноправный боец этого отряда, мы нашли, арестовали и расстреляли в Чуровской, Чаромской, Ягановской, Усть-Угольской волостях, если память мне не изменяет, 14 активных вожаков восстания...».

Из воспоминаний П.П. Сахарова видно, что для расстрела крестьянина на месте достаточно было показания одного из его односельчан. Иногда обходились и без посторонних. Примечателен такой эпизод. Сахаров пишет:

«На обратном пути мы арестовали в селе Яганово одного мужичонку, который расхвастался, как он наводил порядки в волисполкоме, когда разогнали коммунистов, как развешивал в волостном правлении иконы и портрет царя повесил, из дому, говорит, принес, как он выгонял всех мужиков в поход против большевиков. Этот кулак принял нас за вооруженный отряд повстанцев, не слышал еще, что восстание уже подавлено. Арестовали и, выяснив, что за птица, расстреляли на месте».

Расстреляв, двинулись дальше. На снегу остался лежать Фёдор, рука его сжимала портрет Николая II в свежеструганной рамке, который Фёдор нёс в церковь на панихиду. Пуля, пробившая грудь императора на портрете, прошла крестьянину через сердце.

В последующую неделю были арестованы многие активные участники мятежа, и по постановлению военно-полевого трибунала расстреляны. Среди расстрелянных были Белов, Цветков, Чистоткин, братья Клавдий и Анатолий Лохичевы, Кудрявцев, Лебедев, Ганичев и другие. Рядовые участники восстания приговаривались к принудительным работам. На те деревни, что были центрами восстания, был наложен удвоенный налог.

Со стороны красных войск потери при подавлении восстания, по официальной сводке, составили 35 человек убитыми и ранеными.

* * *

Некоторым главарям восстания тогда удалось скрыться. Среди них был Николай Шерстнёв. Два года он воевал в Белой армии и вновь оказался в стане побеждённых. Покидать Россию, как делали многие его соратники, он не захотел. В 1923 году, после объявления НЭПа, он с чужими документами тайно вернулся в родные края и нанялся батраком на мельницу в деревню Игумново возле села Чу ровское. Было невозможно узнать в этом хромом бородатом мужике, выглядевшем лет на сорок, бравого стройного офицера, каким Николай был пять лет назад. Мельник был доволен новым работником, только уж слишком он был молчалив. Только и услышишь от него: «да», «нет» и всё. Ходил вечно мрачный, будто думал тяжёлую думу. Как-то мельник сказал ему:

- Чего теперь печалиться? Развёрстку отменили, налог снизили, торговлю разрешили. Вон какие базары у нас на селе: городские приезжают, продукты расхватывают, свой товар привозят. Только живи, да богатеи. Глядишь, скоро будет как при батюшке царе.

Он хохотнул и опасливо посмотрел на Николая.

- Нет, не будет, – неожиданно возразил тот. – Церкви и монастыри позакрывали, священников расстреливают. Значит, жди скоро большой беды. А то, что нынче деревне послабление дали, так это от страха перед бунтом крестьянским.

Да, эти годы сильно изменили Николая. Его память вновь и вновь возвращалась к страшным событиям братоубийственной войны, которые ему пришлось пережить. И мучил вопрос, почему безбожная власть взяла верх. Как ей удалось установить диктатуру меньшинства над большинством? То, что любое крестьянское восстание заранее обречено – это он понял: не могут хлебопашцы одолеть регулярное войско. А вот почему армия Деникина потерпела поражение от красных – этого он понять не мог. «Что мы делали не так? Где совершили ошибку?» – раздумывал он.

Как-то в одной из крестьянок узнал он свою бывшую невесту Лизу. Когда-то они совсем было собрались под венец, помешала

война да призыв в армию. Приехала она с отцом, который привез мешки с зерном на мельницу. Судя по виду, была не замужем. Защищило у Николая на сердце, задержал он взгляд на своей бывшей возлюбленной дольше, чем следовало, потому и она внимательно на него взглянула. Николай видел, как она вздрогнула и закрыла рот рукой, видно, узнала. Он сразу ушёл к своим жерновам и больше не показывался, пока она не уехала.

Последний раз он видел Лизу в том мятежном декабре 1918-го. Тогда каким-то чудом ему удалось ползком в темноте выбраться из дома, окружённого чекистами. Он брёл, не зная куда податься, и начинал замерзать в своей лёгкой шинели и фуражке: погода поворачивала на мороз. Ноги сами принесли его в заброшенную пастушью сторожку возле леса, хорошо знакомую ему с детства. У дверей он увидел чью-то фигуру и схватился за револьвер.

- Коля, это я, – услышал он голос Лизы. Она метнулась к нему и прильнула к груди. – Я знала, что, если ты живым от них уйдёшь, то придёшь сюда.

Николай принялся растапливать печурку, а Лиза сходила домой принесла ему тёплую одежду, еду, немного денег и до утра оставалась с ним. Расставаясь, он сказал ей: «Прощай, милая. Не знаю, увидимся ли когда-нибудь». По лицу её катились крупные слёзы.

Тогда Лиза спасла его. Он был уверен, что и сейчас она его не выдаст. И всё-таки, он решил уезжать отсюда, ведь рано или поздно его кто-нибудь узнает.

Да, Лиза его не выдала, но её отец, который также узнал Николая, побоялся за свою дочь и доложил обо всём секретарю партийной ячейки. Тот незамедлительно связался с Череповецкой ЧК. Оттуда послали двух опытных чекистов, которые, зная о боевых качествах бывшего кулацкого главаря, решили действовать хитростью. Приехав на мельницу, они выдали себя за барышников и торговали своих коней мельнику. Потом сели с ним за стол отметить эту сделку.

- Давай, зови и работника своего, – сказали они мельнику. Только Николай сел за стол, они набросились на него и с криком «вяжи генерала» связали ему руки за спиной. Мельник всё понял и стоял бледный.

Сев на коней, чекисты погнали связанного к пристани. По дороге Николай, жалуясь на больную ногу, упросил конвоиров сделать привал. Сидя у дороги, он незаметно освободил руки от верёвки и побежал к лесу. Бежал он не быстро, да и не рассчитывал с больной ногой скрыться от чекистов, просто не хотел живым попасть в ЧК. Не пробежал он и тридцать шагов, как пули догнали его. Лежа в траве и истекая кровью, он глядел в чистое синее небо и ему казалось, что вот сейчас он наконец узнает, почему они проиграли битву за Россию, и еще узнает многое из того, о чем только догадывался в своей земной жизни.

Крестьянам объявляют приговор

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ

Владимир Степанович Калачёв родился 3 ноября 1918 года в многодетной крестьянской семье в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области. Отец Степан Митрофанович и мать Надежда Феофановна рано заметили, что у их сына поэтический дар. Стихи он стал писать с 5 лет. Владимир учился в Чаромской школе, а затем, когда семья переехала в Череповец, в школе № 1 и в педучилище. Работал учителем в сельской школе, а затем в Череповце на курсах ликбеза. В 1939 году был призван в армию и служил в Москве. В 1941-1943 годах воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Погиб поэт 25 июля 1943 года в бою за Синявинские высоты. Ему было всего 24 года.

Владимир переписывался с известными поэтами Всеволодом Рождественским, А. Прокофьевым, Н. Асеевым, И. Молчановым, В. Мануйловым. При жизни были опубликованы только стихи военных лет во фронтовой газете «Отважный воин», в которой сотрудничали тогда такие поэты, как Сергей Наровчатов, Михаил Дудин, Ольга Бергольц. Затем в 60-80 годы о поэте были опубликованы

ряд статей и его фронтовые стихи в вологодских газетах, в журнале «Север». Статья и большая подборка стихов публиковались недавно в журнале «Вологодский ЛАД» (№ 2 – 2007).

Все поэтические произведения Владимира Калачёва можно разделить на три тематические цикла: 1) стихи о родной деревне и годах юности, проведённых в ней; 2) городские стихи; 3) фронтовые стихи. Большая часть его поэтического наследия представлена в книге: «Владимир Калачёв. Стихи Письма. Воспоминания. Составитель – Л.Г. Калачёва (Яцкевич) – Вологда 2007. – С. 184 с.

В данной книге публикуются только стихи первого цикла, посвящённые родной деревне.

Владимир Калачёв на фронте. 1942-1943 гг.

Улица в деревне Квасюнино

СТИХИ О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ ВЛАДИМИРА КАЛАЧЁВА

ЭХО

Игайка – речонка дорогая
Заросла в извилистой ольхе...
Снова выхожу на берега я
С лермонтовским томиком в руке.

Запах клевера медовый тает,
В Игайке звенящая вода.
Эта речка мне напоминает
Отошедшей юности года.

За холмы скатился вечер красный,
По тропинке по береговой,
Где огни купальские погасли,
Ходит эхо юности былой.

* * *

Я покинул родную деревню,
Старый дом и широкий двор.
Ветер вешний поёт мне обедню,
Пережитым туманится взор.

Вешний ветер, ласкающий ветер,
Погоди так на север бежать,
В золотистом весеннем рассвете
Обними мою милую мать.

Журавли, вы на север летите,
Может, встретите старую мать,
Обо мне ей, хорошей, скажите,
Я хотел бы её повидать.

Ей родимой одной передайте,
Что я часто тоскую о ней.
Криком вешним поля оглашайте,
Край родной полюбил я сильней.

БЕЛЫЙ КОНЬ

И. Ф. Валькову

Белый конь мой, тише, реже дышит,
Только синие глаза лихи.
Вдалеке синеют чьи-то крыши
И пропели чьи-то петухи.
Добрый конь, люблю я бег твой вешний,
Голубой огонь в лихих глазах.
Раздаётся в роще где-то песня
О любви, об искренних словах.
В вышине потухли звёзды-свечи;
На заре меня мой конь принёс.
Прозвеневши цепью, мне навстречу
Выбежал обрадованный пёс.
За рядами хижин, за деревней

Вешний ветер в чащах прошумел.
Вспомнил я, как на заре весенней
О незримой молодости пел.
А заря взойдёт и снова гаснет,
Об ушедших в прошлое грустя,
О словах, истраченных напрасно,
И о тех, кого любил шутя.
Под восход весенний, замирая,
Прозвенит о прожитом гармонь.
Вешний снег копытами взрывая,
Пробежит, проскачет белый конь.
Пробежит за вспаханные межи,
Меж полос копытами стуча.
Кто-то пропоёт о дальнем, нежном
На ладах таинственных звеня.
Белый конь мой скачет словно вестник,
Под ногой синеет вешний снег.
Я другую – радостную песню
Пропою под быстрый конский бег.
Просияет в искреннем порыве
Голубой в лихих глазах огонь.
И с седою, вьющеюся гривой
Пробежит, проскачет добрый конь.

Череповец, 2 февраля 1937 г.

ИЮньСКОЕ УТРО

Разбуди меня завтра рано,
Только птица чуть песнь запоёт,
Когда в синем и бледном тумане
Свет июньского утра блеснёт.

И на поле не выйдет крестьянин,
И не выгонит стадо пастух.
Пробужусь я от сладких мечтаний,
Пока звёздный свет не потух.

И ещё зарёй золотистой
Не осветится спящий восток,
Ещё капли росы серебристой
Не уронит дорожный листок.

И пока петух белокрылый
Не встряхнёт крылом ночной сон,
Не послышится сердцу милый
Старой церкви протяжный звон.

И пока над спящей рекою
Не развеется бледный туман,
Встану я тогда с ясной душою
И сойдёт с сердца ночи дурман.

Квасюнино, 1934 год.

* * *

Что найду я в бессмысленном сне?
Разве сон убаюкает грусть?
Только снится да бредится мне
Голубая под месяцем Русь.

В сне тоскую я только сильней
О былом, невозвратном, родном.
Только снится – под сенью ветвей
Мой родной опустевший дом.

Только чаща осин за двором
В перезвоне трепещет осеннем.
Перед взором встаёт отчий дом,
Только грезится сладко деревня.

Дуйте, ветры буйные,
Дуйте, завывайте.
Бедную головушку
На плечах качайте.

Детство моё милое
Видно отцвело.
Снова вспоминаю,
Что прошло давно.

За окном мне видится
Мокрая трава.
Листья пожелтевшие
Падают с куста.

Вижу пред собою
У плетня бурьян.
И растёт у дома
Тополь-великан.

Далью голубую
Улыбнутся взоры.
Милая деревня,
Ветхие заборы.

Синие овраги,
Перелески, межи.
Золотое детство,
Где ты? Где ты? Где же?

* * *

Золотое детство
Давно уж прокатилось,
Дней удалых радость
Давно уже забылась.

Месяца сиянье
Над моею хатой.
Моя юность ранняя
Счастьем не богата.
Жить мне захотелось,
Позабыв тревогу.
Выхожу я снова
Утром на дорогу.

С домотканой сумкой,
С посохом древесным.
Снова я пускаюсь
В путь мне неизвестный.

* * *

Пахнет сжатой жёлтой рожью,
Свежим запахом озёр.
И снопы у придорожья
Не охватит сразу взор.

И всегда под вечер поздний
Слышен конский, поздний бег,
Крик гусей неугомонный,
Звучный скрип колёс телег.

Наши кони сильно рвутся
На затянутой узде.
А затем они несутся
По широкой борозде.

* * *

Сергею Есенину

Синий месяц – синий цвет,
Даже синие стёкла в окне.
С золотыми кудрями поэт
И сегодня придёт ко мне.

И в родимой старинной хате
Этой ночью я не усну.
Песнь заслышу за дверью дощатой –
Перед гостем её распахну.

Прочитает он мне «Голубень»,
Золотую, и «Марфу Посадницу»,
Лишь в окне проблеснёт белый день,
Пропоёт голубую «Трерядницу».

И уйду вместе с ним отсюда,
Этот мир навсегда покину.
Пропоёт обо мне панихиду
Голубая за плетнем осина.

28 января 1936 г., д. Квасюнино

* * *

Я смотрел в загрустившие дали
В предрассветный, в предутренний час.
Только синие звёзды мерцали,
И светящийся месяц погас.

Слушал я задремавшие дали,
Песни ранних лесных соловьёв.
До меня лишь едва долетали
Перезвоны глухих голосов.

Я вдыхал ароматные дали,
Запах скошенных трав и цветов.
Блики их в синеве трепетали –
Белых, смятых сухих лепестков.

Я стремился в безбрежные дали
Голубых бесконечных полей.
Но в ответ только грустно шептали
Молодые листы тополей.
Я кричал в беспредельные дали –
Эхо тихо лишь вторило мне,
Да дремотные совы кричали
В голубой и глухой тишине.

* * *

К.И. Валькову

То ли свет погас за окном,
То ли звёздная даль загрустила,
Или ночь мой бревенчатый дом
Голубым одеялом накрыла.

Я не знаю: то вечер иль день?
Только знаю, что это весна.
Эта песня родных деревень
Вновь весенним дыханьем полна.

Я не знаю: то смех или грусть,
Иль тоска на душе у меня.
Расцветает черёмуха пусть
Нежным запахом майского дня.

Вместе с синею далью полей,
С задремавшею рощею ив
Слышу раннюю песнь лебедей,
Их печальный, призывный мотив.

Да и сам я порой при луне
В бесконечной тоске кричу.
Неужель не откроешь мне
Свою дверь – я давно стучу.

Череповец, 1936

* * *

Я кормил коня из рук травой,
Вороного быстрого коня ...
Он кивал красивой головою,
Ржаньем звучным нежно звал меня.
Бил он в землю тонкою ногою,
И в глазах горел лихой огонь.
Удила кусал и под дугою
Рвал аркан мой быстроходный конь.

Я кормлю коня, пою и холю,
Крепь и прыть, и силы берегу.
На коне помчусь я завтра в поле.
На заре. Цветами на лугу.
Буду видеть я и буду слышать –
Ноздри тонкие коня дрожат,
Конь мой трепетно и ровно дышит,
В удилах упрямо рот зажат.

Не пади, не выдай, конь мой милый!
Доскачи до цели быстрый конь.
У меня в крови бушуют силы
У меня в крови горит огонь.

* * *

Собери котомку, мама,
Положи мне в узелок
Две рубашки полотняных,
Полотенце да платок.

Да ещё вот захвачу я
Томик Блока, чтоб в пути,
Вспомнив девушку родную,
Строчки нежные найти.

Где-нибудь в горячем бое
Кровь польётся ручейком,
Рану жесткую закрою
Твоим беленьким платком.

Собери бельишко, мама.
Утром раньше разбуди.
Не печаль меня глазами –
Путь далёкий впереди.

* * *

Мне молодость снится моя
В разлуках и памятных встречах:
Мне снятся родные поля
И летний, задумчивый вечер.

Шумит перед выгоном рожь,
И ты, оглянув поле впристаль,
Знакомой дорогой идёшь,
Уходишь из дому на пристань.

Затих кривоноговский лес*,
В закате Квасюнино, поле ...
И дом в предвечерний отъезд,
И сад тебе жалко до боли.

* Лес, растущий недалеко от деревни Квасюнино, назывался Кривоногово.

* * *

С узелком на берег вышел.
Тихий вечер на Шексне.
Оглянусь – родные крыши
Пропадают в синеве.

Станут памятью последней
На песке мои следы,
Над уснувшей деревней
Зазвеневающие лады.

Про любовь поют ребята –
Песню эхо принесло.
Опускается с закатом
Лета крашено весло.

* * *

Каждый вечер свистят пароходы,
Каждый вечер кого-то зовут ...
Молодые весёлые годы
От своих берегов отплывут.

Уплывут пароходами быстрыми,
Отшумят, повинуясь ветрам,
Отгорят разноцветными искрами,
Подойдут к дорогим пристаням.
<...>

Распылённое жизни начало
Не отметит на грани дорог,
Где какую любовь укачало,
Где какой захлестнуло восторг.

Каждый вечер гудят пароходы,
Каждый вечер куда-то зовут.
Молодые весёлые годы
Пароходным дымком уплывут.

РАЗЛУКА

В мелкой речке быстрая вода
Уговаривает девичью печаль. —
Полюбила парня навсегда,
Дорогого парня очень жаль.

Босиком на золотой песок
Выходила в тихий вечерок,
В струи — руки, словно два крыла,
И в ладони воду чистую брала ...

Тяжело девчонке молодой,
Горькую печаль не утопить.
Наклонила ива над водой
В струи ветви, словно хочет плыть.

Девушка, как ивушка, одна
И печалью вечера полна.
Сердце замирает от разлуки,
Уронила голову на руки.

Где страдала — счастье, счастье где?
Или утонуло навсегда
В светлых струях, в голубой воде?
В мелкой речке быстрая вода ...

* * *

Прощай задумчивое лето
И уходящее тепло.
Сиянье солнечного света
Из тихой рощи потекло.

И предосенняя прохлада
Под россыпь августовских рос

Летит в лицо из-за ограды
От шёлковой листвы берёз.

В кончине голубого лета,
В уходе августовских дней –
Неповторимая примета
Кончины юности моей.

Прощай задумчивое лето
И синих, ясных дней кольцо,
Мне осень ранняя с приветом
Пахнула свежестью в лицо.

* * *

Убавляя в клёнах соки,
Кто зажжёт костёр живой,
Кто зажжёт костёр высокий
За оградой садовой?

Кто на узенькой дорожке
Охладил слегка песок,
У раскрытого окошка
Бросил тень наискосок?

Кто разносит над кустами
Переспелых ягод дух,
Кто разносит вечерами
Эхо звонкое за двух?

Кто спускает солнца нити
В пруд, что зеркалом блестит? ...

На пороге у калитки
Осень тихая стоит.

* * *

На осеннюю малину
Лил закат вечеровой.
Замер оклик журавлиный
Над деревнею родной.

Золотой закат не тает,
И горит узор кустов,
Дремлет, листьев не роняет,
К зимней праздности готов.

И в покое палисада,
Где малинник под окном,
Голубая ночь. Прохлада
Машет ведренным крылом.

Пахнет ягодой последней
Над серебряной травой.
Это осень по деревне
Ходит с рыжей головой.

* * *

Поля туманные, до встречи!
И осенний тихий лес,
Пахни смолой в последний вечер
На запоздалый мой отъезд.

Остановлюсь, как бы безмолвный,
Всё в памяти переберу.
Воспоминаний милых полный,
Любимой имя назову.

Я вновь вернусь грядущим летом
В хоромы новые твои,
А в этот час перед отъездом
Смолистым духом напои.

* * *

Тихий, мягкий день осенний
На закат направил бег.
Словно брызги белой пены,
Закружился первый снег.

В этой свежести предзимней
Из-за чащи голубой
Слышу оклик лебединый
Над прохладой ключевой.

Этот вечер будет гранью,
Сразу вставшей на холмы,
Поздней осени и ранней
Набегающей зимы.

* * *

Мимо низенького дома,
Мимо белого окна,
Тихой улицей знакомой
Проходила я вчера.

Проходила на закате,
Встречи прежние любя,
Проходила в белом платье –
Надевала для тебя.

В сердце грусть, в истоме тело,
И в глазах моих темно.
Всё глядела, всё глядела
На заветное окно

Шла дорожкой в платье белом,
Встречи прежние любя.
Все глаза-то проглядела,
Но не встретила тебя.

* * *

Дымок душистой папироски
Хороший день напомнил мне:
Туман предутренний июньский,
Дым парохода на Шексне.

У старой пристани дерева.
За перелеском голубым
Мелькнула милая деревня
Перед восходом золотым.

За встречей радостной, приветной
Я навсегда запомнить мог:
Гулянье, песни в праздник летний
И неразгаданный восторг.

В воспоминанье не случайны:
Дым папироски,
Пароход,
Приезд домой,
Река в тумане,
Деревня,
Встреча
И восход.

* * *

Чья-то новенькая хромочка
Играет на заре ...
Синеглазая девчоночка
Жила на хуторе.

Не найти дорожку эту,
Где гулял и провожал
Нежной молодости лето,
Где расстаться было жаль ...

Не любимой улыбаюсь –
На зелёную зарю ...
Я не пьяный, да шатаюсь
И никак не прикурю ...

* * *

Есть минута тихая
В сумерках зимы,
Когда часы, потихивая,
Говорят из тьмы.

В этих звуках тоненьких,
Как издавека –
Перебор гармоника,
Песня ручейка.

Погляди на узкую
Полосу зари –
Выслушаешь музыку
Сумерек зимы.

И услышишь близкие
Сердцу имена ...
Шелестит записками
Темень – тишина.

Деревенская околица

Надежда Феофановна Калачёва (Валькова)
с внучкой Люсей. 1959 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
«КРАЙ СТУДЁНОЙ, СМЕРЕННОЙ ДОЛИ...»	
(Л.Г. Яцкевич-Калачёва)	5
Духовная жизнь деревни Квасюнино	11
К. И. Вальков. «Я дарю тебе этот край ...»	17
УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕРЕВНИ	
КВАСЮНИНО (Л. Г. Яцкевич-Калачёва)	18
Репинская сосна и река Игайка	18
Квасюнинские частушки	21
Словарь диалектизмов и фольклоризмов, использованных в тексте частушек	73
НАРОДНАЯ РЕЧЬ ДЕРЕВНИ КВАСЮНИНО (Словарь)	
(Л. Г. Яцкевич-Калачёва)	97
ЖИВАЯ СТАРИНА ДЕРЕВНИ КВАСЮНИНО	
(Семейная хроника)	154
ВАЛЬКОВЫ ФЕОФАН СЕМЁНОВИЧ И ЕННАФА	
ВАСИЛЬЕВНА (Л. Г. Яцкевич-Калачёва)	154
ПРАДЕД ФЕОФАН СЕМЁНОВИЧ	154
ПРАБАБУШКА ЕННАФА ВАСИЛЬЕВНА	155
РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ВАЛЬКОВЫХ	156
ВАЛЬКОВЫ АНДРЕЙ ФЕОФАНОВИЧ И	
УЛЬЯНА ИВАНОВНА	157
ВОСПОМИНАНИЯ ЮРИЯ АНДРЕЕВИЧА ВАЛЬКОВА	
ОБ ОТЦЕ	157
ВОСПОМИНАНИЯ ОЛЬГИ АНДРЕЕВНЫ ОБ ОТЦЕ	160
НАША СЕМЬЯ (Ольга Андреевна Валькова)	163
УЛЬЯНА ИВАНОВНА ВАЛЬКОВА	
(Л. Г. Яцкевич-Калачёва)	173
ВАЛЬКОВЫ ИВАН ФЕОФАНОВИЧ И НАТАЛЬЯ	
НИКОЛАЕВНА (Л.Г. Яцкевич-Калачёва)	176
КАЛАЧЁВЫ СТЕПАН МИТРОФАНОВИЧ И НАДЕЖДА	
ФЕОФАНОВНА (Л.Г. Яцкевич-Калачёва)	179
КАЛАЧЁВ СТЕПАН МИТРОФАНОВИЧ	179
КАЛАЧЁВА НАДЕЖДА ФЕОФАНОВНА	187
ВОСКРЕСЕНИЕ НА ШЕКСНЕ	193
КАЛАЧЁВА ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА	211
ТИХОМИРОВ АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ	
И ЕГО СЕМЬЯ (Л.Г. Яцкевич –Калачёва)	215
АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ ТИХОМИРОВ	215
О Б Е Т	220
КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА	
ШЕКСНЕ (В.А. Яцкевич)	239
КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ	251
СТИХИ О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ В.С. КАЛАЧЁВА	253

ЭХО	253
«Я покинул родную деревню ...»	254
БЕЛЫЙ КОНЬ	254
Июньское утро	255
«Что найду я в бессмысленном сне? ...»	256
«Дуйте, ветры буйные ...»	257
«Золотое детство ...»	258
«Пахнет сжатой жёлтой рожью ...»	258
«Синий месяц – синий цвет ...»	259
«Я смотрел в загрустившие дали ...»	259
«То ли свет погас за окном ...»	260
«Я кормил коня из рук травой ...»	261
«Собери котомку, мама ...»	261
«Мне молодость снится моя ...»	262
«С узелком на берег вышел ...»	263
«Каждый вечер свистят пароходы ...»	263
РАЗЛУКА	264
«Прощай задумчивое лето ...»	264
«Убавляя в клёнах соки ...»	265
«На осеннюю малину ...»	266
«Поля туманные, до встречи! ...»	266
«Тихий, мягкий день осенний ...»	267
«Мимо низенького дома ...»	267
«Дымок душистой папироски ...»	268
«Чья-то новенькая хромочка ...»	268
«Есть минута тихая ...»	269

Слово о родной деревне

Подписано к печати 26.09.2011 г. Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Бумага ксероксная. Уч.-изд. л. 14. Усл. печ. л. 16. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО ТПФ «Граффити»
160035, Вологда, ул. Зосимовская, 15-а

